This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

послушался и послѣ, смѣясь, дразнилъ товарищей тѣмъ, что когда тѣ имѣли одно блюдо, у него ихъ было два: „sans сухари и avec сухари“.

Вообще гости оказались весьма сообщительными: они очень скоро подружились съ нашими солдатами и послѣ обѣда уже совершенно освоились съ своимъ новымъ положеніемъ.

5-го сентября послана была рота Владимірскаго полка къ устью Альмы. Пользуясь этимъ случаемъ, я и нѣсколько офицеровъ отправились туда изъ любопытства и для ознакомленія съ мѣстностью. Здѣсь видѣли мы два непріятельскіе парохода, медленно двигавшіеся невдалекѣ отъ берега и, по всему вѣроятію, дѣлавшіе промѣры.

7-го сентября къ ставкѣ князя Меншикова приведенъ былъ гусарскимъ вахтмистромъ взятый имъ въ плѣнъ, производившій рекогносцировку, полковникъ французскаго генеральнаго штаба. Говорили, будто желающему узнать о его фамиліи князю, плѣнникъ, вмѣсто отвѣта, вѣжливо подалъ свою визитную карточку. Вахтмистръ получилъ Георгіевскій крестъ, лошадь плѣнника и денежную награду.

Но трофей этотъ омрачился грустнымъ происшествіемъ. Авангардъ нашъ, принявъ бывшихъ въ кителяхъ гусаръ полка генералъ маіора Халецкаго за французскихъ кирасиръ, открылъ по нимъ огонь изъ орудій. Нѣсколькихъ раненыхъ провезли мимо занимаемаго нашимъ полкомъ бивуака.

Казацкіе разъѣзды сообщили, что [illegible] остановились отъ нашей позиціи верстахъ въ [illegible]

Ночью съ высотъ нашихъ виднѣлись ихъ бивуачные огни.

Альминское сраженіе.

Утро 8-го сентября, дня памятнаго сраженія при Альмѣ, — поднялось ясное и жаркое, обѣщая намъ, не привычнымъ къ южному солнцу, кромѣ предстоящей борьбы съ непріятелемъ, еще сильную истому. Но пока мы объ этомъ не думали. Владимірцы въ то время были большей частью всѣ новички, не обстрѣленные.

Въ полку обнаружилось что-то торжественное. Ожидаемая встрѣча съ союзниками видимо возбуждала сильный интересъ въ душѣ каждаго изъ насъ, производя естественное колебаніе между чувствомъ патріотизма, повелѣвающимъ не щадить себя, и желаніемъ жить. Впрочемъ, эти два нравственные элемента какъ-то смутно вяжутся съ собой, и то на первыхъ порахъ вступленія въ колею войны, но лишь разъ колея эта проступлена, скоро свыкаешься съ новымъ положеніемъ своимъ, нравственная тревога становится дѣломъ обычнымъ и, наконецъ, перерождается въ одно неизмѣнное чувство исполненія необходимаго долга. Здѣсь утверждается главная пружина всѣхъ волненій и ожиданій; все же прочее мало-помалу отодвигается на второй планъ.

Отслужили молебенъ. Послѣ ранняго и скораго обѣда солдаты начали приводить въ порядокъ оружіе и амуницію. Р[illegible] почти надѣвали чистое бѣлье. Безъ шума и бе[illegible] [illegible]ческой суеты совер-

шалось это послѣднее для многихъ изъ нихъ приготовленіе.

Къ 10 часамъ баталіоны стояли уже въ колонахъ къ атакѣ на назначенныхъ мѣстахъ. Влѣвѣ, по направленію къ морю, виднѣлись также неподвижно стоявшія колонны.

Около полудня на лѣвомъ флангѣ нашемъ раздались первые выстрѣлы; и спустя еще около часа, сквозь дымъ пылающаго Бурлюка *) намъ стали виднѣться красные мундиры англичанъ.

Подходя къ мѣсту, англійскія войска, встрѣченныя сильнымъ огнемъ нашихъ батарей и штуцеровъ, поспѣшно повернули назадъ. Потомъ, подкрѣпленныя новыми массами и переправясь частью черезъ мостъ, частью въ бродъ, доступной для перехода Альмы, появились во многихъ мѣстахъ на лѣвомъ берегу.

Понеся огромныя потери, наша первая линія частями начала отступать подъ натискомъ многочисленнаго врага, ворвавшагося за ней на находящійся вправѣ отъ насъ эполементъ, съ котораго едва успѣла отъѣхать батарейная батарея.

На эполементѣ развѣвалось англійское знамя. Баталіоны Владимірскаго полка ударили въ штыки. Не принявъ атаки, непріятель быстро отступилъ къ рѣкѣ, гдѣ устроившись, поражалъ наши баталіоны изъ развернутаго фронта штуцернымъ и артиллерійскимъ

*) Находившійся противъ нашей позиціи, на правомъ берегу р. Альмы аулъ Бурлюкъ, при приближеніи непріятеля былъ зажженъ саперами.

огнемъ. Командиръ полка полковникъ Ковалевъ былъ тяжело раненъ.

Князь Горчаковъ, спустя немного, подъѣхавъ къ 3-му баталіону, повелъ насъ въ атаку. Одновременно повторили атаку и прочіе баталіоны. Въ это время лопнувшей гранатой была опрокинута подъ княземъ лошадь. Адъютантовъ никого при немъ не было. На мою долю выпалъ счастливый случай, при помощи нѣсколькихъ солдатъ, освободить князя отъ тяжести упавшаго коня. Англичане вновь не приняли удара. Учащенные выстрѣлы ихъ вскорѣ принудили насъ отойдти къ эполементу, за которымъ и соединились остатки владимірскихъ баталіоновъ.

Увидѣвъ за эполементомъ два оставленныя нашей батареей орудія, неоднократно требовались полкомъ лошади, или по крайней мѣрѣ ерши для забивки; но посланные возвращались ни съ чѣмъ.

Имѣя противъ себя съ фронта и съ правой стороны огромныя массы англійскихъ войскъ и слѣва поражаемые продольными выстрѣлами двухъ французскихъ батарей, все противудѣйствіе свое, впродолженіе почти получаса, мы могли ограничивать одной только ружейной перестрѣлкой.

Получивъ приказаніе отступать, мы, наконецъ, оставили эполементъ, буквально покрытый грудами труповъ Владимірцевъ.

Во время отступленія, при назначеніи для командованія частями полка, оказались во фронтѣ: 2 штабъ-офицера и 9 оберъ-офицеровъ. Убыль же нижнихъ чиновъ была такъ велика, что полкъ разсчитанъ былъ

въ одинъ баталіонъ, для скорости, составивъ роту изъ каждаго баталіона *).

Отойдя къ Качѣ, стали бивуакомъ на ночлегѣ.

Не знаю, какъ судьба сберегла меня на этотъ разъ. Я вышелъ изъ сраженія цѣлъ и невредимъ, только шинель моя пострадала отъ девяти пробоинъ. Не смотря на усталость, въ эту ночь я дурно спалъ. Кровавая картина смерти, въ первый разъ видѣнная мною, рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти. Изуродованные члены, зіяющія раны, стоны, просящіе скорѣйшаго конца мученій, — все слилось въ какой-то смертный, болѣзненно отдающійся въ головѣ, хаосъ.

Между нѣкоторыми, частію еще съ слабыми признаками жизни, съ грустью видѣлъ я моего молодаго сослуживца — Александра Васильевича Даманскаго. Кровь фонтаномъ лилась изъ порванныхъ горловыхъ жилъ. Онъ узналъ меня и могъ еще выразительнымъ жестомъ просить смерти. Не подалеку отъ него жалобно выла собака надъ трупомъ своего хозяина. „Скатовъ“, сказалъ кто-то и поманилъ съ собою вѣрнаго пса, получившаго отъ сего времени, вмѣсто клички, фамилію своего покойнаго владѣльца. Тутъ вспомнился мнѣ другой солдатъ, павшій на моихъ глазахъ. Многіе тоже видѣли отчаянную, можно сказать, изступленную храбрость рядоваго 1-й гренадерской роты Звѣрковскаго, — въ числѣ нѣсколькихъ выбѣжав-

*) Въ Альминскомъ сраженіи выбыло изъ строя Владимірскаго полка: убитыми—штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 18, нижнихъ чиновъ 561; ранеными — штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 27, нижнихъ чиновъ 583 и безъ вѣсти пропавшими нижнихъ чиновъ 108.

шихъ во время атаки впередъ, чтобы схватить англійское знамя. Какъ теперь вижу его рослую, мощную фигуру, когда онъ, бросивъ съ переломленнымъ штыкомъ ружье, замѣнилъ его вырваннымъ у убитаго врага, и прикладомъ наносилъ удары, нападавшимъ на него англичанамъ, пока, наконецъ, и его львиная сила сломилась; онъ упалъ, въ свою очередь, сраженный ударомъ по головѣ. Свидѣтель этой страшной до величія картины, я отъ души жалѣлъ, что храбрецу уже не придется носить вполнѣ заслуженный имъ Георгіевскій крестъ.

Каково же было общее удивленіе, когда черезъ три дня, Звѣрковскій вдругъ неожиданно явился къ полку, къ тому же не одинъ, съ нимъ прибыли нѣсколько легко раненныхъ товарищей и всѣ объяснили: что ночью, послѣ битвы 8-го сентября, Звѣрковскій, освѣженный холодомъ и росой, опомнился отъ своей раны, и увидѣвъ себя въ плѣну, подговорилъ другихъ, способныхъ встать на ноги раненныхъ и, воспользовавшись небрежностію перепившихся англичанъ, прорвался вмѣстѣ съ ними сквозь цѣпь.

Отличіе храбрыхъ — Георгіевскій крестъ, разумѣется, былъ имъ полученъ.

9-го сентября, на разсвѣтѣ, поднявшись съ бивуака, полкъ выступилъ въ Севастополь, и часу въ первомъ прибылъ на Южную сторону.

На привалѣ посѣтили насъ севастопольскія дамы, одѣтыя въ траурныя платья, и тутъ же любезно угостили роскошнымъ завтракомъ. Мы едва успѣвали отвѣчать на исполненные сочувствія разспросы ихъ о хо-

сошла, однако, не совсѣмъ благополучно: внезапно почти въ началѣ обѣда ударили подъемъ и мы, не узнавъ причины, пошли дальше. При томъ же мнѣ пришлось поплатиться своими вещами. Ротныя артельныя повозки и моя оказались захваченными непріятелемъ, вмѣстѣ съ находившимися при нихъ людьми. Гораздо позже, по окончаніи войны, одинъ изъ сослуживцевъ моихъ, бывшій въ плѣну у англичанъ, объяснилъ мнѣ причину предполагаемой оплошности обозной прислуги. Случайно встрѣченный въ Портсмутѣ артельщикъ моей роты разсказалъ ему, что оступившаяся на крутизнѣ одна изъ лошадей, сильно захромала; поэтому онъ принужденъ былъ отстать отъ общаго обоза и попалъ въ руки непріятеля.

14-го сентября полкъ нашъ занялъ позицію близъ д. Отаръ-Кой, верстахъ въ 5-ти отъ Бахчисарая, и раскинулъ цѣпь, въ окружавшихъ селеніе, садахъ. Для удобства сообщенія въ аванпостами, устроены были мостики чрезъ канавы садовъ.

Князь Меншиковъ главныя силы отряда отвелъ къ Бахчисараю, оставивъ насъ такимъ образомъ въ авангардѣ.

Запасъ, взятыхъ изъ Севастополя, сухарей истощился. Посланные въ Бахчисарай за хлѣбомъ, по недостатку чернаго, приносили бѣлый, отчего непривычные солдатскіе желудки видимо тосковали. Обоза же своего, оставленнаго въ Севастополѣ, мы встрѣтить не надѣялись. Зная слабость Южной стороны и малочисленность оставленнаго въ городѣ гарнизона, состоявшаго только изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, не

Дозв. ценз. 17 Октября 1872 г.

Тип. А. Траншеля, Влад. пр. 1.

БАТАРЕЯ КОРНИЛОВСКАГО (МАЛАХОВА) БАСТІОНА

НА КОТОРОЙ УБИТЪ БЫЛЪ КОРНИЛОВЪ.

безъ основанія можно было предположить, что союзники не преминутъ воспользоваться выгодой своего положенія и не замедлятъ занять городъ. На эту позицію къ намъ привезенъ былъ казаками на татарской арбѣ, найденный умирающимъ на Альминскомъ полѣ, 6-й роты унтеръ-офицеръ Алексѣевъ. Получивъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ, онъ пять дней лежалъ на мѣстѣ. Татары ограбили его и оставили умирать. Только лишь обильной росой могъ онъ поддерживать свое существованіе. Раны уже покрылись червями. Несчастный походилъ болѣе на какой-то обгорѣлый скелетъ, чѣмъ на живое существо. Въ этомъ-то жалкомъ положеніи, казаки нашли въ немъ признаки жизни, и отбивъ, продолжавшихъ грабить тѣла, татаръ, подняли и привезли на нашу позицію. Сколько радости было на искудаломъ лицѣ этого живаго мертвеца, когда мы съ участіемъ обступили его. Больше всего онъ утѣшался тѣмъ, что умретъ, наконецъ, между своими, и что ему уже не грозитъ, какъ прежде, опасность быть заживо растерзаннымъ орлами, на защиту отъ которыхъ онъ долженъ былъ ежеминутно тратить свои послѣднія силы. Но умереть ему видно еще не суждено было въ этотъ разъ. Я видѣлъ его уже гораздо позже, въ январѣ 1855 года, выздоравливающимъ въ Симферопольскомъ госпиталѣ. Алексѣевъ, въ то время значительно поправившійся, могъ сидѣть уже на кровати и, какъ дитя, радовался апельсинамъ, которые я ему принесъ.

16-го, оставивъ д. Отаръ-Кой, полкъ двинулся по направленію къ Севастополю и расположился для при-

вала на Бельбекѣ. Здѣсь нашли мы свѣжіе слѣды непріятеля: павшія лошади, растрепанные русскіе ранцы, при которыхъ не оказалось ни однихъ запасныхъ сапоговъ, вмѣсто же ихъ валялись сабо, брошенные, вѣроятно, вслѣдствіе непримѣнимости этой обуви къ крымской осенней грязи, для которой сапоги русскаго солдата были гораздо пригоднѣе.

17-го, находясь въ составѣ авангарда, полкъ занялъ позицію у Инкерманскаго спуска.

18-го обозы наши и продовольствіе, наконецъ, прибыли. Мы были поражены радостною вѣстью о свободномъ сообщеніи съ Севастополемъ. Никто не могъ отыскать причинъ, понудившихъ непріятеля не прямо занять городъ, что онъ могъ бы сдѣлать почти безпрепятственно, а приступить къ правильной осадѣ Южной стороны, на которой энергично начатыя вице-адмираломъ Корниловымъ укрѣпленія подавали надежду на упорную оборону.

Съ 18-го сентября, по 1-е октября, нѣсколько разъ перемѣняли позицію и поэтому устройство шалашей у насъ пропадало даромъ.

Впродолженіе этого времени, чередуясь съ другими полками 16-й дивизіи, Владимірскій полкъ по ночамъ ходилъ въ цѣпь къ развалинамъ Инкермана и посуточно на Мекензіеву гору, для охраненія дороги, идущей изъ долины Черной рѣчки.

Въ ночь съ 1-го октября, спустившись съ Мекензіевыхъ высотъ, Владимірскій полкъ съ 2-мя сотнями Донскихъ казаковъ, при 4-хъ легкихъ орудіяхъ, на другой день утромъ занялъ д. Чоргунъ.

Моей ротѣ пришлось расположиться позади дома, принадлежащаго помѣщицѣ Мавро-Михайли. Зданіе моей новой квартиры издали весело рисовалось среди богатой листвы роскошнаго сада, раскинутаго на скатѣ горы, у подошвы которой красиво извивалась полоса небольшой рѣчки. Цѣлый лѣсъ орѣховыхъ и миндальныхъ деревьевъ манилъ глазъ прохладой и отдохновеніемъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ, вправѣ отъ дома, стояла довольно хорошо сохранившаяся башня. По всему вѣроятію, то былъ памятникъ XIII столѣтія, времени владычества въ Крыму генуэзцевъ.

Утомленные ночной службой и безпрестанными переходами, мы усталые шли въ полной надеждѣ на ожидающій насъ радушный пріемъ хозяевъ, и позволеніе пользоваться, хотя кратковременно, давно покинутыми удобствами осѣдлой жизни. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Уже при первомъ приближеніи къ дому, меня поразило глухое безмолвіе, царившее кругомъ. Ни въ одномъ окнѣ, ни въ одной двери не показывалось живаго существа. Обширный дворъ съ помятыми цвѣтами на изрытыхъ клумбахъ, глядѣлъ какимъ-то побоищемъ, а домъ съ выбитыми стеклами и вертящимися на оторванныхъ петляхъ ставнями, потерялъ вблизи всю свою прелесть, такъ привлекавшую издали.

Такое раззореніе, при свѣжихъ слѣдахъ недавняго жилья, не мало меня озадачило. При первомъ же вступленіи во внутренность дома, я изумился еще больше. Фамильные документы владѣльцевъ, съ вырванными печатями, оплеванныя иконы, перело-

манная мебель, битая посуда—все валялось въ безпорядкѣ. Между прочими разбросанными предметами, я поднялъ съ полу письма, видимо, писанныя разными женскими почерками, къ одной и той же личности, на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, а именно, помнится: на ново-греческомъ, французскомъ и итальянскомъ. Письма и документы я спряталъ; также иконы и мебель были поставлены на мѣсто и все, что только можно было, приведено въ порядокъ.

Я недоумѣвалъ, неужели французы или англичане способны были сдѣлать подобное безсмысленное кощунство? На утро дѣло выяснилось. Явилась старуха, и объявивъ себя няней племянницы владѣтельницы дома, поблагодарила меня за возстановленіе порядка, а въ особенности за сохраненіе документовъ и писемъ. Няня разсказала, что наканунѣ нашего прихода въ Чоргунъ, неожиданно напали на домъ жители того же селенія татары, тайно продававшіе скотъ и фуражъ французамъ, и изъ ненависти къ русскимъ, предавшіе разгрому ни въ чемъ неповинное помѣстье г-жи Мавро-Михайли. Старушка тетка и молодая дѣвушка ея племянница, равно какъ и вся прислуга, едва спаслись бѣгствомъ.

Въ тотъ же день проѣзжали черезъ Чоргунъ, выпущенныя французскимъ главнокомандующимъ Канробером изъ Балаклавы—греческія семейства. Они очень обрадовались нашему отряду, называли насъ своими избавителями отъ татаръ, которыхъ они не безъ основанія боялись. Расположась на отдыхъ въ селеніи, греки угощали насъ своимъ „кефали“ (мари-

нованная рыба) и, при прощаньи, крестили и вновь благодарили за безопасный путь. Жаль только, что обоюдные комплименты наши выражались, съ одной и съ другой стороны, болѣе пантоминами. Греки, а особенно гречанки, не говорили и не понимали почти по-русски.

Съ наступленіемъ ночи, сообразно приказанію, я разставилъ цѣпь на берегу рѣчки. Среди мрака, въ двухъ шагахъ не видно было человѣка. Какое-то непонятное щелканье, сопровождаемое частымъ звяканьемъ оружія въ различныхъ направленіяхъ, сильно тревожило меня всю ночь. Я поперемѣнно переходилъ съ одного мѣста на другое, думая открыть осторожное приближеніе непріятеля, но всегда возвращался съ неудачей и въ полномъ невѣденіи причины продолжавшаго безпокоить меня шума. Къ утру загадка разрѣшилась весьма естественнымъ образомъ. Груды миндальной и орѣховой скорлупы подъ деревьями объяснили все. Мои солдаты просто лакомились, на досугѣ отбивая плоды штыками съ деревъ и производя звяканье, не давшее мнѣ покоя всю ночь. Въ оправданіе же нарушенія своей служебной обязанности они привели тотъ фактъ, что въ Москвѣ только дворяне и купцы кушаютъ орѣхи и миндаль, да и то за деньги, какъ же солдату отказать себѣ въ даровомъ угощеніи? Послѣ столь наивно-откровеннаго отвѣта, мнѣ не хватило духу сдѣлать болѣе строгое взысканіе и я ограничился однимъ замѣчаніемъ, чтобы впередъ этого не было.

5-го октября, наканунѣ выступленія изъ Чоргуна,

намъ слышался отдаленный неумолкаемый гулъ выстрѣловъ, что, какъ впослѣдствіи оказалось, было первое знаменитое бомбардированіе Севастополя. Все время пребыванія нашего въ селеніи, съ 2 по 6, мы относительно стола благодушествовали вполнѣ. Не говоря о превосходной зелени, добываемой въ окружныхъ огородахъ, по распоряженію командующаго полкомъ, варились въ изобиліи откормленные татарскіе быки и особено бараны.

6-го, простившись съ роскошнымъ Чоргуномъ и смѣненные Азовскимъ и Днѣпровскимъ полками 12-й пѣхотной дивизіи, мы заняли прежнюю позицію на Инкерманскихъ высотахъ.

Балаклавское сраженіе. 12-го октября ночь была темная и дождливая. Составивъ отрядъ генералъ-маіора Жабокритскаго, Владимірскій (переформированный уже въ 3-хъ баталіонный составъ) и Суздальскій полки, двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона, два гусарскихъ эскадрона, двѣ сотни донскихъ казаковъ и около 150-ти пластуновъ, при 14-ти орудіяхъ, двинулись по Мекензіевымъ высотамъ.

На пути былъ сдѣланъ привалъ. Въ потьмахъ, между усѣвшимися солдатами и пластунами, слышался одинъ неизмѣнный, въ то время, разговоръ о недостаткѣ сухарей, которыхъ не могла для нихъ замѣнить усиленная порція мяса, выдаваемая изъ отбитыхъ казаками, какъ говорили, тысячъ до тридцати головъ скота, препровождаемаго татарами къ непріятелю, въ Эвпаторію.

Послѣ привала знакомымъ путемъ спустились мы

въ долину Черной рѣчки, которую на разсвѣтѣ перешли черезъ Каменный, или такъ называемый, Трактирный мостъ, гдѣ и остановились. Во время отдыха наши несообщительные и молчаливые пластуны не забыли помолиться на востокъ, или вѣрнѣе прочитать заговоръ о сохраненіи жизни въ сраженіи, какъ объясняли они солдатамъ. Выраженіе лицъ доказывало, что смыслъ таинственныхъ и завѣтныхъ молитвъ раскольничьяго издѣлія, сопровождался полнымъ убѣжденіемъ.

Часу въ 6-мъ, когда влѣвѣ отъ насъ раздались пушечные выстрѣлы, генералъ Жабокритскій приказалъ ударить подъемъ. Отрядъ двинулся вправо черезъ Федюхины высоты.

На послѣдней высотѣ, съ которой довольно отчетливо были видны на нѣкоторыхъ непріятельскихъ редутахъ наши, развѣвающіяся знамена, батарейная батарея наша заняла позицію. Владимірскій полкъ составлялъ ея прикрытіе. Суздальскій же находился во второй линіи. На скатъ высоты были высланы въ цѣпь стрѣлки и пластуны.

Вскорѣ войска генерала Липранди овладѣли еще редутомъ. Дружное и радостное „ура“ наше вторило виновникамъ новаго торжества надъ непріятелемъ.

Нѣсколько офицеровъ, подойдя къ батарейной батарѣе, бившей непріятеля во флангъ, слѣдили за ходомъ кавалерійскихъ атакъ. Не много спустя два французскихъ эскадрона, сдѣлавши заѣздъ, понеслись на нашу позицію. Мы поспѣшно построили каре. Атака африканскихъ конныхъ егерей (chasseurs d'Afrique) была такъ стремительна, что черезъ нѣсколько минутъ

намъ слышался отдаленный неумолкаемый гулъ выстрѣловъ, что, какъ впослѣдствіи оказалось, было первое знаменитое бомбардированіе Севастополя. Все время пребыванія нашего въ селеніи, съ 2 по 6, мы относительно стола благодушествовали вполнѣ. Не говоря о превосходной зелени, добываемой въ окружныхъ огородахъ, по распоряженію командующаго полкомъ, варились въ изобиліи откормленные татарскіе быки и особено бараны.

6-го, простившись съ роскошнымъ Чоргуномъ и смѣненные Азовскимъ и Днѣпровскимъ полками 12-й пѣхотной дивизіи, мы заняли прежнюю позицію на Инкерманскихъ высотахъ.

Балаклавское сраженіе. 12-го октября ночь была темная и дождливая. Составивъ отрядъ генералъ-маіора Жабокритскаго, Владимірскій (переформированный уже въ 3-хъ баталіонный составъ) и Суздальскій полки, двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона, два гусарскихъ эскадрона, двѣ сотни донскихъ казаковъ и около 150-ти пластуновъ, при 14-ти орудіяхъ, двинулись по Мекензіевымъ высотамъ.

На пути былъ сдѣланъ привалъ. Въ потьмахъ, между усѣвшимися солдатами и пластунами, слышался одинъ неизмѣнный, въ то время, разговоръ о недостаткѣ сухарей, которыхъ не могла для нихъ замѣнить усиленная порція мяса, выдаваемая изъ отбитыхъ казаками, какъ говорили, тысячъ до тридцати головъ скота, препровождаемаго татарами къ непріятелю, въ Эвпаторію.

Послѣ привала знакомымъ путемъ спустились мы

въ долину Черной рѣчки, которую на разсвѣтѣ перешли черезъ Каменный, или такъ называемый, Трактирный мостъ, гдѣ и остановились. Во время отдыха наши несообщительные и молчаливые пластуны не забыли помолиться на востокъ, или вѣрнѣе прочитать заговоръ о сохраненіи жизни въ сраженіи, какъ объясняли они солдатамъ. Выраженіе лицъ доказывало, что смыслъ таинственныхъ и завѣтныхъ молитвъ раскольничьяго издѣлія, сопровождался полнымъ убѣжденіемъ.

Часу въ 6-мъ, когда влѣвѣ отъ насъ раздались пушечные выстрѣлы, генералъ Жабокритскій приказалъ ударить подъемъ. Отрядъ двинулся вправо черезъ Федюхины высоты.

На послѣдней высотѣ, съ которой довольно отчетливо были видны на нѣкоторыхъ непріятельскихъ редутахъ наши, развѣвающіяся знамена, батарейная батарея наша заняла позицію. Владимірскій полкъ составлялъ ея прикрытіе. Суздальскій же находился во второй линіи. На скатъ высоты были высланы въ цѣпь стрѣлки и пластуны.

Вскорѣ войска генерала Липранди овладѣли еще редутомъ. Дружное и радостное „ура“ наше вторило виновникамъ новаго торжества надъ непріятелемъ.

Нѣсколько офицеровъ, подойдя къ батарейной батарѣе, бившей непріятеля во флангъ, слѣдили за ходомъ кавалерійскихъ атакъ. Не много спустя два французскихъ эскадрона, сдѣлавши заѣздъ, понеслись на нашу позицію. Мы поспѣшно построили каре. Атака африканскихъ конныхъ егерей (chasseurs d'Afrique) была такъ стремительна, что черезъ нѣсколько минутъ

мы уже видѣли, какъ они начали рубить батарейную прислугу. Впрочемъ, батарейная батарея, почти безъ урона, успѣла отъѣхать между нашими наступавшими каре, которыя тотчасъ же и были атакованы непріятелемъ. Встрѣченные залпами эскадроны вынуждены были ускакать назадъ, провожаемые выстрѣлами нашихъ стрѣлковъ и пластуновъ,—въ этотъ разъ, какъ и всегда, оставшихся вѣрными своей обычной флегмѣ. Въ цѣпи по двое, они, лежа на спинѣ, прехладнокровно стрѣляли въ непріятеля почти въ упоръ, соблюдая строгій разсчетъ, беречь выстрѣлъ, пока другой заряжаетъ, и сохраняя такимъ образомъ въ каждой парѣ по одному выстрѣлу. Оказавшіеся между ними нѣсколько убитыхъ ни мало не поколебали вѣры пластуновъ въ силу заговора; убыль свою они объяснили тѣмъ, что перешли черезъ нехорошую воду, разумѣя, вѣроятно воду Черной рѣчки, черезъ которую мы утромъ переправились.

Рядовой 9-й мушкатерской роты Дудоровъ (Ярославской губерніи), не успѣвши попасть въ каре, окруженъ былъ тремя кавалеристами, но не растерялся: одного свалилъ выстрѣломъ, а двухъ снялъ съ сѣделъ штыкомъ. За свой подвигъ Дудоровъ получилъ Георгіевскій крестъ.

Въ минуту самой жаркой схватки къ нашему фронту подскакалъ французскій офицеръ, крича польскимъ акцентомъ по-русски: „руби ихъ, русскихъ!“.

Мнѣ очень хотѣлось взять его живымъ.

Я предупреждалъ свой фасъ, чтобы не трогая сѣдока, подбить только его лошадь. Но тутъ же чья-то

нуля, шагахъ въ десяти отъ линіи фронта, повалила его на землю. Послѣ отбитія атаки я подошелъ къ этому, интересующему меня, такъ отчетливо ругавшемуся по-русски субъекту. Онъ оказался смертельно раненнымъ, однако, не смотря на то, озлобленный вопросомъ моимъ, какъ онъ попалъ въ ряды непріятеля, еще могъ приподнять револьверъ, намѣреваясь выстрѣлить. Сопровождавшій меня солдатъ, угадавъ эту мысль, остановилъ его руку. Конныхъ егерей передъ нашимъ каре легло не мало. По окончаніи дѣла, мы спустились къ Трактирному мосту. Вечеромъ на перевязочномъ пунктѣ, я видѣлъ другого, получившаго нѣсколько штыковыхъ и огнестрѣльныхъ ранъ, еще юнаго французскаго офицера. Чувствуя приближеніе смерти, онъ обратился къ окружающимъ съ просьбой передать парламентеру находившіеся при немъ часы и медальонъ съ портретомъ одной и той же женской личности, что ему, конечно, обѣщано было съ полной готовностью.

Въ отрядѣ носился слухъ: когда генералъ Липранди, для встрѣчи непріятельской кавалеріи, строилъ двухъ-баталіонныя каре, музыканты одного изъ полковъ 12-й дивизіи, по новости этого построенія, не успѣвши попасть на мѣсто, были окружены непріятелемъ. Извѣстно, что составъ музыкантовъ, большей частью, пополняется евреями. Вслѣдствіе ли расчитанной находчивости или трусости, качествъ одинаково присущихъ этой расѣ, музыканты покорно сняли передъ непріятелемъ шапки. Англійскіе кавалеристы не тронули изъ нихъ ни одного.

14—21 октября. На другой день послѣ сраженія, въ ротныхъ колоннахъ, окопавшихся эполементами, мы опять заняли позицію на Федюхиныхъ высотахъ, фронтомъ къ циркумвалляціонной линіи, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля.

Въ этотъ промежутокъ времени, командующій полкомъ доказалъ, какъ много значатъ, въ военное время, боевая опытность и умѣнье становиться лицомъ къ опасности, не теряясь въ затрудненіяхъ. Въ ненастную, самую темную ночь, мы услышали вблизи нашей позиціи сильный лошадиный топотъ, сопровождаемый какъ-будто звяканьемъ оружія. Бивуакъ нашъ казался окруженнымъ непріятельской кавалеріей. Собравъ по этому случаю ротныхъ командировъ, подполковникъ Раковичъ строго запретилъ стрѣлять, не убѣдившись положительно въ дѣйствительности атаки. Однако, мы всю ночь были на сторожѣ, тѣмъ болѣе, что непроглядная темнота не дозволяла повѣрить зрѣніемъ все ближе и сильнѣе раздающійся шумъ. Изъ казацкой цѣпи, озадаченной этимъ же явленіемъ, вскорѣ прискакалъ, присланный начальникомъ цѣпи, младшій офицеръ просить позволенія Раковича сняться. „Ни шагу назадъ, ни шагу впередъ“, былъ его короткій отвѣтъ.

Стоявшій влѣвѣ отъ насъ Суздальскій полкъ началъ пальбу, чѣмъ навлекъ на себя вниманіе непріятеля, открывшаго по немъ съ циркумваллаціонной линіи пушечный огонь. За оплошность командира Суздальскій полкъ поплатился нѣсколькими десятками убитыхъ и раненныхъ.

На утро деньщики, находившіеся при обозѣ, съ торжествомъ показывали намъ изрядное число осѣдланныхъ безъ вальтраповъ сѣрыхъ лошадей, которыхъ на разсвѣтѣ имъ удалось поймать, въ полной увѣренности, что лошади непріятельскія. Вскорѣ дѣло выяснилось. Прибывшій къ намъ квартермистръ, стоявшаго за нашей позиціей въ резервѣ, драгунскаго полка, объявилъ, что у нихъ прошлую ночь, перепуганныя чѣмъ-то, лошади сорвались съ коновязей и ускакали. Впослѣдствіи оказалось, что нѣсколько этихъ лошадей, прорвавшись сквозь непріятельскую линію, достигли севастопольскихъ бастіоновъ. Гораздо позже, при уборкѣ тѣлъ въ Севастополѣ, генералъ Боске разсказывалъ, что и находящіяся противъ насъ, на уступахъ Сапунъ горы, французскія войска всю эту ночь тоже простояли подъ ружьемъ, въ ожиданіи отчаянной ночной атаки, на которую они считали способными однихъ только русскихъ.

Вскорѣ прибылъ къ намъ новый полковой командиръ баронъ Дельвигъ.

При прощаньи съ подполковникомъ Раковичемъ устроенъ былъ обѣдъ, разумѣется, далеко незатѣйливый, хотя для комфорта его маркитантъ и употребилъ всѣ свои усилія.

По отбитіи, 13-го октября, четырехъ турецкихъ редутовъ, отрядъ генералъ-лейтенанта Липранди занялъ мѣстность, командующую надъ Балаклавской бухтой, находясь отъ послѣдней на разстояніи не болѣе двухъ верстъ. Поэтому, люди опытные въ военномъ дѣлѣ не безъ основанія ожидали, что стоявшія въ бухтѣ, до-

вольно многочисленныя, прибывшія изъ Франціи и Англіи съ боевыми снарядами и продовольствіемъ суда будутъ сожжены. Для выполненія чего, если уже нельзя было, вслѣдствіе затруднительной гористой мѣстности, подвезти крѣпостныя орудія большаго калибра; то съ полнымъ вѣроятіемъ успѣха могли быть употреблены конгревовы ракеты, станки для которыхъ можно было провезти безъ всякаго затрудненія. Но ожиданія наши не сбылись, должно быть потому, что севастопольское артиллерійское вѣдомство ракетъ не имѣло *).

21-го октября, оставивъ Федюхины высоты, полкъ перешелъ на Инкерманскія высоты, откуда вечеромъ 22-го числа переправленъ былъ на баркасахъ черезъ бухту на Южную сторону Севастополя и расположился бивуакомъ въ Аполлоновой балкѣ.

23-го октября, цѣлый день шелъ дождь. Бивуакъ нашъ, расположенный на глинистомъ грунтѣ, покрылся грязью. Вечеромъ, промокшій и продрогшій, я легъ и заснулъ, но вскорѣ былъ потребованъ къ командующему дивизіей. Явившись, я уже засталъ у него барона Дельвига, и тутъ же получилъ приказаніе принять въ командованіе 1-й баталіонъ, командиръ котораго долженъ былъ занять мѣсто барона Дельвига, получившаго временное назначеніе командовать бригадой. При этомъ генералъ Жабокритскій высказалъ, что я принимаю баталіонъ въ моменты для Севастополя весьма серьезные. Въ тоже время собрались баталіонные командиры другихъ полковъ. Всѣ мы получили, для

*) Ракеты были присланы. См. статью Щербачова.

забивки въ предстоящемъ дѣлѣ непріятельскихъ орудій—ерши и молотки, съ приказаніемъ раздать ихъ болѣе смѣлымъ и расторопнымъ въ ротахъ людямъ. Возвратясь, я тотчасъ же роздалъ избраннымъ ерши, подробно объяснивъ цѣль и употребленіе ихъ.

Въ это время ко мнѣ подошелъ, прикомандированный изъ Углицкаго полка, юнкеръ Рутковскій (помнится дворянинъ Тверской губерніи), юноша лѣтъ 17-ти, и просилъ себѣ ерша.

Я зналъ отъ брата его, поручика, также прикомандированнаго къ намъ изъ Углицкаго полка, о семейныхъ отношеніяхъ ихъ то, что мать, предвидя трудности наступившаго военнаго времени, долго не соглашалась разстаться съ младшимъ сыномъ, и, наконецъ, уступая его настоятельнымъ просьбамъ на поступленіе въ военную службу, принужденная согласиться, со слезами молила старшаго сына, беречь и охранять его. Попеченія свои о братѣ поручикъ Рутковскій передалъ мнѣ при отправленіи своемъ въ госпиталь. Помня данное слово, я наотрѣзъ отказалъ юнкеру въ выдачѣ ерша, сказавъ ему шутя, что онъ самъ ершъ.

Рутковской обидѣлся и продолжалъ настаивать.

— Я вамъ ерша не дамъ, уже серьезно сказалъ я ему, и не дамъ по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, потому, что вашъ братъ просилъ меня беречь васъ, а во вторыхъ, заклепать орудіе не шутка, — чтобы добраться только до него, быть можетъ придется имѣть дѣло съ нѣсколькими непріятелями.

— Вы думаете, у меня не достанетъ присутствія

духа?... вспылилъ Рутковской. Я теперь же даю слово на вашихъ глазахъ заклепать пушку, дайте только мнѣ ершъ.

— Не могу, отвѣчалъ я.

— Такъ и не дадите?

— Такъ и не дамъ.

Онъ ушелъ. Я прилегъ и уснулъ, — но въ полночь снова былъ потребованъ къ генералу Жабокритскому. Тамъ я засталъ Рутковскаго, уже успѣвшаго побывать у полковаго командира, съ просьбой ерша, и получившаго тотъ же отказъ, что и отъ меня.

— Почему вы, штабсъ-капитанъ, не хотите дать Рутковскому ерша? спросилъ меня генералъ полушутя.

Я объяснилъ причины. Рутковской едва далъ мнѣ кончить.

— Я, ваше превосходительство, горячо заговорилъ онъ, — уже далъ слово штабсъ-капитану на его глазахъ заклепать орудіе, и исполню.

— Исполните?

— Исполню, ваше превосходительство.

— Хорошо. Дайте ему ершъ!

Я долженъ былъ повиноваться.

Инкерманское сраженіе. 24-го октября, часу въ 4-мъ по полуночи, покинувъ грязный глинистый бивуакъ, роты были уже въ строю. Послѣ разсчета, полкъ въ трехъ-баталіонномъ составѣ*) двинулся изъ Аполлоновой балки по улицамъ Корабельной сло-

*) Въ сочиненіи же «Описаніе обороны Севастополя», составленномъ подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена, часть I, стр. 421, во Владимірскомъ полку показано 4 баталіона; и числен-

бодки. На колокольнѣ церкви, мимо которой мы проходили, уныло раздался благовѣстъ къ заутрени. Многіе спѣшили забѣжать въ храмъ, помолиться и поставить свѣчку. Близость опасности усиливаетъ истинно-религіозное чувство. Не доходя до 1-го бастіона, полкъ почему-то былъ остановленъ на довольно продолжительное время. И когда потомъ спустился въ Киленбалку, пароходъ „Владиміръ“ громилъ черезъ насъ залпами непріятельскую батарею, которая безъ этого противодѣйствія, по всему вѣроятію, пользуясь уже совершившимся разсвѣтомъ, не преминула бы нанести намъ значительный вредъ.

По выходѣ на правый берегъ балки, мы миновали генерала Данненберга съ его штабомъ, приказавшаго ускорить нашъ и безъ того почти бѣглый шагъ.

По распоряженію генерала Жабокритскаго, Владимірскій, Суздальскій, Углицкій и Бутырскій полки стали въ главномъ резервѣ, правымъ флангомъ къ Киленбалкѣ. Для избѣжанія напрасной потери въ людяхъ, генералъ приказалъ всему отряду лечь въ лощинѣ. О происходившемъ же впереди боѣ, по незнанію диспозиціи и неимѣнію плана мѣстности, мы оставались въ полномъ недоумѣніи. Только непрестан-

---

ность 2132 человѣка также значительно увеличена, потому что, на стр. 370 того же сочиненія, бывшихъ въ строю въ Балаклавскомъ сраженіи (13 октября) показано 3 баталіона Владимірскаго полка и численность 1724. Прибывающими же по выздоровленіи изъ госпиталей, въ продолженіи 10 дней (отъ 13—23 октября) количество людей въ полку не могло увеличиться слишкомъ на 400 человѣкъ, и полкъ изъ 3-хъ баталіоннаго состава въ 4-хъ баталіонный, въ этотъ промежутокъ времени переформированъ не былъ.

ная переноска раненныхъ: Томскаго, Колыванскаго и Екатеринбургскаго полковъ, учащенная ружейная пальба и неумолкаемые раскаты орудій заявляли о жестокости битвы. До насъ же достигали пули и артиллерійскіе снаряды, покуда въ довольно незначительномъ количествѣ. Куда несли раненныхъ никто не зналъ; потому что отъ Киленбалочнаго моста до позиціи перевязочныхъ пунктовъ нигдѣ не было. Случалось, что одинъ легко раненный сопровождался двоими, тогда какъ для нѣсколькихъ такихъ больныхъ, достаточно было бы и одного провожатаго. Потомъ оказался одинъ уже умершій, котораго все-таки продолжали нести. На замѣчаніе мое, что покойникъ не нуждается ни въ какомъ пособіи, и что гораздо лучше оставить его и возвратиться къ фронту, носильщики нехотя послѣдовали совѣту и медленно пошли назадъ, оставивъ меня въ раздумьи надъ странной непроизводительностію боевыхъ силъ, оторванныхъ отъ фронта въ качествѣ носильщиковъ и провожатыхъ. Хотя для выполненія этой обязанности посылаются вообще люди мало способные къ бою, но, оставаясь во фронтѣ, все таки могущіе принести нѣкоторую долю пользы, что теперь имъ было невозможно, при дальности разстоянія Севастополя, откуда они, по всѣмъ даннымъ, уже болѣе къ своимъ частямъ не возвращались.

Пролежавъ въ лощинѣ довольно долго, Владимірскій и Суздальскій полки поведены были командующимъ 1-ой бригадой 16-й дивизіи, барономъ Дельвигомъ, къ лѣвому флангу боевой линіи. При скорости

движенія и имѣя съ лѣвой стороны большой оврагъ, я боялся потерять линію баталіоновъ, поэтому, проходя мимо засыпаемой ядрами Донской батареи, просилъ знакомаго мнѣ по альминской позиціи казацкаго батарейнаго командира пропустить мой баталіонъ передъ орудіями, прекративъ на нѣсколько мгновеній пальбу.

Вскорѣ послѣ того полкъ перешелъ оврагъ, потомъ незначительную высоту и опять оврагъ. Наконецъ, хватаясь за колючій кустарникъ по очень крутому подъему, мы взошли на небольшое плато *). Отсюда на лѣво открылась долина Черной рѣчки, усѣянная громадной массой пѣхоты и особенно кавалеріи. То былъ Чоргунскій отрядъ, подававшій надежду, по кажущейся близости своей, на окончательное удержаніе занятой нами позиціи. Долетавшіе до насъ, во время подъема на плато, русскіе и непріятельскіе сигналы явственно слышались невдалекѣ теперь съ правой стороны. Но по сбивчивой перемѣ-

*) Между тѣмъ въ томъ же сочиненіи (часть I, стр. 449) сказано: «Генералъ Данненбергъ, для прикрытія отступающихъ полковъ, выдвинулъ впередъ Владимірскій полкъ». О Суздальскомъ же полку не упомянуто.

Тамъ же и на той же страницѣ: «Владимірскій полкъ, построивши передовые баталіоны въ ротныя колонны, выдвинулся на встрѣчу отступающимъ полкамъ 11-й дивизіи и занялъ позицію на Козачьей горѣ». Но Владимірскій полкъ, не останавливаясь на Козачьей горѣ, вмѣстѣ съ Суздальскимъ полкомъ поведенъ былъ полковникомъ Дельвигомъ къ англійской батареѣ № 1. При подъемѣ на плато, гдѣ находилась эта батарея, полковникъ сказалъ мнѣ, что атака наша будетъ поддержана Суздальскимъ полкомъ, которому имъ приказано слѣдовать за нами.

данности сигналовъ, о ходѣ боя и о движеніи нашей и непріятельской линій никакого точнаго заключенія вывести было нельзя.

По выходѣ на плато, мы очутились въ виду бруствера непріятельской батареи *), и потому тотчасъ же высланы были впередъ застрѣльщики и люди съ ершами, которые, добѣжавъ до бруствера, закричали, что англичане бѣгутъ съ батареи и что ихъ не много. Послѣднее время шедшій при моемъ баталіонѣ баронъ Дельвигъ, передавъ мнѣ приказаніе наблюсти за застрѣльщиками и побѣжавшими къ виднѣвшимся вправѣ амбразурамъ людьми съ ершами, тотчасъ-же повелъ баталіоны Владимірскаго полка въ атаку; но на разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ бруствера, какъ впослѣдствіи узналъ я, встрѣченъ былъ батальнымъ огнемъ въ большемъ количествѣ появившихся за брустверомъ зуавовъ.

По трупамъ нашихъ егерей 11-й и 17-й дивизій, лежавшихъ около и на батареѣ, можно было заключить, что атака на нее возобновлялась уже не въ первый разъ. Къ тому же ворвавшіеся на батарею охотники видѣли нѣкоторыя орудія уже забитыми.

Въ эту минуту юнкеръ Рутковской геройской смертью доказалъ свою готовность сдержать данное слово заклепать пушку на моихъ глазахъ: едва только онъ успѣлъ достигнуть орудія, какъ поднятъ былъ на штыкахъ набѣжавшими французами.

*) Соображая движеніе Владимірскаго полка съ текстомъ (стр. 416) и планомъ «Описанія обороны Севастополя», это была англійская батарея № 1 (batterie des sacs à terre).

Находившійся при мнѣ горнистъ сказалъ, что полка не видно. Я оглянулся, горнистъ дѣйствительно былъ правъ,—полкъ ушелъ. Сигналомъ собралъ я остатки своихъ и направился назадъ къ оврагу. При отступленіи, мнѣ послышался слабый окликъ, звавшій меня по имени. Между трупами лежалъ умирающій, бывшій дядька мой во времена юнкерства, фельдфебель 2-й мушкетерской роты Иванъ Якимовъ. Онъ еще имѣлъ достаточно силъ и присутствія памяти вытащить изъ за обшлага переданныя ему мною утромъ для храненія свѣденія отъ ротъ 1-го баталіона о количествѣ бывшихъ въ строю при утреннемъ разсчетѣ воинскихъ чиновъ. Здѣсь я на вѣки простился съ моимъ дядькой, доказавшимъ въ послѣдній разъ свое крѣпкое сознаніе долга; унести же его не было никакой возможности; впрочемъ, онъ уже и не нуждался въ томъ.

Спустившись въ оврагъ, я пришелъ въ совершенное недоумѣніе, куда направиться съ оставшимися 26-ю нижними чинами и, чтобы сориентироваться, рѣшился подняться по тропѣ скалистаго берега оврага. Мы опять очутились въ виду непріятеля, высыпавшаго въ большой массѣ на край плато и открывшаго бѣглый огонь. Узкая тропа имѣла по лѣвую сторону скалу, а по правую — глубокій оврагъ, куда валились убитые и тяжело раненые. Когда наконецъ удалось скрыться за край скалы и выйдти изъ подъ выстрѣловъ, со мной осталось всего 7 человѣкъ, съ которыми вскорѣ встрѣтилъ я раненаго барона Дельвига, сопровождаемаго прапорщикомъ Ремизовымъ и тремя солдатами.

Полковой командиръ сказалъ мнѣ, что онъ былъ раненъ въ самомъ началѣ атаки и передалъ команду маіору Никольскому; поэтому не знаетъ гдѣ полкъ, о чемъ меня и спросилъ. Я объяснилъ, что мнѣ было извѣстно, прибавивъ, что непріятель вѣроятно не замедлитъ насъ захватить.

Всѣ вмѣстѣ подошли мы къ правому берегу Каменоломнаго оврага и отсюда увидѣли двигавшіяся по немъ наши отступавшія войска. Для того, чтобы соединиться съ ними, намъ слѣдовало сойдти внизъ. Но каменистый берегъ оврага въ этомъ мѣстѣ былъ высокъ и почти вертикаленъ. Куда идти, вправо ли, влѣво ли? вопросъ былъ труденъ. Правыя возвышенности, по направленію къ Черной рѣчкѣ, становились все выше и круче, лѣвѣе—можно было каждую минуту ждать встрѣчи съ преслѣдующимъ наши колонны непріятелемъ. Наконецъ мы рѣшились взять на рискъ влѣво, и дѣйствительно вскорѣ отыскали тропу, сколько нибудь возможную для спуска. Хотя сходъ, особенно для раненаго, былъ труденъ, но барона спустили при помощи сабель и штыковъ довольно благополучно.

На половинѣ тропы на маленькой площадкѣ, неожиданно предсталъ глазамъ нашимъ идеалъ славянской беззаботности. Егерь какой-то дивизіи, старый солдатъ, зацѣпивъ нитки за сухое дерево, крутилъ шнурокъ.

— Тебя здѣсь непріятель накроетъ, уходи, сказалъ кто-то изъ насъ.

— Ничего-съ, ваше благородіе, набратъ вотъ

кое-какихъ турецкихъ вещичекъ, да связать не чѣмъ.

Онъ называлъ общимъ именемъ турецкихъ, англійскую мѣховую шапку, зеленый турецкій кушакъ и еще нѣсколько предметовъ, лежавшихъ возлѣ.

Не знаю какая участь постигла солдата; мы же по взятому направленію спустились къ Черной рѣчкѣ и, свернувъ налѣво, достигли понтоннаго моста, по которому въ эту минуту переправлялся Суздальскій полкъ.

Около моста и далѣе лежало множество раненыхъ. Здѣсь удалось мнѣ отыскать лекаря, который, забинтовавъ прострѣленную руку полковаго командира, посовѣтовалъ ему отправиться на Сѣверную сторону, куда, какъ ему было извѣстно, раненыхъ доставляли въ приготовленныхъ для этой цѣли шлюпкахъ.

Сказавъ при прощаньи полковому командиру, что остаюсь у моста въ ожиданіи полка, и такъ какъ Суздальцы, бывшіе при однѣхъ условіяхъ съ нами, уже переправились, я спросилъ: какое приказаніе, относительно дальнѣйшаго движенія, передать Владимірскому полку.

Баронъ отвѣчалъ, что на случай отступленія особеннаго распоряженія не получалъ, но думаетъ, что самое естественное возвратиться опять въ Севастополь.

— Такъ и передать командующему полкомъ?

— Такъ и передайте.

На мой вопросъ о томъ, не видалъ ли кто Владимірскаго полка переправлявшимся, ни одинъ изъ раненыхъ не могъ дать никакихъ указаній. Пришлось

прождать довольно долго, пока наконецъ я отличилъ между проходившими войсками свой полкъ и узналъ, что Владимірскіе баталіоны, встрѣченные изъ за бруствера сильнымъ ружейнымъ огнемъ многочисленныхъ французовъ, не имѣя за собой резерва и потерявъ много людей, вынуждены были отступить и, спустившись обратно въ оврагъ, повернули тотчасъ же направо къ Черной рѣчкѣ, чѣмъ и объяснилось опоздавшее прибытіе ихъ къ мосту, куда взятое направленіе по скалистой тропѣ привело меня гораздо скорѣе.

Когда я передалъ маіору Никольскому приказаніе командира полка,—не отступая черезъ мостъ, возвращаться опять въ Корабельную слободу, тотъ сначала не хотѣлъ согласиться, утверждая, что по примѣру Суздальскаго полка, вышедшаго вмѣстѣ съ нами изъ Севастополя, гораздо удобнѣе будетъ переправиться черезъ мостъ. Но когда я попросилъ офицеровъ быть свидѣтелями въ передачѣ мною приказанія полковаго командира, Никольскій двинулъ полкъ къ Севастополю по Саперной дорогѣ.

Пройдя около версты по направленію къ Севастополю, замѣтили мы конную группу. Отдѣлившійся отъ нея ординарецъ съ казакомъ, подскакавъ къ намъ, передалъ приказаніе князя Меншикова бѣгомъ поспѣшить для прикрытія орудій. Тоже приказаніе было повторено намъ уже на бѣгу.

Достигнувъ орудій, полкъ имѣлъ счастіе быть привѣтствуемымъ великими князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. На вопросъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ, гдѣ мы были, —

не зная мѣстности, гдѣ именно помѣщалось атакованная нами батарея, мы отвѣчали, что на Сапунъ горѣ.

— Вы были въ огнѣ, теперь вамъ еще предстоитъ защищать орудія, сказали великіе князья, указывая на двигающіяся въ кустахъ и имѣющія передъ собой густую цѣпь — англійскія колонны.

Владимірскій полкъ поспѣшилъ занять позицію правѣе баталіона Бутырскаго полка, также случайно попавшаго въ прикрытіе не имѣвшихъ уже снарядовъ батарей. Дѣло кончилось непродолжительной перестрѣлкой нашей цѣпи; англійскія колонны вскорѣ отступили. Бросаемыя съ непріятельскихъ батарей гранаты, конгревовы ракеты и наконецъ книпеля, большей частью перелетая чрезъ наши колонны и орудія, рикошетировали на бывшей сзади возвышенности. Только было подбито нѣсколько лафетовъ и колеса у двухъ наполненныхъ ранеными лазаретныхъ фуръ. Убитыхъ и раненыхъ было немного. Должно быть, послѣ утренняго переполоха, рука у англійскихъ артиллеристовъ была не совсѣмъ вѣрна.

Въ прикрытіи орудій оставались мы впродолженіе почти 6 часовъ, пока рабочіе, посылаемые отъ полка по очереди съ Бутырскимъ баталіономъ, по грязному спуску и подъему Киленбалки спустили и втащили около тридцати орудій. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были подбиты лафеты и не доставало значительнаго количества потерянныхъ въ сраженіи лошадей.

Уже стемнѣло, когда баталіоны Владимірскаго полка въ слѣдъ за послѣднимъ орудіемъ двинулись

къ Севастополю и по прежнему расположились бивуакомъ въ Аполлоновой балкѣ *).

*) Въ сочиненіи же «Описаніе обороны Севастополя» на стр. 450 и 451 объяснено: «Въ то время, какъ большая часть пѣхоты уже перешла мостъ на Черной рѣчкѣ и устье Киленбалки, артиллерія наша, утомленная продолжительнымъ боемъ и обезсиленная убылью людей, медленно двигалась по Саперной дорогѣ. Въ это время непріятельская артиллерія успѣла подбить нѣсколько повозокъ, которыя загородили дорогу, и въ то время какъ пѣхота отошла уже вдоль берега къ Севастополю, артиллерія остановилась, растянувшись на протяженіи отъ устья Киленбалки до Георгіевской балки.

Пользуясь этимъ, непріятельскіе стрѣлки, прикрываясь кустарникомъ, такъ близко подступили къ нашимъ орудіямъ, что ежеминутно готовы были ихъ захватить. Случившійся здѣсь въ то время полковникъ Тотлебенъ, видя угрожавшую нашей артиллеріи опасность, взялъ находившуюся не вдалекѣ роту Углицкаго полка, разсыпалъ ее въ цѣпь, остановилъ шедшій въ хвостѣ колонны Бутырскій полкъ, два баталіона котораго, въ ротныхъ колоннахъ, расположилъ въ двѣ линіи, а остальные два баталіона въ резервѣ. Стрѣлки наши завязали живую перестрѣлку съ непріятелемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ободрить наши войска и остановить непріятеля, полковникъ Тотлебенъ выдвинулъ на позицію попавшіеся подъ руку четыре орудія, которыя и открыли огонь; къ этимъ четыремъ орудіямъ тотчасъ же присоединилось еще нѣсколько другихъ. Кромѣ того лейтенантъ Скарятинъ былъ посланъ къ контръ-адмиралу Истомину съ просьбой прислать людей на помощь артиллерійской прислугѣ. Непріятель пріостановилъ свой натискъ и ограничился одной перестрѣлкой. Вслѣдъ за тѣмъ подошедшіе сюда саперы 4 и 6 баталіоновъ вмѣстѣ съ присланными изъ Севастополя матросами начали на рукахъ поднимать орудія. Только въ 8½ часовъ по полудни вся артиллерія наша прошла оборонительную линію; вслѣдъ за нею отступилъ къ Севастополю и Бутырскій полкъ съ ротою Углицкаго полка».

Тогда какъ вслѣдствіе вышеобъясненныхъ мною причинъ честь спасенія отъ захвата англичанами орудій и нѣсколькихъ повозокъ съ ранеными выпала, при участіи одного только Бутырскаго баталіона, на долю Владимірскаго полка, который прикрывать орудія получилъ повелѣніе отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ и главнокомандующаго князя Меншикова.

привала многіе изъ насъ спѣшили навѣстить раненыхъ.

По приходѣ на Инкерманскія высоты расположились бивуакомъ.

26-го октября, великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, объѣзжая полки, участвовавшіе въ Инкерманскомъ сраженіи, посѣтили нашъ бивуакъ; при чемъ Владимірскій полкъ удостоился получить отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ милостивую благодарность.

27—31 октября, полкъ занималъ цѣпь около развалинъ Инкермана и, кромѣ того, чередуясь съ другими полками дивизіи, ходилъ на суточную позицію къ Мекензіевой горѣ для охраны дороги, ведущей изъ долины Черной рѣчки къ Мекензіевымъ высотамъ. Лѣсъ въ окрестности былъ уже вырубленъ и потому съ большимъ трудомъ могли мы устроить кое-какія землянки.

Въ ночь съ 1 на 2 ноября я находился въ цѣпи. Дулъ сильный холодный вѣтеръ. Дождь лилъ всю ночь и переставъ только къ утру, но вѣтеръ становился все сильнѣе и порывистѣе. Къ разсвѣту, небо какъ будто прояснилось. Моему непривычному къ явленіямъ южной природы глазу, быстрое движеніе съ розовымъ оттѣнкомъ облаковъ показалось весьма страннымъ и необычайнымъ. Любоваться однако невиданной картиной охоты на этотъ разъ я положительно не имѣлъ, напротивъ, очень радъ былъ, когда меня, прозябшаго и промокшаго, нашъ батальонный лекарь укрылъ въ свою единственную въ

цѣломъ полку палатку, служившую ему квартирой, аптекой и временнымъ помѣщеніемъ для заболѣвающихъ. Съ наслажденіемъ усѣлись мы вокругъ шипѣвшаго самовара, какъ вдругъ внезапный взрывъ вихря вмигъ опрокинулъ палатку и унесъ ее, разметавъ все въ ней заключавшееся.

Мы сами едва успѣли добраться кое-какъ до ближайшей землянки. Застигнутому бурей внѣ крова, только при помощи воткнутаго въ землю штыка, можно было удержаться на ногахъ.

Буря жестоко разыгралась и стихла только къ утру слѣдующаго дня.

3—24-го ноября. Выполняя прежніе наряды, занятіе цѣпи около развалинъ Инкермана и суточной позиціи на Мекензіевой горѣ, полкъ ходилъ для устройства литерныхъ батарей, преимущественно на литеру С., находившуюся у Инкерманскаго спуска. Для предохраненія людей отъ выстрѣловъ съ Сапунъ горы, работы производились ночью. Впереди батареи, на обрывѣ высоты, прорывали траншеи, въ корыхъ, по окончаніи, и помѣщались стрѣлки.

Днемъ же заготовляли туры и фашины для укрѣпленій Севастополя.

Въ свободное отъ нарядовъ время, иногда производились ученья, на которыхъ особенное вниманіе обращено было на разсыпной строй.

Весь ноябрь почти погода простояла холодная и дождливая. Иногда шелъ снѣгъ и, растаивая на мокрой почвѣ, увеличивалъ топкую грязь.

25-го ноября выступили въ деревню Чоргунъ.

Селеніе это мы нашли уже не въ прежнемъ, цвѣтущемъ положеніи: сады вырублены, большая часть строеній разобрана. Въ замѣнъ же всего этого, въ пользованіе наше предоставлены довольно хорошо устроенныя нашими предшественниками, помѣщающіяся у входа въ Чоргунъ, землянки, въ которыхъ полкъ и расположился, составляя прикрытіе находящейся вправѣ отъ него батарейной батареѣ 10-й артиллерійской бригады. Вскорѣ перешли въ Чоргунъ и остальные полки 16-й дивизіи и 2-я бригада 17-й дивизіи, при трехъ батареяхъ. Части эти расположились въ самомъ селеніи и на прилегающихъ къ нему возвышенностяхъ.

7-го декабря. Послѣ вечерней зари, по обязанности дежурнаго по дивизіи, явясь съ рапортомъ къ генералу Жабокритскому, я получилъ отъ него приказаніе объѣхать расположенную па Черной рѣчкѣ аванпостную цѣпь. Едва удалился я на нѣсколько десятковъ саженъ, какъ вновь ординарцемъ потребованъ былъ назадъ. Генералъ, сдѣлавъ вѣжливую оговорку, что молодой человѣкъ можетъ не съ достаточной точностью исполнить довольно сложное порученіе, заставилъ меня повторить данное имъ приказаніе.

— Теперь я буду покоенъ, сказалъ онъ, когда убѣдился, что я ничего не забылъ.

Объѣхавъ цѣпь часу въ 3-мъ ночи, я возвратился и засталъ генерала Жабокритскаго дожидающимся доклада.

8-го декабря день выпалъ теплый и ясный, а къ полудню стало даже жарко. Часу въ первомъ, про-

скакавшая мимо насъ какая-то казацкая сотня ни однимъ предостереженіемъ не смутила спокойнаго отдыха. Межъ тѣмъ, въ это время французскіе кавалеристы, поддержанные стоявшими внизу нѣсколькими эскадронами, показались уже на Телеграфной горѣ, откуда скоро были отбиты нашей цѣпью. По тревогѣ, поспѣшно выбѣжавъ изъ землянокъ, Владимірскіе баталіоны загородили входъ въ Чоргунъ. Но французскіе эскадроны въ непродолжительномъ времени отступили. По вѣроятію, союзники имѣли намѣреніе сдѣлать только рекогносцировку. Однако мы простояли подъ ружьемъ около двухъ часовъ.

15-го декабря—6-го анваря 1855 года.

Покинувъ Чоргунъ 15-го числа, полкъ выступилъ въ деревню Черкезъ-Керменъ. Здѣсь въ первый разъ, послѣ трехъ съ половиной мѣсяцевъ, проведенныхъ не только безъ крова, но и безъ палатокъ, удалось намъ пользоваться ночлегомъ подъ крышей. Хотя въ занятыхъ нами строеніяхъ, стеколъ въ окнахъ не оказалось, но они довольно сносно замѣнены были пропитанной саломъ бумагой. За то давно неиспытываемое удовольствіе уснуть у затопленнаго камина искупало другія неудобства. И удовольствіемъ этимъ мы наслаждались невозмутимо. Начинающіе же, все чаще и чаще, перебѣгать къ намъ изъ непріятельскаго лагеря образчики турецкой арміи, съ тощей наружностью, при обмундировкѣ болѣе похожей на рубище нищаго, не могли возбудить малѣйшаго слѣда [illegible]. Этимъ оборвышамъ очень пришлись по [illegible] давно полученные солдатскіе полушубки.

„Якшы, якшы“, приговаривали они. Служащіе на этотъ случай переводчиками, татары, подтверждали полнѣйшее довольство своихъ мусульманскихъ собратовъ, накормленныхъ и отдѣтыхъ русскими. Мы же очень рады были поскорѣе сбыть съ рукъ незваныхъ гостей дальше, въ Симферополь, тѣмъ болѣе, что эти гости вовсе недостойны были оказываемаго имъ радушнаго пріема, потому что, какъ извѣстно, они съ своей стороны не отплачивали тѣмъ же нашимъ плѣннымъ, при случаѣ даже убивая ихъ безчеловѣчно.

Пребываніе въ Черкезъ-Керменѣ принесло намъ, кромѣ отдыха, не малую долю пользы. Солдаты зажили здѣсь вполнѣ казарменной жизнью, употребляя свободное время на усердное ремонтированіе бѣлья, обуви и мундирной одежды, изорванной колючимъ кустарникомъ, особенно въ день Инкерманскаго сраженія; при всемъ томъ находя еще достаточно времени для рыбной ловли. Хотя употребляемые для этой цѣли невода имѣли довольно оригинальное устройство, солдаты просто обходились помощью нѣкоторой части своей одежи, тѣмъ не менѣе рыба была превосходна.

Прибывающіе резервы оказались весьма слабыми въ строевомъ образованіи. Чтобы пополнить эти пробѣлы, производились ученья, иногда по колѣно въ снѣгу.

Наше покойное квартированіе нарушено было разъ только,—18 декабря,—полученнымъ извѣстіемъ о нападеніи непріятеля на Чоргунъ, куда мы по тре-

вогѣ и выступили; но пройдя верстъ 5, были остановлены и возвратились обратно.

6-го января—16-го апрѣля. Въ Крещенье морозъ дошелъ до 20° Р. Гололедица была изрядная. Ноги такъ и скользили у участвовавшихъ въ парадѣ при совершающемся водоосвященіи на устроенной на рѣчкѣ Іордани. Корпусный командиръ, князь Петръ Димитріевичъ Горчаковъ почтилъ парадъ своимъ присутствіемъ. Въ тотъ же день я получилъ предписаніе объѣхать госпитали, находившіеся въ Бахчисараѣ, Симферополѣ, Перекопѣ, Херсонѣ и Николаевѣ, — съ цѣлью разузнанія нуждъ раненыхъ и больныхъ 6-го корпуса, пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, для снабженія ихъ прочной и по возможности теплой одеждой и твердой обувью, при возвращеніи, по выздоровленіи, къ своимъ частямъ.

Въ Бахчисараѣ, въ знаменитомъ нѣкогда дворцѣ Гиреевъ, нашелъ я помѣщеніе для раненыхъ въ самомъ жалкомъ, можно сказать, ужасномъ видѣ. При большомъ скопленіи больныхъ, вновь прибывающіе, за неимѣніемъ помѣщенія, валялись кое-какъ на соломѣ, а то и на голомъ полу,—едва прикрытые, дрожа отъ холода.

Пораженный страшнымъ положеніемъ сейчасъ видѣнныхъ мною страдальцевъ, я едва взглянулъ на воспѣтый Пушкинымъ фонтанъ и, проходя мимо, только замѣтилъ, что онъ замерзъ.

Въ Симферополѣ я пробылъ дней десять, — по многочисленности больныхъ, — бытъ которыхъ однако, сравнительно съ бахчисарайскими, могъ назваться

улучшеннымъ. Хотя нѣкоторые изъ слишкомъ 40 госпитальныхъ отдѣленій и заставляли желать многаго, но по крайней мѣрѣ подъ госпитали были заняты лучшіе дома города и холодъ былъ не такъ ощутителенъ.

Отсюда также какъ изъ Бахчисарая и потомъ Перекопа и Херсона опись оставшейся послѣ умершихъ одежды и обуви, вмѣстѣ съ именными списками нуждающихся, была представлена въ штабъ 6-го корпуса.

8-го февраля, прибылъ я въ Николаевъ, но госпиталей мнѣ видѣть не удалось. Явясь по своей обязанности къ командующему войсками генералъ-адъютанту Кнорингу, я какъ сквозь сонъ припоминаю, что онъ показывалъ мнѣ заготовленные имъ въ большомъ количествѣ для выздоравливающихъ сапоги и полушубки. Тутъ-же я совершенно лишился силъ и почти потерялъ сознаніе, — это былъ первый симптомъ тифозной горячки. Благодаря обязательной внимательности генерала Кноринга, я тотчасъ же въ его экипажѣ препровожденъ былъ въ госпиталь, гдѣ и пробылъ до 9-го апрѣля.

Лекарь, которому я обязанъ выздоровленіемъ, впослѣдствіи говорилъ, что развитію тифа много способствовалъ трехъ-мѣсячный бивуакъ и госпитальная міазма, заразительно подѣйствовавшая на организмъ особенно въ то время, когда мнѣ приходилось говорить съ горячечными больными.

16-го апрѣля. Оправившись отъ болѣзни, я возвратился въ Севастополь. Матросъ взялся доставить

меня на южную сторону. Хотя тузъ нашъ сильно колыхало волной, и по временамъ невдалекѣ ложились снаряды, но мы безъ приключенія достигли берега.

Проходя улицы, я пріятно удивленъ былъ обычнымъ проявленіемъ будничной жизни города. Невидно было никакого смятенія. Купцы спокойно и повидимому вполнѣ беззаботно сидѣли у дверей своихъ лавокъ, по временамъ оживляясь лишь при появленіи покупателя. Народъ сновалъ взадъ и впередъ, какъ будто не слыша вовсе раскатовъ выстрѣловъ, — впрочемъ, довольно лѣниво заявлявшихъ, въ этотъ день, близость непріятеля. Даже ребятишки не прерывали своихъ шумныхъ игръ. Я невольно остановился посмотрѣть какъ дѣти, раздѣлясь на двѣ партіи, — изъ-за канавокъ, изображающихъ траншеи, бросали другъ противъ друга начиненныя порохомъ бабки. Вставленный внутрь фитиль производилъ разрывъ незатѣйливаго снаряда и осколки кости, разлетаясь, до крови ушибали маленькихъ героевъ. „Раненъ Егорка, раненъ!“ кричала толпа и тащила раненаго на воображаемый перевязочный пунктъ, гдѣ дѣвочки, въ качествѣ сестеръ милосердія, обвязывали Егорку тряпками.

Посмѣявшись на подражательную воспріимчивость дѣтей, я отправился отыскивать полкъ, который и засталъ на новосельи. Наканунѣ, т. е. 15-го апрѣля, онъ переведенъ былъ изъ Корабельной слободки на Городскую сторону и расположенъ въ Артиллерійской слободкѣ, невдалекѣ отъ Ростиславскаго редута.

Не получивъ на нынѣшній день никакого поруче-

нія по службѣ, я, пользуясь свободой, принялся за устройство своей новой квартиры.

Отведенный для моей роты домъ купца Красильникова, обширный и красивый снаружи, — внутри представлялъ печальную руину. Стѣны мѣстами пробиты были выстрѣлами, какъ это свидѣтельствовали пробоины и валявшіеся въ пустыхъ комнатахъ ядра и книпеля. Хозяева, уѣзжая, успѣли захватить большую часть мебели, но второпяхъ вѣроятно забыли снять шелковыя драпри, теперь клочьями висѣвшія на окнахъ. Солдаты, по примѣру предшественниковъ, начали было обрывать ихъ себѣ на портянки. Замѣтивъ это, я, разумѣется, тотчасъ же запретилъ подобное самовольство, объяснивъ при томъ, что для портянокъ матерія эта слишкомъ дорога и ее гораздо удобнѣе можетъ замѣнить простая полотняная тряпка.

Я занялъ комнату въ среднемъ этажѣ дома. Рота же, для безопасности отъ выстрѣловъ, была уже расположена въ подвальной части зданія; тутъ-же укрывались нѣсколько матросскихъ и артиллерійскихъ семействъ, и отведено было помѣщеніе для очередныхъ носильщиковъ, назначенныхъ для переноски съ бастіоновъ убитыхъ и раненыхъ, такъ какъ станція назначена была около этого дома.

Не смотря на пустоту и обширность комнатъ, я не тяготился одиночествомъ. Легкое и отрадное настроеніе духа не покидало меня. Быть можетъ возвратъ къ боевой жизни и ея разнообразной обстановкѣ, послѣ трехъмѣсячнаго бездѣйствія, имѣлъ для меня свою долю новизны. Кипѣвшая ли вокругъ жаркая

дѣятельность, пробужденіе ли во мнѣ самомъ здоровой жизни, послѣ томительной болѣзни и предшествовавшей ей страшной картины бѣдствій,—преимущественно бахчисарайскихъ больныхъ, или яркое весеннее солнце юга, царившее надъ величественнымъ видомъ на море и городъ, во всемъ блескѣ открывавшемся съ оконъ и балконовъ, какъ-то особенно весело настраивали меня въ этотъ день, а видимое равнодушіе севастопольскихъ жителей къ продолжавшейся семимѣсячной осадѣ и выроставшія укрѣпленія города, подавая надежду на прочность защиты и вѣрность выигрыша начатаго дѣла, невольно поднимали духъ мой,—какъ бы то ни было, но давно я не чувствовалъ въ себя такимъ бодрымъ и готовымъ на новые труды и опасности, и въ эти минуты мнѣ казалось, что и встрѣчаемые мною люди должны были думать и чувствовать тоже.

Относительно дѣйствій Владимірскаго полка, происходившихъ послѣ отъѣзда моего по госпиталямъ,—по собраннымъ свѣденіямъ, узналъ я слѣдующее: 18-го февраля, полкъ изъ Черкезъ-Керменя перешелъ на Бельбекъ, а оттуда въ ночь съ 24—25 марта въ Севастополь, имѣя 2150 штыковъ, и расположился въ прикрытіи 3-го бастіона. Съ 28-го марта по 7 апрѣля, выдержалъ усиленное 10-ти дневное бомбардированіе, производя на разрушаемомъ непріятельскими выстрѣлами бастіонѣ работы и въ тоже время занимая впереди бастіона траншеи. Въ ночь 7—8 апрѣля, 3-мъ бастіономъ и охотниками Владимірскаго полка сдѣлана была вылазка, при чемъ от-

биты англійскіе ложементы. На вылазкѣ убиты три нашихъ офицера.

Въ ночь съ 18—19-ое я находился съ ротой въ прикрытіи Бѣлкина люнета; вслѣдствіе значительнаго навѣснаго огня, работы на бастіонѣ было не мало.

19-го вечеромъ, полкъ въ полномъ составѣ пришелъ на Ростиславскій редутъ. Но вскорѣ, когда заняты были французами находящіяся впереди редута Шварца наши траншеи, — двинутъ былъ туда, и, расположась позади редута, подъ страшнымъ навѣснымъ и прицѣльнымъ огнемъ, ежеминутно ждалъ распоряженія идти для отбитія траншей.

Чрезъ нѣкоторое время рота моя была назначена для усиленія прикрытія самаго редута,—гдѣ и исправляла безпрерывно разрушаемыя непріятельскими снарядами амбразуры, мерлоны и траверсы. Часовъ около 2-хъ ночи, на редутѣ получено было извѣстіе, что французы подступили довольно близко, потому тотчасъ же,—для болѣе удобной встрѣчи непріятеля съ банкетовъ ружейнымъ огнемъ,—сдѣлано было распоряженіе сбросить верхніе мѣшки. Редутъ видимо выдерживалъ кризисъ, окончившійся только съ разсвѣтомъ, когда отпоръ непріятелю могъ быть сдѣланъ съ большимъ удобствомъ. Убыль въ людяхъ оказалась значительная. Находящійся со мной субалтернъ-офицеръ былъ раненъ.

Рота осталась въ прикрытіи и на слѣдующій день. Часовъ около двухъ по полудни, я вызванъ былъ къ полковому командиру, бывшему невдалекѣ отъ редута, — и получилъ отъ него приказаніе отобрать съ

роты 12 охотниковъ для готовящейся дневной вылазки, имѣющей цѣлью обратное отбитіе отъ непріятеля траншей.

— Мы всѣ желаемъ, всѣ идемъ, — въ одинъ голосъ крикнули солдаты, когда я передалъ имъ приказаніе полковаго командира. Потому намъ, ваше благородіе, эфтотъ самый редутъ пуще смерти надоѣлъ за ночь.

Отвѣтъ этотъ я передалъ барону Дельвигу и замѣтя, что по распоряженію находящагося тутъ-же генералъ-адъютанта Коцебу записывались офицеры, желающіе идти въ охотники, просилъ внести меня въ списокъ.

— Всей ротѣ идти нельзя, — отвѣчалъ полковой командиръ, — она должна оставаться въ прикрытіи. Относительно же васъ я въ такомъ только случаѣ доложу генералу,—если вы имѣете субалтернъ-офицера, которому можете поручить роту.

Узнавъ, что субалтернъ-офицеръ раненъ, командиръ полка отказалъ въ удовлетвореніи моей просьбы и тутъ-же отдалъ мнѣ приказаніе привести 1-й баталіонъ Владимірскаго полка съ 5-го бастіона, для поддержанія охотниковъ.

5-й бастіонъ выдерживалъ въ минуту моего прибытія убійственный огонь непріятельскихъ батарей, на который съ своей стороны отвѣчалъ тоже залпами.

Попытка отбить занятыя французами траншеи не имѣла успѣха; наши отступили. Выбывшихъ изъ строя при устройствѣ, оборонѣ и отбитіи этихъ траншей, въ продолженіе 9 дней,—оказалось около 2000;

между тѣмъ, мнѣ случилось слышать мнѣніе компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, что траншеи эти вовсе не стоили столькихъ жертвъ, и что въ общемъ ходѣ дѣла обороны Севастополя значили, сравнительно съ севастопольскими верками, не болѣе того, какъ если бы корабль во время бури, не надѣясь на якорный канатъ, полагалъ все свое спасеніе въ прикрѣпленномъ съ боку снуркѣ.

Смѣнясь съ редута Шварца къ вечеру и возвратясь на квартиру, въ домъ Красильникова, я засталъ весь свой скарбъ переселеннымъ стараніемъ деньщика въ другую комнату. Въ занимаемой же мною прежде лопнувшей бомбой разбило печь, засыпавъ осколками и кирпичами постель и все мое хозяйство, сильно отъ этого пострадавшее. Въ верхнемъ этажѣ, послѣ осмотра, оказалось нѣсколько новыхъ солиднаго размѣра ядеръ.

Въ послѣдующіе за тѣмъ дни, отъ 20-го апрѣля до 18-го мая, Владимірскій полкъ ходилъ въ прикрытіе на редуты: Шварца и Ростиславскій, на люнетъ Бѣлкина, для закладки новыхъ траншей противъ кладбища, и на бастіоны 5-й и 6-й; на этомъ послѣднемъ служба была, сравнительно съ другими, покойнѣе. Въ два-три раза, когда мнѣ случалось тамъ находиться, 6-й бастіонъ былъ обстрѣливаемъ непріятелемъ гораздо слабѣе прочихъ пунктовъ.

За то Ростиславскій редутъ подвергался сильному навѣсному огню непрестанно всю ночь; на разсвѣтѣ же англійскія батареи направляли туда ланкастерскія орудія, съ видимой цѣлью разрушить напи

блиндажи. Но свинцовыя ядра непослушно ложились въ оврагъ, разрушая лишь однѣ оставшіяся въ немъ какія-то развалины. По поводу этихъ неудачныхъ выстрѣловъ, солдаты наши прозвали самые снаряды „ланкастеровыми дурами, попадающими въ пустякъ“.

Однажды смѣнясь съ Ростиславскаго редута, рота готова была отправиться. Время подоспѣло обѣденное. Мы порядкомъ проголодались. Вдругъ на протяженіи дороги, ведущей къ нашимъ квартирамъ, вспыхнули зажженные непріятельскими снарядами матросскіе домики, и вслѣдъ затѣмъ отъ непріятеля полетѣли конгревовы ракеты,—вѣроятно вслѣдствіе предположенія, что пожаръ значителенъ и что его станутъ тушить значительныя команды. Я спросилъ своихъ солдатъ: желаютъ ли они обѣдать, или предпочтутъ дождаться конца пожара и съ нимъ, можетъ быть, прекращенія полета ракетъ? — Ихъ не переждешь, ваше благородіе, а обѣдать мы согласны,—отвѣчали голоса. Я рѣшился отправиться, приказавъ строго исполнять подаваемые мною сигналы. Съ высоты, по которой я шелъ, мнѣ весьма удобно было слѣдить за полетомъ ракетъ. По приближеніи снарядовъ, по данному сигналу, люди ложились, укрываясь въ развалинахъ домовъ, и потомъ бѣжали до слѣдующаго сигнала „ложиться.“ Такимъ образомъ намъ удалось пройдти около 300 саженъ пространства,— къ общему удивленію, безъ всякой потери.

Въ концѣ апрѣля полкъ былъ переформированъ

въ 2-хъ баталіонный составъ, имѣя во фронтѣ 1285 человѣкъ.

Съ 10—11 мая рота находилась въ прикрытіи на люнетѣ Бѣлкина. По направленію къ Карантинной бухтѣ, раздавались неумолкаемые выстрѣлы; бой повидимому былъ жаркій. Впродолженіе ночи мы получили лично отъ генерала Хрулева распоряженіе, въ случаѣ нападенія непріятеля, сбросить верхніе мѣшки. Раньше полученія приказанія отъ генерала Хрулева мы тоже слышали отъ командира 3-го сапернаго баталіона Николая Константиновича Зацѣпина, въ числѣ другихъ его дѣльныхъ предположеній, относительно обороны люнета и о необходимости сбросить мѣшки для встрѣчи непріятеля ружейнымъ огнемъ. Пробывъ на люнетѣ около получаса, Зацѣпинъ отправился вправо къ кладбищу для осмотра производившихся тамъ работъ. Здѣсь-то смерть и подкосила его. Грустная вѣсть, что храбрый полковникъ Зацѣпинъ убитъ, застигла меня еще до смѣны. Многіе съ истинно-прискорбнымъ сожалѣніемъ почтили память покойника, какъ дѣльнаго инженера и личности энергичной и полезной для Севастополя.

Люнетъ Бѣлкина вообще напоминаетъ мнѣ многихъ достойныхъ уваженія, тогдашнихъ сотоварищей моихъ; въ томъ числѣ слѣдуетъ отдать справедливую дань храбрости лейтенанта Ханжогло и морской артиллеріи поручика Назарова.

На утро я видѣлъ плѣнныхъ французскихъ гвардейцевъ, въ предшествующую ночь въ первый разъ введенныхъ въ дѣло съ русскими. Народъ все моло-

ивый, но далеко уступающій нашей гвардіи
мощности. Неудачу своего перваго боеваго
инудившую ихъ сдаться, французы объяс-
кою своихъ, принявшихъ ихъ по бѣлымъ
русскихъ мушкатеровъ. Въ то время, ко-
били по отступавшимъ колоннамъ фран-
гвардейцевъ, непріятельскій резервъ от-
нимъ огонь, принявъ ихъ за русскихъ.
ъ на пути къ укрѣпленіямъ, случалось мнѣ
фурштатскіе поѣзды, доставлявшіе на ба-
у, порохъ и разрывные снаряды. При всей
къ смерти, картина этихъ поѣздовъ каза-
страшнѣе самой смерти. Фурштаты здѣсь
и себя настоящими героями. Надо было ви-
овкость и самоотверженіе, съ которыми они
другъ другу, когда подъ градомъ бомбъ ло-
ли, или, взвиваясь на дыбы, бросались въ
омая оси и колеса. Съ неимовѣрной быстро-
ались перепуганныя животныя, обрубались
, подымались опрокинутыя телѣги; и съ
езпечнымъ проворствомъ, смѣльчаки вска-
ить на пороховые боченки, грозившіе каж-
ніе разлетѣться отъ первой попавшей въ
ты и сѣдоковъ взорвать на воздухъ.
вая благодушество фурштатъ главнаго обо-
тимо стоявшаго подъ Бахчисараемъ,—эти
мною храбрецы, товарищи ихъ, вполнѣ мо-
ться богатырями. Поэтому поводу, между
поднятъ былъ вопросъ, что подобная мо-
отвага должна быть награждена георгіев-

скими крестами, которыми кажется послѣ фурштаты и награждались.

Послѣ дѣла 10-го мая, передъ бастіонами осталось много убитыхъ. Поэтому, для уборки тѣлъ, заключено было на нѣсколько часовъ перемиріе, въ продолженіе котораго одинъ фактъ показалъ насколько болѣе военная часть развита у французовъ, чѣмъ у англичанъ. Какой-то англійскій генералъ, наведя большой бинокль на наши верки, принялся внимательно ихъ разсматривать. Замѣтя это, французскій генералъ поспѣшно подошелъ къ нему, съ жаромъ что-то доказывая и даже, по движенію руки, казалось, что онъ имѣлъ намѣреніе вырвать у англичанина бинокль. Выраженіе лица француза было негодующее. Повидимому, можно было заключить, что два генерала спорили. Вконцѣ англичанинъ что-то проворчалъ и сердито удалился за нейтральную линію. Нѣсколько французскихъ офицеровъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелями этой сцены, сильно возставали на отступленіе отъ правилъ войны англійскаго генерала, относясь съ презрѣніемъ о его поступкѣ. Вообще непріязнь французовъ къ своимъ союзникамъ англичанамъ сказывалась весьма ясно.

Въ эти нѣсколько часовъ русскіе и французы, казалось, взаимно старались выказать самыя дружескія отношенія. Офицеры угощались шампанскимъ. Солдаты поили нашихъ ромомъ, въ замѣнъ предложенной имъ водки, которую французы пили съ удовольствіемъ. При этомъ, красиво оплетенныя французскія фляжки переходили во владѣніе нашихъ солдатъ, и отдари-

вались неказистыми, но за то уемистыми манерками. Равнымъ же образомъ, наши ухарски заломленныя на бекрень круглыя шапки появлялись на головахъ французовъ, въ замѣнъ кепи, найденныхъ весьма изящными нашими солдатами. Предразсудокъ пристрастія къ иностранному и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, игралъ немаловажную роль. Впослѣдствіи солдаты не разставались съ кепи и на вопросы офицеровъ, куда дѣвались форменныя шапки, получалось въ отвѣтъ, что онѣ „потеряны“.

Въ этотъ же разъ, мнѣ случилось видѣть, какъ нашъ горнистъ, стоя въ сторонѣ отъ прочихъ группъ, по пріятельски разговаривалъ съ французскимъ солдатомъ. По жестамъ и выраженію лица замѣтно было, что они вполнѣ понимали другъ друга и повидимому обходились безъ помощи пантоминъ. Заинтересованный, я подошелъ къ нимъ. Французъ вѣжливо отдалъ честь, но разговоръ прекратилъ. На мой вопросъ: на какомъ языкѣ шла у него рѣчь съ горнистомъ, я получилъ отвѣтъ на чисто русскомъ нарѣчіи. Новый знакомецъ оказался стариннымъ жителемъ Москвы, служившимъ прежде у парикмахера Галюси и въ началѣ войны вызванный во Францію, чѣмъ онъ былъ весьма недоволенъ, какъ вообще и самой войной. Разговоръ его съ горнистомъ касался воспоминаній о Москвѣ. Французъ сочувственно разспрашивалъ, когда и какъ мы выступили оттуда и говорилъ, что съ нетерпѣніемъ ждетъ окончанія кампаніи, когда ему опять дозволено будетъ вернуться въ любимую Москву, гдѣ ему такъ хорошо жилось.

По прошествіи условленнаго для перемирія времени, не успѣли мы еще зайдти за свои верки, какъ почти одновременно раздалась сильная канонада со всѣхъ непріятельскихъ и нашихъ батарей. То былъ какъ будто салютъ окончанія нашего мимолетнаго дружества съ французами.

18-го мая полкъ переведенъ былъ на лѣвый флангъ оборонительной линіи, въ Корабельную слободку, сильно уже разрушенную. Я отыскалъ себѣ кое-какое пристанище въ матросскомъ домикѣ.

Изъ слободки мы ежедневно при усиленномъ бомбардированіи ходили въ прикрытіе и на работы, то на Малаховъ курганъ, то на Камчатскій люнетъ, получившій популярное названіе „Камчатки“, потому что болѣе полуверсты къ нему нужно было идти подъ выстрѣлами, открытой мѣстностью, да и на немъ было нелучше.

Вслѣдствіе распоряженія по гарнизону, за свинецъ выдавались деньги,—кажется по 4 р. за пудъ; поэтому солдаты съ большой охотой занимались подбираніемъ пуль. Вскорѣ впрочемъ эта коммерческая операція была прекращена.

Разъ на Камчатскомъ люнетѣ батарейный командиръ привлекъ мое вниманіе на это сборище спекуляторовъ. Человѣка 3—4 шли въ одну линію къ непріятельскимъ ложементамъ. Пули, рикошетируя на каменистомъ грунтѣ, ложились вблизи. Пользуясь этимъ, солдаты спѣшили подбирать ихъ, шутя и прибаутничая, какъ будто среди ротнаго хозяйства, гдѣ нибудь на огородѣ при уборкѣ картофеля. Одному

пуля попала въ руку. Первая забота раненаго была о дальнѣйшей участи мѣшка. — На, братецъ, побереги, въ самый разъ попало,—носить нельзя, сказалъ онъ, передавая мѣшокъ товарищу и захватывая полой окровавленную руку.

— Бросаетъ зря, а жадничаетъ, въ смыслѣ сочувствія добавилъ другой, относя послѣднія слова къ непріятелю, въ эту минуту усилившему огонь. Вскорѣ однако французы поняли въ чемъ дѣло. Случай этотъ показался, какъ видно, имъ весьма оригинальнымъ: въ мигъ выстрѣлы затихли и изъ непріятельскаго бастіона раздалось сопровождаемое аплодисментами громкое браво.

25-го мая утромъ я заступилъ на Камчатскій люнетъ. Около двухъ часовъ пополудни, непріятель усилилъ бомбардированіе. Вечеромъ уже люнетъ буквально представлялъ кучу развалинъ; работы производились цѣлую ночь. Отъ навѣснаго огня прикрытію не было нигдѣ сколько-нибудь безопаснаго мѣста. Къ утру бомбардированіе усилилось еще болѣше.

26-го мая. Часовъ около восьми утра мы были смѣнены баталіономъ Полтавскаго полка и отправились на Корабельную слободку въ казармы. Впродолженіе сутокъ, строенія слободки много пострадали.

Часу въ седьмомъ пополудни въ слободкѣ и на бастіонахъ ударили трѣвогу. По усилившемуся въ страшныхъ размѣрахъ ружейному батальному огню, по направленію къ Камчатскому люнету и къ редутамъ Волынскому и Селенгинскому, съ достовѣрностью можно было предположить, что укрѣпленія

эти атакованы. Весь находившійся въ Корабельной слободкѣ резервъ въ одинъ мигъ пришелъ въ сильное движеніе. Подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ строились люди, запрягались полевыя орудія и все это падало, замѣнялось новымъ, бѣжало, падало снова и все-таки стройно двигалось къ опредѣленной цѣли. 2-й баталіонъ Владимірскаго полка, наскоро выстроившись, бѣгомъ достигъ Малахова кургана, покрытаго сплошнымъ дымомъ и густой пылью отъ разрывавшихся бомбъ и рикошетирующихъ ядеръ. Мы уже находились на серединѣ кургана, какъ вдругъ я почувствовалъ сильный, какъ будто-бы отъ тяжелаго тѣла ударъ въ лѣвое бедро и вслѣдъ затѣмъ опрокинутъ былъ довольно далеко назадъ. Тѣлохранитель мой, неотступно слѣдовавшій за мной, Куриловъ, поднялъ меня и кое-какъ довелъ до ближайшаго блиндажа. Довольно сильная опухоль и багровое пятно на ушибенной ногѣ свидѣтельствовали, что ударъ сдѣланъ былъ наружной выпуклостью осколка бомбы. Благодаря заботливости случившагося здѣсь фельдшера, я вскорѣ могъ, при поддержкѣ Курилова, возвратиться къ полку, который, спустясь съ Малахова кургана влѣво, я нашелъ у оборонительной стѣнки. Освѣдомясь о моей контузіи и узнавъ, что она не очень опасна, полковой командиръ приказалъ мнѣ сейчасъ же съ 5-й и 6-й ротами йдти впередъ и занять находящіеся близъ Киленбалки, на одной высотѣ съ Камчатскимъ люнетомъ, ложементы.

— Мы идемъ отбивать у французовъ занятый ими Камчатскій люнетъ, сказалъ онъ; вашей же зада-

чей будетъ удерживать непріятеля при подъемѣ изъ балки.

Оттѣснивъ залегшую въ каменоломняхъ французскую цѣпь и пройдя болѣе полуверсты, я занялъ назначенную мнѣ позицію. Уже смеркалось, когда я замѣтилъ двигавшіяся по дну балки, въ кустахъ, колонны. Были ли это свои или непріятель, — различить было нельзя.

Вскорѣ со стороны Камчатскаго люнета, находящагося отъ меня вправо, саженяхъ въ двухстахъ, подошелъ маіоръ Шведковскій и подтвердилъ мою догадку извѣстіемъ, что непріятель сбитъ съ люнета.

— Разрѣшите же еще мое сомнѣніе, обратился я къ нему, какъ вы думаете, французы у насъ въ виду, и стрѣлять ли?

— Не знаю, право не знаю, отозвался онъ какъ-то мрачно и отрывисто. Дѣлайте какъ знаете. Я васъ благословляю, но отвѣтственности на себя не беру. На вашей душѣ будетъ тяжесть, если откроете огонь по своимъ.

Съ этими словами онъ перекрестилъ меня и ушелъ. Но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ саженъ, какъ былъ убитъ. Итакъ, смутное предчувствіе, видимо томившее покойнаго за минуту передъ тѣмъ, не обмануло его.

Идущія внизу колонны уже находились въ сферѣ ружейнаго огня, когда лопнувшая въ ихъ рядахъ граната, освѣтивъ на мигъ цвѣтъ французской формы, показала, что я въ предположеніи своемъ не ошибся. Мы открыли частый огонь. Солдаты, пользуясь удоб-

ствомъ позиціи, не жалѣли выстрѣловъ. Рвенію ихъ, на этотъ разъ, вскорѣ положенъ былъ предѣлъ. Прибывшій отъ командира полка ординарецъ принесъ мнѣ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что Камчатскій люнетъ занятъ опять непріятелемъ, приказаніе отступать съ ротами назадъ къ севастопольскимъ укрѣпленіямъ. Ординарецъ не имѣлъ записки и потому повѣрить ему на слово я не рѣшался, зная по опыту, какъ не рѣдко перепутывались посылаемыя словесно приказанія. Отправивъ Курилова для повѣрки полученныхъ извѣстій, я взошелъ на ближайшую высоту взглянуть на Камчатскій люнетъ. Издали мелькавшіе на траверсахъ силуэты въ коротенькой одеждѣ, въ противуположность нашимъ шинелямъ, убѣдили меня въ вѣрности словъ ординарца. Прибѣжавшій Куриловъ подтвердилъ тоже.

Мнѣ оставалось вести роты назадъ, что я и сдѣлалъ. Проходя каменоломни, мы замѣтили невдалекѣ другой рядъ колоннъ, двигающихся по одному направленію съ нами. Долетающій по временамъ французскій говоръ, ясно различаемый на болѣе близкомъ разстояніи и гимнастическій шагъ, показали намъ, что это были французы. Я могъ заключить, что они идутъ для атаки Малахова кургана; но остановить ихъ не имѣлъ возможности по малочисленности оставшихся со мной людей, горсть которыхъ къ тому же продолжала убывать отъ артиллерійскаго огня, достигающаго насъ съ Малахова кургана и 2-го бастіона. Для того, чтобы показать своимъ, что на этомъ пунктѣ осталась часть русскихъ войскъ и хотя чѣмъ нибудь

отвлечь непріятеля отъ предвзятой имъ цѣли, я рѣшился открыть фланговую перестрѣлку, продолжавшуюся впрочемъ не долго. Французы, устрашенные выстрѣлами, залегли въ каменоломняхъ, не дойдя Малахова кургана. Въ этой перестрѣлкѣ штуцерная пуля пронизала мое правое бедро и я принужденъ былъ продолжать путь на рукахъ солдатъ, уложившихъ меня на шинеляхъ. Мой вѣрный Куриловъ и здѣсь, какъ и прежде, не измѣнилъ себѣ. Какъ ухитрились мои носильщики не потерять равновѣсія при переходѣ черезъ волчьи ямы, въ этомъ я обязанъ заботливости и распорядительности моего тѣлохранителя. Принесенный на Павловскую батарею, я былъ перевязанъ и покойно уложенъ на кровать и вслѣдствіе сильнаго кровотеченія и утомленія скоро забылся; но черезъ нѣсколько минутъ вошедшая сестра милосердія спросила: „Кто здѣсь штабсъ-капитанъ Розинъ? Васъ деньщикъ вашъ спрашиваетъ“.

Открывъ глаза, я дѣйствительно увидѣлъ своего деньщика. Не сразу могъ я узнать моего Лазаря Оплетаева, стоявшаго передо мной съ почернѣлой, опаленной пороховымъ дымомъ и окровавленной физіономіей.

— Куда прикажете мнѣ ихъ дѣвать, Александръ Ивановичъ? съ обычной флегмой спросилъ онъ меня, указывая на стоявшихъ тутъ же двухъ зуавовъ, которыхъ онъ всетаки продолжалъ придерживать. На мой вопросъ, откуда онъ взялъ своихъ плѣнниковъ, Оплетаевъ отвѣчалъ, что во рву у Малахова кургана, куда онъ бросился въ числѣ другихъ охотниковъ.

Зная богатырскую силу Оплетаева, меня нисколько не удивило это обстоятельство, какъ одинъ человѣкъ могъ сладить съ двумя вооруженными людьми и протащить ихъ около полуверсты. Не повѣрить же ему я не имѣлъ никакого основанія. Личность моего деньщика въ высшей степени внушала довѣріе. Я какъ теперь вижу это плоское, испещренное рябинами, честное лицо. Сибирскій урожденецъ, онъ, казалось, соединялъ въ своей натурѣ всю холодную разсчитанность сѣвера и непоколебимую твердость характера, которая при врожденной неповоротливости и сосредоточенности нрава, дѣлала его похожимъ болѣе на кусокъ закаленнаго желѣза, нежели на живое существо.

По мѣрѣ надобности, этотъ неуклюжій медвѣдь могъ обладать зоркостью и проворствомъ бѣлки,—этотъ съ виду глухо-нѣмой автоматъ, могъ имѣть самыя нѣжныя чувства, самыя деликатныя побужденія, что я не разъ испыталъ на себѣ самомъ. Страстный охотникъ, привычный на родинѣ къ опасностямъ звѣриной ловли, Оплетаевъ не упускалъ случая въ критическіе моменты севастопольской обороны пристроиться къ какой нибудь командѣ въ траншеяхъ или на банкетахъ, гдѣ, не смотря на свое кажущеся отсутствіе сознанія, дѣйствовалъ вполнѣ разумно и цѣлесообразно. Чтобы времени не тратить въ бездѣйствіи, онъ бралъ съ собой два ружья. Пока онъ стрѣлялъ изъ одного, другое простывало. Настоящее его приключеніе,—то есть взятіе въ плѣнъ двухъ зуавовъ,—было результатомъ одной изъ обычныхъ его эксплуатацій.

Передавъ въ достаточной подробности всѣ факты завѣдующему перевязочнымъ пунктомъ офицеру, я попросилъ его донести о подвигѣ Оплетаева по начальству. Вскорѣ послѣдовало распоряженіе: наградить Оплетаева именнымъ Георгіевскимъ крестомъ; по возвращеніи же его со мной къ полку, немедленно зачислить во фронтъ и по прошествіи одного мѣсяца произвести въ унтеръ-офицеры.

За дѣло 26-го мая, я впослѣдствіи награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“.

27-го мая, въ числѣ другихъ раненыхъ, я переправленъ былъ на Сѣверную сторону въ временной госпиталь, откуда чрезъ два дня насъ препроводили въ Симферополь. Здѣсь мнѣ привелось лежать въ одной комнатѣ съ Станкевичемъ, офицеромъ нашего полка, тогда едва начавшимъ свое военное поприще. Онъ все еще продолжалъ лечить и до сихъ поръ неуспѣшно свои ноги, раненыя въ альминскомъ сраженіи.

Однажды утромъ фельдшеръ сказалъ намъ, что нынче ждутъ прибытія доктора Пирогова. При этомъ извѣстіи лицо Станкевича вдругъ измѣнилось. Какое-то мучительное волненіе видимо овладѣло больнымъ.

— Что съ вами? спросилъ я его.

— Ничего, пустяки... нервы,—сказалъ онъ, силясь улыбнуться. Но вы не повѣрите, какъ меня тревожитъ этотъ Пироговъ. Онъ пожалуй опять станетъ зондировать мою бѣдную ногу, я не могу вспом-

нить безъ содроганія.... Чего добраго, — доведетъ дѣло до ампутаціи. А какъ мнѣ не хочется... грустно почти простоналъ онъ.

Я конечно вполнѣ ему сочувствовалъ, но въ утѣшеніе могъ только посовѣтовать не спѣшить ампутаціей, а ждать, что ему только 20 лѣтъ, и молодая натура почти всегда беретъ верхъ надъ недугомъ и излѣчиваетъ вѣрнѣе медицинскихъ пособій.

Какую пытку выстрадалъ Станкевичъ въ это памятное утро, — трудно вообразить. Каждый разъ, какъ отворялась дверь, онъ вздрагивалъ, блѣднѣлъ, ненадолго успокоивался и волновался снова.

Наконецъ дверь широко отворилась и мы увидѣли доктора Пирогова, окруженнаго свитой лекарей и госпитальнаго начальства. Когда онъ поровнялся съ кроватью Станкевича и устремилъ на него свой пристальный, холодный взглядъ, и я даже не могъ отрѣшиться отъ нѣкотораго опасенія за цѣлость ноги моего бѣднаго товарища. Глаза и вообще все выраженіе физіономіи доктора какъ будто говорили за аскета науки, для котораго чужая нога или рука значили не болѣе, какъ предметъ изслѣдованія. Станкевичъ еще раньше на опытѣ понялъ то, что я могъ только угадывать теперь. До сихъ поръ удивляюсь я твердости, съ какой онъ выдержалъ себя въ эти минуты испытанія. Я болѣе угадывалъ, чѣмъ замѣтить могъ всю ту нравственную и физическую ломку, съ которой онъ поспѣшилъ отвѣтить доктору, что ему теперь лучше гораздо, совсѣмъ лучше, въ доказательство чего онъ даже можетъ приподнять свою

ногу, болѣе похожую на бревно, нежели на человѣческій членъ; и онъ дѣйствительно приподнялъ ее, приподнялъ, но за то чего это ему стоило!

— Однако, молодецъ же вы, сказалъ я Станкевичу, лишь только закрылась дверь за нашими посѣтителями.

— Но я спасъ свою ногу,—радостно отвѣчалъ онъ.

Рядомъ съ нашей комнатой помѣщались нѣсколько французскихъ офицеровъ. Между ними былъ адъютантъ Канробера, италіянецъ Ляндріани, раненый подъ Балаклавой. Сообщительные французы очень скоро сошлись съ русскими; Ляндріани же сверхъ того выразилъ сильное желаніе выучиться русскому языку, въ которомъ ему болѣе всего нравились уменьшительныя слова, какъ то: ложечка, блюдечко и тому подобныя. Онъ говорилъ, что по возвращеніи въ Италію такими именами ласкать станетъ свою невѣсту.

Вообще говоря, — жаловаться на скуку, а тѣмъ менѣе на одиночество, было нельзя.

Насъ иногда навѣщала Марья Александровна Рудзевичъ, какъ истая патріотка, ежедневно посѣщавшая госпитали, словомъ, а нерѣдко и дѣйствіемъ принося облегченіе больнымъ. Похоронныя процессіи умершихъ отъ ранъ офицеровъ никогда не обходились безъ участія въ нихъ Марьи Александровны. Каждый разъ она провожала покойниковъ на кладбище въ глубокомъ траурѣ; впрочемъ, она никогда иначе не одѣвалась.

Личность Марьи Александровны была въ своемъ родѣ весьма замѣчательна. Въ Симферополѣ она из-

вѣстна была болѣе подъ именемъ фрейлины и имѣла немаловажный вѣсъ по своему богатству и происхожденію. Гуманность и доброта пріобрѣли ей всеобщую любовь и уваженіе.

Помню, какъ 6-го іюня, позднимъ вечеромъ, когда мы уже готовились ложиться спать, вдругъ неожиданно вбѣжала къ намъ счастливая и взволнованная Марья Александровна, съ депешей въ поднятой рукѣ. Она почти не отступая отъ двери, наскоро прочитала намъ извѣстіе, только за минуту передъ тѣмъ полученное ею отъ главнокомандующаго, что штурмъ Севастополя отраженъ,—и исчезла также скоро, какъ пришла. Долго послѣ этого мы проговорили и, наконецъ, уснули въ мечтахъ о недалекомъ отрадномъ будущемъ.

Къ 11 іюля я настолько поправился отъ своей раны и контузіи, что достаточно свободно могъ ходить при помощи костыля, и принялъ намѣреніе возвратиться въ Севастополь; тѣмъ болѣе, что въ ожиданіи новаго штурма, очищались мѣста для будущихъ раненыхъ. Выздоравливающихъ же, — кто не возвращался въ Севастополь, отправляли въ дальніе госпитали; желающимъ предоставлено было право отправляться на родину. Нижнихъ чиновъ впредь до излеченія брали колонисты.

Намѣренію моему возвратиться въ Севастополь, на этотъ разъ, не суждено было сбыться. Къ вечеру того же дня, лихорадка и отозвавшаяся рана заставили меня слечь въ постель и тѣмъ отсрочить свой отъѣздъ.

29 іюля, получивъ отъ графа Вельгорскаго-Ма-

тюшкина изъ выдававшихся отъ имени Государыни Императрицы суммъ возвращавшимся въ Севастополь раненымъ офицерамъ 150 рублей и не въ зачетъ третное жалованье, я могъ значительно поправить свои финансовыя обстоятельства: послать 125 рублей старухѣ матери и закупить необходимое. Въ этотъ день насъ довольно большая компанія отправилась въ странствованіе по магазинамъ для закупокъ. Намъ понадобилось бѣлье. Купецъ Караимъ предложилъ свои услуги; и дѣйствительно въ минуту набросалъ на прилавокъ груду всевозможнаго бѣлья; однако, по обыкновенію, ломилъ цѣну несообразную.

— Это у тебя откуда? вдругъ спросилъ кто-то изъ офицеровъ, поднося къ свѣту развернутую сорочку. Это вмѣсто заграничной пломбы что-ли?

На сорочкѣ оказалось клеймо графини Закревской. Купецъ смутился и не зналъ что отвѣчать.

— Позвольте, позвольте господинъ, пломба должна быть... Она была вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ... путалъ онъ, протягивая руку, чтобы взять обратно свой товаръ.

— Что пломба, — ты скажи откуда у тебя клеймо графини Закревской? со смѣхомъ приставали къ нему со всѣхъ сторонъ.

— Графини Закревской?!... Я даже не имѣю чести знать графини Закревской, — какъ у меня можетъ быть ея клеймо!? Тутъ есть ошибка.

Когда купца наглядно уличили, что ошибки нѣтъ никакой, — онъ только пожалъ плечами съ видомъ величайшаго изумленія и полнѣйшей неизвѣстности,

откуда бы въ самомъ дѣлѣ взяться между закупленнымъ и принадлежащимъ ему товаромъ бѣлью съ штемпелемъ графини Закревской?

На всѣ вопросы и школьничанья офицеровъ, какимъ образомъ попали эти сорочки изъ рукъ благотворительницы нашей въ его жидовскія лапы, торговецъ ни за что не сознался. Но для того ли, чтобы поскорѣе прекратить торгъ или по другимъ какимъ соображеніямъ, вдругъ сдѣлалъ довольно крупную уступку. Итакъ, мы всетаки, въ концѣ концовъ, весьма выгодно накупили изрядное количество хорошаго бѣлья.

Судя по данному экземпляру, можно было вывести весьма невыгодное заключеніе о симферопольскихъ купцахъ. Подобное мнѣніе было бы почти безошибочно о всѣхъ поголовно, за изключеніемъ развѣ купца Бычкова, доказавшаго въ крымскую войну, какъ много значитъ въ дѣлахъ торговли приноровленная ко времени смѣтливость, тѣмъ болѣе, если коммерція ведется честно и особенно безъ эгоистическихъ цѣлей.

Симферополь отстоитъ отъ аула Бурлюка верстъ на 40; и поэтому альминское сраженіе, по словамъ жителей, навело на симферопольскаго губернатора такую панику относительно возможности вторженія непріятеля въ городъ, что онъ, не долго думая, сдѣлалъ распоряженіе вывезти всѣ дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ, подъ прикрытіемъ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона. Жители, особенно русскіе, переполошились не на шутку при видѣ уложенныхъ

возовъ и готовыхъ имъ сопутствовать вооруженныхъ солдатъ, единственной въ то смутное время надежды города. Торговля прекратилась. Купцы, большею частію караимы и татары, спѣшили запереть лавки и увести товаръ. Одинъ только Бычковъ сидѣлъ, по видимому, спокойно за своимъ прилавкомъ. Но и это потому, что ему терять было нечего. Его торговый капиталъ былъ подорванъ и стоялъ на пути неотразимаго банкротства.

Бѣда казалась неминуемой. Въ этомъ общественномъ унынiи, спасительницей явилась Марья Александровна Рудзевичъ. Узнавъ о случившемся, она не медля поѣхала къ губернатору и своимъ убѣдительнымъ краснорѣчiемъ съумѣла живо представить ему смущенiе симферопольскихъ гражданъ, оставляемыхъ градоначальникомъ на произволъ озлобленныхъ татаръ, составляющихъ большую часть народонаселенiя города, предоставляя ихъ ненависти къ русскимъ какъ нельзя болѣе широкое поле ко всякаго рода безчинствамъ и насилiю. Татары въ крымскую войну такъ много разъ успѣли заявить свои враждебныя и даже измѣнническiя чувства къ Россiи, что бояться ихъ симферопольскiе русскiе имѣли полное основанiе. Благодаря вмѣшательству женщины, задуманный некстати планъ губернатора, какъ говорятъ, былъ разстроенъ во время.

Бычковъ же своей устойчивостью выигралъ очень много. Марья Александровна лично благодарила его за то, что въ противуположность своимъ собратамъ по коммерцiи онъ остался вѣренъ своему назначенiю.

Бычковъ при этомъ прямо и откровенно объяснилъ всю крайность своего положенія, крайность, грозившую рано или поздно заставить его прекратить торговлю. Марья Александровна по истинѣ великодушно отплатила ему за откровенность, ссудивъ его тутъ же довольно крупной суммой. И вотъ Бычковъ воскресъ. Транспортъ шелъ за транспортомъ и весь получаемый товаръ вмигъ разбирался войсками на расхватъ. Покупателей привлекала добросовѣстность и честная умѣренность цѣнъ, а Бычковъ быстро шелъ въ гору. Короче говоря, менѣе чѣмъ въ годъ — къ іюлю 1855 года, онъ не только могъ возвратить Марьѣ Александровнѣ такъ обязательно предложенную ему сумму, но уже имѣлъ въ Симферополѣ до десяти лавокъ и нѣсколько сотъ тысячъ барыша.

Сборы къ отъѣзду въ Севастополь продолжались недолго. Меня провожали отставшіеся здѣсь бывшіе владимірцы, а теперь офицеры резервнаго баталіона Лейбъ-Бородинскаго полка, расквартированнаго въ Симферополѣ, и тутъ же присоединился мой новый пріятель, военноплѣнный раненый французскій маіоръ Марино.

На прощаньи мы зашли въ гостинницу. Здѣсь занявъ большую часть залы, въ виду съ комфортомъ разставленной закуски, вели карточную игру: командиры погонскихъ ротъ, провіантскіе чиновники, командиры фурштатскихъ ротъ и полковые фуражиры.

Игра, должно быть, продолжалась уже не мало времени; это можно было угадать по испачканнымъ мѣломъ и запыленнымъ физіономіямъ этихъ господъ.

Столъ, на которомъ играли, покрытъ былъ кипами ассигнацій. Игра шла крупная; главными дѣятелями были провіантскіе чиновники и погонскіе офицеры. Ихъ грязные пальцы, унизанные алмазными перстнями, загибали уголъ иногда на нѣсколько сотенъ, фуражиры же и фурштаты довольствовались болѣе скромными ставками.

Въ промежуткахъ игры компанія, чокаясь стаканами шампанскаго, хвасталась наперерывъ, — кто сколько разъ былъ на Сѣверной сторонѣ и оттуда имѣлъ смѣлость видѣть Южную сторону въ тучѣ пороховаго дыма.

Полюбовавшись картиной веселаго общества и пообѣдавъ скромно, по товарищески, я простился съ Симферополемъ. Бородинцы провожали меня верстъ за десять и отсюда отправился къ Севастополю на лошадяхъ капитана Скуратова, обязательно имъ предложенныхъ еще задолго до отъѣзда. Старый товарищъ дѣйствительно выручилъ: на почтовыхъ станціяхъ не доставало лошадей иногда даже для курьеровъ съ важными депешами; верблюды передохли и для обыкновенныхъ проѣзжающихъ оставались только изморенные волы, да и то не всегда: большею частію офицеры, прождавъ на станціи болѣе сутокъ, отправлялись съ своими чемоданами пѣшкомъ. Стало быть мнѣ съ больными ногами пришлось бы попасть въ Севастополь не раньше, какъ черезъ недѣлю.

Кучеромъ моимъ былъ старый знакомый Петруша 18-ти лѣтній рослый и молодцоватый парень темниковскаго уѣзда, крѣпостной человѣкъ Скуратова, на-

ходившійся при немъ въ полку постоянно съ 10-ти лѣтняго возраста.

Узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Петруша долго осаждалъ своего барина просьбами позволить ему по привозѣ меня остаться со мною нѣсколько дней въ Севастополѣ, чтобы хоть взглянуть вблизи на картину боевой жизни, сильно воспламенявшей его воображеніе. Скуратовъ, жалѣя его, не согласился.

Дорогой, кучеръ мой перенесъ свои просьбы на меня.

— Возьмите, Александръ Ивановичъ, я вамъ заслужу, ей-богу заслужу. У васъ же теперь кстати и деньщикъ отчисленъ.

— Не въ этомъ дѣло, Петруша, говорилъ я, а въ томъ, что тебя убить могутъ безъ толку.

— Ничего-съ, ей-богу ничего. Не убьютъ, коли не судьба. А ужъ какъ бы я на сраженіе поглядѣлъ!... То есть вотъ какая охота!... Теперь сами разсудить извольте, что хорошаго у насъ въ резервахъ увидишь?... Можетъ и до конца войны до насъ чередъ не дойдетъ побывать въ Севастополѣ. Возьмите батюшко, Александръ Ивановичъ, вѣкъ бы за васъ молиться сталъ.

— А баринъ? спросилъ я, невольно уступая его горячему желанію.

— Баринъ ничего-съ. Они на васъ никогда не осерчаютъ. А за себя я прощенья испрошу, съ полнымъ убѣжденіемъ разсудилъ онъ.

Вынудивъ мое согласіе, Петруша затрепеталъ отъ радости и, ухарски заломивъ шапку набекрень, ви-

хремъ погналъ лошадей. Впрочемъ, быстрая ѣзда нисколько не мѣшала ему болтать безъ умолку, закидывая разспросами о сраженіяхъ, въ которыхъ я участвовалъ, и болтовню свою пересыпать громкими пѣснями. Въѣхавъ на высоту, глазамъ нашимъ открылся, подъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ, дымящійся отъ выстрѣловъ Севастополь.

Прибывшаго Петрушу знакомые ему офицеры Владимірскаго полка обласкали, какъ нежданнаго гостя и похвалили за удаль. Здѣсь онъ пробылъ со мной нѣсколько дней, неотлучно сопутствуя по всѣмъ укрѣпленіямъ и при исполненіи мной всѣхъ служебныхъ обязанностей. Впродолженіе этого времени веселое настроеніе не покидало его и любознательности не было границъ.

Наконецъ пора была возвращаться домой. Я поручилъ провожать его на Сѣверную сторону отправляющимся туда за продуктами ротнымъ артельщикамъ.

При разставаньи, Петруша, стоя на берегу бухты, съ сожалѣніемъ озирался на Южную сторону, съ жаромъ благодарилъ меня и звалъ въ гости въ Симферополь, только не раненымъ, а здоровымъ.

Снаряды въ бухту ложились довольно не рѣдко, и потому не безъ нѣкотораго безпокойства слѣдилъ я за удалявшейся шлюпкой и лишь тогда спокойно могъ уйдти, когда увѣрился, что мой удалой гость благополучно высадился на противуположный берегъ.

Прибывъ 30 іюля, я нашелъ полкъ въ Корабельной слободкѣ. Нѣкоторыхъ прежнихъ товарищей я

уже не засталъ въ живыхъ; въ томъ числѣ своего субалтернъ-офицера, уважаемаго мной Андрея Андреевича Короткихъ. Взамѣнъ выбывшихъ, между прочими, прибыли переведенные изъ кавалеріи: ротмистръ и поручикъ.

Изъ разсказовъ, впослѣдствіи провѣренныхъ по точнымъ источникамъ, узналъ я, что послѣ кроваваго боя 26-го мая, Владимірскій полкъ находился на 2-мъ бастіонѣ и, выдержавъ предварительно 4-го и 5-го чиселъ іюня сильное бомбардированіе, 6-го іюня, безъ пособія резерва, только съ двумя ротами Суздальскаго полка, отбилъ отъ бастіона штурмующія французскія колонны. Въ этотъ день кромѣ храбрости, привычные къ бою гренадеры выказали своего рода мягкосердечіе. Не щадя себя, они щадили цвѣтущую молодость своего ротнаго командира подпоручика Богданова (Александра), настойчивыми и убѣдительными просьбами, неоднократно принуждая его сойдти съ банкетовъ. По поводу выказаннаго владимірцами мужества въ день 6-го іюня, генералъ-адъютантъ князь Урусовъ, въ предписаніи своемъ подполковнику Венцелю, о вступленіи въ командованіе Владимірскимъ полкомъ, вмѣсто барона Дельвига, назначеннаго командиромъ бригады, между прочимъ, выразилъ слѣдующее: „что храбрость ввѣряемаго ему полка, между прежними его заслугами столь блистательно показана уже при отбитіи непріятеля 6-го іюня отъ 2-го бастіона“.

Послѣ штурма полкъ выведенъ былъ изъ 2-го бастіона, и находясь въ прикрытіи куртины между

Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ по 11-е іюля, производилъ работы на Малаховомъ курганѣ.

По переводѣ на 3-й бастіонъ одними охотниками Владимірскаго полка въ числѣ 160 человѣкъ, при трехъ офицерахъ, постоянно занимаема была по ночамъ цѣпь между Малаховымъ курганомъ и исходящимъ угломъ 3-го бастіона. Съ 25-го на 26-го іюля, цѣпь, отбивъ намѣревавшіяся производить работы англійскія колонны, захватила въ плѣнъ траншей-маіора и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ.

По прибытіи, я нашелъ строенія Корабельной слободки до того пострадавшими отъ выстрѣловъ, что скудость помѣщенія была весьма чувствительна. Четверо офицеровъ, къ которымъ присоединился и я, коекакъ расположились въ одномъ небольшомъ домикѣ, принадлежавшемъ унтеръ-офицеру морской артилеріи.

2-го августа, когда мы, возвратясь съ бастіона, пили чай, вдругъ на дворъ дома упала бомба, и вслѣдъ за тѣмъ послышался перепуганный крикъ деньщиковъ: „несчастіе, ваше благородіе!“ Несчастіемъ оказались перебитые бомбой самовары и стаканы, разставленные на дворѣ. Тутъ же найденъ былъ трупъ нашего хозяина, разметанный по частямъ накрывшей его бомбой. Вечеромъ 3-го августа, принявъ команду надъ 160 охотниками при двухъ офицерахъ нашего полка и 15-ю пластунами, вышелъ я мостикомъ черезъ ровъ отъ батареи Будищева и занялъ ложементы, впереди саженяхъ въ 300, между Малаховымъ курганомъ и исходящимъ угломъ 3-го ба-

стіона. Отправляясь, я мелькомъ слышалъ, что на туже мѣстность сдѣлана будетъ, въ составѣ двухъ полковъ, вылазка, для демонстраціи долженствующаго быть на Черной рѣчкѣ сраженія.

Проходъ черезъ лежавшее на пути чумное кладбище былъ довольно медлителенъ. Мои люди то и дѣло проваливались въ изрытой бомбами рыхлой землѣ могилъ; вытаскиванье ихъ оттуда отнимало не мало времени.

Занятые нами ложементы имѣли то неудобство, что намъ приходилось одинаково плохо отъ разрывныхъ снарядовъ непріятельскихъ и своихъ. Въ обоихъ случаяхъ задніе осколки ложились вблизи. Впрочемъ, убыль противъ ожиданія была самая незначительная.

Кошачье зрѣніе пластуновъ въ эту и послѣдующія за тѣмъ ночи оказало мнѣ немаловажную услугу. Не смотря на темноту ни одно приближеніе непріятельскихъ колоннъ не было просмотрѣно зоркими глазами пластуновъ. Каждый разъ, когда я замѣчалъ пробирающуюся ко мнѣ изъ помѣщенныхъ въ каменоломнѣ секретовъ фигуру пластуна, я зналъ уже о близости непріятеля. Придя съ пластуномъ къ секрету, я спрашивалъ: гдѣ непріятель? — «А вотъ, кажу, мѣсяцъ выгляне изъ за облачка, сами побачите", былъ отвѣтъ. Но и при появившейся лунѣ я сначала могъ при хорошемъ собственномъ зрѣніи разглядѣть только, что въ одномъ направленіи трава колыхалась шибче. Предупредившій же меня степнякъ ясно видѣлъ мелькань штыковъ и приблизительно опредѣлилъ цифру двигавшейся колонны въ

400 человѣкъ. Чтобы не произвести ложную тревогу на бастіонахъ, по данной инструкціи, я могъ стрѣлять поочередно изъ ложементовъ только изрѣдка. Непріятель впродолженіи ночи нѣсколько разъ отступалъ и возвращался снова. Наконецъ изъ опасенія, не собираются ли штурмовыя колонны, я подалъ сигналъ бросить свѣтящее ядро, которое немедленно и было пущено съ Малахова кургана. Нежданно освѣщенныя, находившіяся передъ секретами въ четырехъ мѣстахъ незначительныя колонны, поспѣшно отступили.

На разсвѣтѣ, влѣвѣ отъ цѣпи послышались отдаленные выстрѣлы; слухи о предполагаемомъ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ оправдались.

6-го августа, рота заступила на батарею Никонова для прикрытія и работъ. Большой длинный блиндажъ напоминалъ собой видъ каюты. Въ два ряда повѣшенныя корабельныя койки заняты были утомленными матросами и солдатами. По случаю праздника, передъ экипажнымъ образомъ, поставленнымъ посрединѣ блиндажа, горѣло множество свѣчъ. Свѣтъ, однако, отъ нихъ довольно слабо разливался по низкому и узкому пространству. Во время смѣны у входа собралось больше десяти офицеровъ: пѣхотинцы, моряки и саперы. Вдругъ вбѣжалъ матросъ съ крикомъ „идетъ“. Мы оглянулись. Вслѣдъ за нимъ по намокшимъ землянымъ ступенямъ катилась довольно солидная граната. Видя такую гостью, всякій инстинктивно прижимался къ стѣнѣ, съ замираніемъ слѣдя, какъ шипя мелькала трубка. Граната томила довольно

долго. Наконецъ раздался взрывъ и блиндажъ наполнился дымомъ. Свѣчи всѣ потухли, и въ темнотѣ каждый изъ насъ, чувствуя себя неповрежденнымъ, мысленно прощался съ сосѣдомъ. Каково было общее удивленіе, когда оказались всѣ живы и цѣлехоньки. Осколки, врѣзавшись въ накаты блиндажа, никого не задѣли. Спавшій тутъ же неподалеку матросъ такъ и не проснулся, ни отъ взрыва лопнувшаго снаряда, ни отъ усерднаго дерганья и толчковъ, которыми мы, предполагая его по меньшей мѣрѣ контуженнымъ, старались привести въ чувство. „Ноньче Спасовъ день, онъ въ Севастополь ходилъ, на квартиру, выпивши мало дѣло“, пояснилъ его товарищъ, приглашая тѣмъ отступиться отъ своего камрата. Тотъ же матросъ порадовалъ насъ новымъ сюрпризомъ, высказавъ свое недоумѣніе: какимъ чудомъ не взорвало поставленные вблизи входа за тонкой досчатой перегородкой четыре боченка съ порохомъ.

7—19-го августа, не разъ возвращаясь съ бастіона, на Павловскій мысокъ въ провіантскіе магазины, гдѣ мы тогда помѣщались, мимо разрушенной госпитальной церкви, солдаты крестились на удержавшійся на колокольнѣ крестъ, дѣлая при этомъ свои замѣчанія, что если крестъ остался цѣлъ, то еще не все кончено.

Наконецъ непріятелю удалось сбить крестъ, разрушивъ весь верхній ярусъ колокольни. „Ну, теперь плохо, братцы“.... Послышалось чье-то грустное предсказаніе. Впрочемъ особенно тревожнаго настроенія, обозначающаго нравственный упадокъ духа, замѣтить было нельзя, не смотря на увеличивающееся

съ каждымъ днемъ разрушеніе нашихъ укрѣпленій и рѣдѣвшіе ряды ихъ защитниковъ.

Насъ уже рѣже стали отпускать съ бастіоновъ. Непрестанныя работы на укрѣпленіяхъ не успѣвали поправлять причиняемаго имъ вреда. Владимірскій полкъ поперемѣнно находился на батареяхъ: Никонова, Будищева, Яновскаго, на Малаховомъ курганѣ, и чаще всего на исходящемъ углу 3-го бастіона. Здѣсь-то, 15-го августа, убитъ былъ мой бывшій деньщикъ Лазарь Оплетаевъ. „Не дослужился таки до галуновъ", добродушно съострилъ кто-то въ эту великую для покойнаго минуту. На этомъ же бастіонѣ, получилъ,—какъ казалось тогда,—смертельную рану, и старый, неизмѣнный тѣлохранитель мой Куриловъ. Насъ нѣсколько человѣкъ товарищей, сидя въ кружокъ, заняты были ужиномъ, (довольно впрочемъ незатѣйливаго свойства; потому что, съ высылкой, по распоряженію начальства, большаго числа жителей, въ Севастополѣ припасы для стола доставались уже трудно), какъ вдругъ мнѣ послышался слабый окликъ меня по имени. Обернувшись, я увидѣлъ подползающаго на колѣняхъ Курилова, облитаго кровью. Осколкомъ ему задѣло черепъ. Раненаго сей-часъ же положили на носилки, для отправленія на перевязочный пунктъ. Поручая какъ можно бережнѣе доставить Курилова на мѣсто назначенія, я уже не ожидалъ болѣе, не только увидѣть его живымъ, но даже услышать его голосъ. Не успѣли однако носильщики удалиться на нѣсколько саженъ, Куриловъ снова окликнулъ меня. — А какъ же Александръ Ивано-

вичъ, заговорилъ онъ, когда я подошелъ, я явлюсь безъ формы; въ лазаретѣ пожалуй не примутъ. Шапку-то вѣдь сбило". Чтобы успокоить больнаго, я снялъ съ перваго попавшагося солдата шапку и положилъ къ нему въ носилки.

Опасность раны, какъ послѣ выяснилось, не была такъ велика, какъ это казалось въ началѣ. Куриловъ въ этотъ разъ не умеръ и мы съ нимъ встрѣтились въ мирное время, когда онъ по полученіи изъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка*) безсрочнаго отпуска, возвратился на родину.

20-го августа, при смѣнѣ Владимірскаго полка съ 3-го бастіона однимъ изъ полковъ участвовавшихъ въ венгерской компаніи и на Дунаѣ, и въ недавнее время только поступившимъ въ составъ севастопольскаго гарнизона, солдаты, считавшіе себя бывалыми и обстрѣленными воинами, подтрунивали надъ владимірцами, первый разъ въ Крымскую войну попавшими въ огонь, и въ шутку называли насъ „москвичами" за то, что корпусъ нашъ около 20-ти лѣтъ занималъ караулы въ Москвѣ и былъ расквартированъ въ окрестныхъ съ ней губерніяхъ. „Что москвичи, скоро ли опять въ Москву?" спрашивали нашихъ.

— Квитанціи еще не даютъ въ Севастополѣ, бойко отвѣчалъ унтеръ-офицеръ нашей гренадерской роты Ивановъ.

---

*) Въ гвардію онъ переведенъ за отличіе, какъ георгіевскій кавалеръ.

По сигнѣ люди стояли уже въ ружьѣ и мы готовы были оставить бастіонъ, когда на находящійся вблизи пороховой погребъ ввалилась бомба.

— Засыпай воронку, кричали моряки съ батареи. Но бывалые воины растерялись и нетрогались съ мѣста. Мѣшкать было некогда. Не успѣлъ я отдать нужное приказаніе, какъ человѣкъ 15 рабочихъ и съ ними Ивановъ, вмигъ очутились съ земляными мѣшками на погребѣ. Не удалось имъ окончательно завалить воронку, какъ вторая бомба упала и нѣсколько человѣкъ взорвало на воздухъ.

— Видѣли, какъ москвичи квитанціи получаютъ! крикнулъ какъ-то уцѣлѣвшій Ивановъ.

Насмѣшники на этотъ разъ пристыженно промолчали.

22-го августа. По заведенному генераломъ Хрулевымъ порядку, вечеромъ отдѣльныя части расходились по бастіонамъ при звукахъ музыки. Всегда веселый и общительный штабсъ-капитанъ Вороновъ и нынче какъ и всегда, въ припляску идя, впереди баталіона, тянулъ свою любимую пѣсенку:

Бейтесь, бейтесь каблучки,
Разбивайтесь башмачки;
Мнѣ не матушка дала,
Я сама ихъ добыла.
. . . . . .

Его звучный теноръ рельефно выдавался изъ за трубныхъ аккордовъ полковаго оркестра и вскорѣ заглохъ въ безпрестанныхъ разрывахъ, фейерверкомъ падающихъ, бомбъ. Въ этотъ вечеръ началось адское

бомбардированіе лѣваго фланга нашей оборонительной линіи. Мнѣ приказано было на эту ночь идти со 2-мъ баталіономъ на 3-й бастіонъ. По происшедшей въ нарядѣ ошибкѣ, я засталъ пунктъ этотъ уже занятымъ частью отъ другаго полка. Сознавая, что промахъ въ нарядѣ можетъ оставить какое нибудь укрѣпленіе безъ прикрытія и не зная, куда направиться я сдѣлалъ порученіе баталіонному адъютанту Богданову (Митрофану) узнать точное назначеніе нашего баталіона. Сопровождаемый однимъ только унтеръ-офицеромъ, расторопный боевой Богдановъ въ полчаса успѣлъ принести отвѣтъ, что насъ ждутъ на Малаховомъ курганѣ.

24-го августа. По распоряженію начальника III отдѣленія оборонительной линіи, я долженъ былъ, отправившись съ вечера, привести отъ Доковъ два орудія на исходящій уголъ 3-го бастіона. Завѣдующій выдачей орудій, офицеръ, на мою настоятельную просьбу, не могъ выдать крѣпостныхъ передковъ, по неимѣнію оныхъ. Зная всю трудность пути и предвидя огромную потерю, я возобновилъ свое требованіе. Но посланный куда-то за передками возвратился ни съ чѣмъ. И такъ, прождавъ напрасно, я наконецъ вынужденъ былъ вести на станкахъ 210 пудовыя массы. Мѣстность, по которой намъ слѣдовало идти, была вся изрыта бомбами. Люди, утомляясь отъ безпрестаннаго вытаскиванья орудій изъ ямъ, нуждались въ частомъ отдыхѣ. Пока была возможность, мы останавливались для охраны отъ выстрѣловъ подъ защиту госпитальныхъ развалинъ. Не

смотря на эту предосторожность, каждыя нѣсколько минутъ, среднимъ счетомъ, стоили жизни одного человѣка. И это были 2-я и 3-я гренадерскія роты, которыми нѣкогда любовался въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ, — слышавшія въ послѣднее время отъ Его Величества привѣтливое царское „спасибо“ на маневрахъ подъ Краснымъ селомъ въ 1852 году и въ 1853 году на Ходынскомъ полѣ, и которыя теперь таяли на моихъ глазахъ. Каждый разъ, когда засѣвшее орудіе требовало удвоенныхъ усилій, и солдаты съ крикомъ: „разъ, два“, тащили его, крикъ этотъ указывалъ чуткому непріятелю вѣрный для пораженія пунктъ. Уже человѣкъ 40 убыло изъ нашихъ рядовъ, въ томъ числѣ восемь унтеръ-офицеровъ и прапорщикъ Лобане-Быковскій, смертельно раненый въ бокъ. Вдругъ одна налетѣвшая бомба вырвала сразу десять человѣкъ. „Еще нашихъ работниковъ подкосило“... съ сердцемъ ругались солдаты. И дѣйствительно послѣ этой потери, — для сохраненія оставшихся утомленныхъ и частію раненыхъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить одно изъ орудій саженяхъ во 100 отъ бастіона, куда мы прибыли съ другимъ орудіемъ едва лишь на разсвѣтѣ, потерявъ на разстояніи менѣе полуторы версты, четвертую часть людей.

На докладъ мой, что только одно орудіе привезено, начальникъ отдѣленія сказалъ: „жаль, очень жаль“. Мнѣ тоже было очень жаль убитыхъ сослуживцевъ, и я еще болѣе пожалѣлъ о томъ впослѣдствіи, когда привезенное съ такимъ неимовѣрнымъ

трудомъ и жертвами орудіе, вовсе не было поставлено на бастіонѣ до окончанія штурма.

27-го августа. Хотя слухи, полученные отъ перебѣжчиковъ, что французы, какъ любители эффектовъ, будутъ штурмовать въ день бородинской битвы 26-го августа въ отплату русскимъ за геройскій отпоръ, оказались ложными, тѣмъ не менѣе мы продолжали находиться въ напряженномъ ожиданіи штурма и въ-день 27-го августа, какъ и въ предыдущіе, готовились къ бою. Груды осколковъ сложены были на мерлонахъ и траверсахъ. Численность же въ людяхъ была далеко незначительна. По сдѣланному на разсвѣтѣ разсчету въ ротахъ, у меня послѣ ночной убыли приходилось не болѣе восьми человѣкъ на амбразуру *).

Такъ какъ полкъ продолжалъ безвыходно съ 23-го числа находиться на бастіонѣ, то продовольствіе приносилось туда. Получать же обѣды аккуратно и въ должномъ изобиліи нельзя было, потому что мѣстность, по которой слѣдовало нести пищу, сильно обстрѣливалась непріятелемъ. Офицеры тоже продовольствовались изъ котла, отказавшись отъ услугъ деньщиковъ, число которыхъ во время снабженія насъ обѣдами, порядочно поубавилось.

Утромъ вмѣстѣ съ пищей, артельщики принесли на бастіонъ корзину превосходныхъ фруктовъ и боченокъ краснаго вина, присланные моей почтенной

*) Въ строю находилось: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 15; нижнихъ чиновъ 750.

симферопольской знакомой г-жей Канторино на Сѣверную сторону для передачи мнѣ. Пожуривъ артельщиковъ за излишнюю рачительность въ доставленіи подарка, весьма удобно могшаго меня дождаться, какъ я предполагалъ, въ Севастополѣ, и я и угощаемые мной товарищи заочно отъ души благодарили г-жу Канторино за добрую память. Пропитанные нылью, мы съ наслажденіемъ утоляли жажду вкуснымъ виномъ и сочными плодами, изъ которыхъ лучшіе, какъ бы по предчувствію близкой разлуки, предложилъ я доброму товарищу Ивану Осиповичу Брестовскому. Онъ тутже досталъ изъ кармана, „Мертвыя души“ Гоголя, подаренныя ему, какъ земляку автора какимъ-то степнымъ помѣщикомъ во время похода изъ Молдавіи, и полушутя, полусерьезно завѣщалъ мнѣ, въ случаѣ своей смерти, передать книгу въ библіотеку Владимірскаго полка. Съ „Мертвыми душами“, какъ я запомню, Брестовскій никогда не разставался, и часто на укрѣпленіяхъ развлекалъ солдатъ чтеніемъ о похожденіяхъ Коробочки, Плюшкина и другихъ. Вокругъ его собирался довольно большой кружокъ, доказывающій, что даровитый писатель и здѣсь находилъ себѣ отголосокъ и популярность.

Часу въ одиннадцатомъ утра, вдругъ во многихъ мѣстахъ бастіона раздался крикъ: „штурмъ“. Вездѣ забили тревогу. Непріятельскіе снаряды и преимущественно картечныя гранаты посыпались градомъ. Солдаты мгновенно, по прежде сдѣланному наряду, вскочили на траверсы и заняли мѣста въ амбразурахъ.

„Смѣлѣй ребята, смѣлѣй, это англичанинъ идетъ, справимся", ободряли они другъ друга, завидѣвъ красные мундиры.

Одними изъ первыхъ жертвъ пали тотчасъ же вбѣжавшіе на барбетъ къ своей ротѣ: штабсъ-капитанъ Брестовскій и прапорщикъ Блажковъ.

Пользуясь нашей малочисленностію, англичане вскорѣ овладѣли барбетомъ и устремились въ амбразуры. Мы принуждены были податься вправо, но во время поддержанные подоспѣвшимъ изъ резерва 1-мъ баталіономъ и частями другихъ полковъ, штыками сбросили съ барбета неуспѣвшаго забить почти ни одного орудія непріятеля. Осколки на мерлонахъ и траверсахъ тоже съ успѣхомъ были употреблены въ дѣло.

Въ самомъ началѣ штурма, полюбопытствовавъ повѣрить число находящагося во рву непріятеля, я выглянулъ изъ амбразуры и чуть было не наткнулся на англійскій штыкъ. Въ этотъ мигъ сверху кто-то окликнулъ меня: „ваше благородіе!" Я инстинктивно повернулъ лице и штыкъ скользнулъ подъ глазомъ, сдѣлавъ лишь легкую рану. Въ туже минуту брошенный сверху осколокъ, спасъ меня, свергнувъ внизъ взобравшагося къ амбразурѣ англичанина.

Послѣ первой, счастливо отраженной нами атаки, непріятель покусился сдѣлать вторую, но потерпѣлъ совершенную неудачу. Осколки на мерлонахъ и траверсахъ и теперь, какъ и прежде, оказали дѣльную услугу.

Оставшіеся же во рву англичане и начавшіе скла-

дывать камни для облегченія подступа вновь наступающимъ, охотниками Владимірскаго полка, подъ командой поручика Дубровина, были прогнаны, а камни разбросаны.

Въ это время показавшіеся изъ траншей шотландскіе полки удивили нашихъ солдатъ страннымъ своимъ костюмомъ. „Смотри ребята, смотри, смѣялись они, какіе чудные! Этимъ надо полагать, у королевы матерьялу на штаны не хватило“.

Взятый въ плѣнъ на барбетѣ прапорщикъ Павловъ разсказывалъ въ послѣдствіи, что англичане готовили было для третьей атаки шотландскіе полки, но тѣ наотрѣзъ отказались идти.

Отразивъ непріятеля отъ бастіона, мы уже радовались побѣдѣ, думая, что дѣло кончится точно также, какъ и 6-го іюня; вдругъ общее вниманіе привлекло появившееся на Малаховомъ курганѣ знамя. Всмотрѣвшись пристально и увидѣвъ, что знамя французское, мы ежеминутно ждали, что оно будетъ сброшено. Но прошелъ часъ и знамя непоколебимо развѣвалось на курганѣ. Однако мы продолжали ждать счастливой развязки, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что прибывшій съ значительными резервами генералъ Хрулевъ производитъ атаку Малахова кургана. Но не смотря на присутствіе храбраго генерала, снискавшаго себѣ въ войскѣ вѣру, Малаховъ курганъ оставался въ рукахъ французовъ. По всему вѣроятію, Хрулеву удалось бы выгнать непріятеля изъ занятаго имъ пункта, если бы устроенный, на случай нападенія, позади кургана ровъ, не оказался

теперь противъ насъ. „Чортовъ мостикъ“ былъ разумѣется сброшенъ, а ровъ такъ глубокъ, что перейдти его безъ штурмовыхъ лѣстницъ небыло никакой возможности. При томъ же Хрулевъ вскорѣ былъ раненъ. (Подробности эти я узналъ уже гораздо позже на Сѣверной сторонѣ).

Тѣмъ болѣе досадно, что въ послѣдствіи, во время перемирія, французскими офицерами передавались разсказы: будто ихъ солдаты, по занятіи Малахова кургана, боясь атаки и взрыва минъ, хотѣли было уйдти оттуда, но отъ этого ихъ удержала единственно лишь находчивость Боске, который усѣвшись съ своими штабными на коврахъ, началъ роспивать тосты по случаю овладѣнія курганомъ. Отсюда же этимъ генераломъ угадано было намѣреніе севастопольскаго гарнизона отступить. Наведя подзорную трубу на мостъ, Боске видѣлъ, какъ шедшіе съ Сѣверной стороны на Южную люди съ мѣшками и кулками, встрѣтясь съ идущими изъ Севастополя, возвращались обратно. Этого маловажнаго на видъ обстоятельства достаточно было для смѣтливости француза, чтобы узнать въ людяхъ съ мѣшками, русскихъ артельщиковъ, которымъ уже не зачѣмъ было доставлять продовольствіе въ свои полки.

Рана моя, хотя и легкая, начала еще до окончанія штурма беспокоить меня; отъ постепенно прибывающей опухоли закрылся сначала одинъ глазъ, а потомъ по симпатіи и другой могъ смотрѣть только съ усиліемъ. Я оказался вынужденнымъ удалиться съ бастіона, о чемъ доложивъ полковому командиру, ча-

совъ въ пять по полудни, отправился на Павловскій мысокъ для перевязки. Тутъ было огромное скопленіе раненыхъ и ампутаціи производились въ большихъ размѣрахъ. Насъ легко раненыхъ, около пятидесяти офицеровъ, на баркасѣ отправили на Сѣверную сторону. Передъ отплытіемъ, деньщикъ было притащилъ на берегъ мое имущество, хранившееся въ провіантскихъ магазинахъ. Не зная о предстоящемъ отступленіи, я ничего съ собой не взялъ, сказавъ, что дня черезъ два пріѣду опять. Больше я уже своихъ чемодановъ не видалъ. Теперь же у меня въ карманѣ лежали только „Мертвыя души“, взятыя для передачи по завѣщанію у покойнаго Брестовскаго, съ прахомъ котораго я простился, уходя съ бастіона.

Уже темнѣло, когда баркасъ, при сильномъ вѣтрѣ съ моря, отчалилъ отъ берега. Двѣнадцать матросовъ выбивались изъ силъ, чтобы насъ не снесло подъ непріятельскія батареи къ устью Черной рѣчки. Пока баркасъ носило по бухтѣ, на мосту въ это время замѣтно было большое движеніе; но при усиливающейся темнотѣ трудно было опредѣлить сразу, что оно означало? Только на болѣе близкомъ разстояніи, удалось наконецъ разглядѣть, что это шли войска, но все-таки сказать навѣрное, куда они направлялись, нельзя было. Сначала высказывалось предположеніе, что это идетъ съ Сѣверной стороны подкрѣпленіе, но всмотрѣвшись мы ясно замѣтили движеніе колоннъ съ Южной стороны и вывели новое заключеніе, что это возвращаются ополченцы, которыхъ хотятъ замѣнить регулярной пѣхотой. Въ немалое недоумѣніе приво-

дила тоже, послѣ продолжавшагося нѣсколько дней, неумолкаемаго грома орудій, наступившая тишина, прерываемая лишь рѣдкими ружейными выстрѣлами.

Волненіемъ наконецъ прибило насъ къ кораблю, съ борта котораго въ мелкія суда торопливо сбрасывались имущества моряковъ, продовольственные припасы и разные другіе предметы. Вообще на палубѣ и внутри происходила кипучая дѣятельность.

Мы спросили: что такое дѣлается на кораблѣ?

— Развѣ вы не знаете, что наши отступаютъ съ Южной стороны, отвѣтили намъ. Корабли приказано затопить, поэтому спасаемъ что можемъ.

Теперь-то только съ грустью узнали мы объ оставленіи Южной стороны.

Готовящійся къ погибели корабль смотрѣлъ какъ-то особенно печально. Унылый звукъ „стклянокъ“ раздавшійся въ минуту нашего отплытія, казался какимъ-то безотраднымъ, послѣднимъ вздохомъ осужденнаго на казнь.

Ночью прибывъ на Сѣверную сторону, я послѣ перевязки тотчасъ отправился въ полковую канцелярію, съ цѣлью узнать: гдѣ полкъ? Тутъ товарищи сообщили мнѣ, что полкъ уже на Сѣверной сторонѣ *).

Вскорѣ затѣмъ послышался страшный громъ, трескъ и грохотъ. То охотники взрывали пороховые

*) Во время штурма во Владимірскомъ полку убито: оберъ-офицеровъ 2; смертельно ранено: штабъ-офицеровъ 1 и оберъ-офицеровъ 2; легко ранено: оберъ-офицеровъ 5; убито и ранено нижнихъ чиновъ 255. Большая часть убыли пала на долю встрѣтившаго первую атаку штурмующихъ колоннъ 3-го баталіона.

погреба и лучшія зданія. И наконецъ раздались оглушительные взрывы, отъ которыхъ разлетѣлись на части громадныя Николаевская и Павловская батареи.

28-го августа, Владимірскій полкъ выступилъ съ Сѣверной стороны и занялъ позицію на Мекензіевой горѣ, рядомъ съ Лейбъ-Бородинскимъ полкомъ, офицеры котораго оказали намъ, какъ прибывшимъ изъ Севастополя, особенное радушіе и гостепріимство, и кромѣ того были столь обязательны, что уступили часть землянокъ до времени, пока мы успѣемъ приготовить свои.

По примѣру занимавшаго Мекензіеву гору отряда, деньщики вскорѣ устроили бани, доставившія намъ, запыленнымъ и прокопченнымъ пороховымъ дымомъ, совершенное наслажденіе.

Съ Мекензіевыхъ высотъ, полкъ въ полномъ составѣ, понедѣльно, занималъ авангардную позицію близъ горы, тогда такъ называемой въ отрядѣ, Сахарной головки.

Однажды, въ сентябрѣ, заступивъ въ цѣпь, примѣтилъ я приближающуюся отъ секретовъ какую то довольно объемистую массу, Въ темнотѣ трудно было опредѣлить, что это такое? Вскорѣ дѣло объяснилось весьма просто. То были наши солдаты, пробравшіеся окольной горной тропой до занятія цѣпи и теперь возвращающіеся обратно съ огромными вязанками сѣна и закинутыми на плечи косами.

На вопросъ, гдѣ солдаты могли взять такое количество травы, мнѣ отвѣчали, что ее накосили на

берегу Черной рѣчки. Видя, что они безъ ружей, я замѣтилъ имъ эту неосторожность, за которую можно попасть въ руки непріятеля.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, съ увѣренностію отозвались сѣнопромышленники *).

— Какъ нѣтъ? переспросилъ я.

— Точно такъ-съ ваше благородіе. Потому мы съ нимъ, съ французомъ, значитъ, вмѣстѣ постоянно сѣно косимъ. Мы по эту сторону рѣки, а они по ту. Они намъ черезъ поляковъ—къ нимъ надо полагать, полякъ тожъ въ рекрута идетъ — передавали, чтобы мы не стрѣляли и они не станутъ. Мы по чистой совѣсти имъ признались, что „у насъ и ружей нѣтъ". „И у насъ нѣтъ", говорятъ. Да еще, ваше благородіе, обижаются оченно на нашихъ за то, что лошадей поить не пущаютъ. „Путемъ, говорятъ, никогда нельзя на водопой сходить. Все гранатами задѣваютъ". (На высотѣ, занимаемой авангардомъ, поставлено было нѣсколько крѣпостныхъ орудій).

Косарей этихъ я отправилъ на распоряженіе авангарднаго начальника.

Настоящій случай, маловажный по своему харак-

*) Промыселъ добыванія сѣна вблизи позиціи былъ очень выгодный: роты и офицеры покупали его на перехватъ, уплачивая справочную цѣну (около 2 руб. за пудъ), не спрашивая, какимъ путемъ оно добыто. Пріобрѣтеніе же сѣна въ Симферополѣ, по причинѣ неустроенной и грязной дороги, было сопряжено съ большими затрудненіями: посланные возвращались не ранѣе недѣли, скормивъ на пути значительную часть купленнаго запаса; кромѣ того, въ случаѣ передвиженія, роты рисковали остаться безъ котловъ и продуктовъ, а офицеры безъ имущества.

теру, доказывалъ, между прочимъ, что русскіе и французы способны, при враждебныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, относиться другъ къ другу честно, дружески и съ взаимнымъ уваженіемъ національности.

Въ эту же ночь привели ко мнѣ остановленный за неправильно сказанный отзывъ разъѣздъ въ числѣ пяти человѣкъ гусаровъ подъ командой вахтмистра. Немедленно приказавъ имъ спѣшиться, я потребовалъ объясненія. Старый, заслуженный вахтмистръ, малороссъ, видимо оскорбленный и огорченный арестомъ, подошелъ ко мнѣ. — Атъ, ваше благородіе, заговорилъ онъ, отзывъ намъ передавалъ корнетикъ, молоденькій совсимъ, они, должно думать, изволили перепутать.

Но вскорѣ разъяснилось, что „корнетикъ“ не перепуталъ. Въ ту же минуту мной полученъ былъ конвертъ отъ авангарднаго начальника, гдѣ объявлялось, что по причинѣ какого-то перебежчика, отзывъ „стрѣлокъ“ замѣняется „воиномъ“, правильно сказаннымъ гусарами и получившими отзывъ уже измѣненный.

Нѣсколько разъ съ позиціи мнѣ приходилось водить команды отъ разныхъ полковъ для устройства шоссе, проводимаго подъ вѣдѣніемъ инженернаго офицера къ Бахчисараю. На работахъ при каменистомъ грунтѣ, нашъ шанцовый инструментъ, столь красивый на инспекторскихъ смотрахъ, оказался мало пригоднымъ. Только и можно было работать инструментомъ, добытымъ отъ непріятеля, преимущественно англійскимъ. Даже желѣзо татарскихъ топоровъ ока-

зывалось сноснѣе нашего при разбивкѣ камня для щебня. Когда рабочіе возвращались съ изломанными кирками и мотыгами, то въ слѣдующій разъ при отправленіи моемъ, нѣкоторые изъ полковыхъ командировъ просили поберечь инструментъ. Я обѣщалъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ, вполнѣ сознавалъ всю невозможность исполненія этой просьбы.

При посѣщеніи Крымской арміи Государемъ Императоромъ, Владимірскій полкъ не имѣлъ счастія видѣть Его Величества, находясь въ то время, въ полномъ составѣ, на авангардной позиціи.

18-го ноября, полкъ, приведенный въ кадровый составъ, передавъ излишнихъ противъ назначенной нормы людей въ другіе полки, выступилъ съ Мекензіевой горы.

На пути къ Перекопу, намъ начали встрѣчаться полки гренадерскаго корпуса.

Прибывъ 19-го декабря въ окрестности г. Николаева, Владимірскій полкъ, укомплектованный людьми изъ запасныхъ баталіоновъ, поступилъ въ составъ войскъ, расположенныхъ между Березинскимъ лиманомъ и г. Береславлемъ, и находящихся подъ командою нашего доблестнаго корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Липранди.

При вѣроятіи десанта, на этой позиціи мы опять могли встрѣтиться съ старыми знакомыми по Севастополю.

Въ первыхъ числахъ февраля 1856 года полученъ былъ ноябрьскій приказъ главнокомандующаго Крымской арміей князя Горчакова о производствѣ меня,

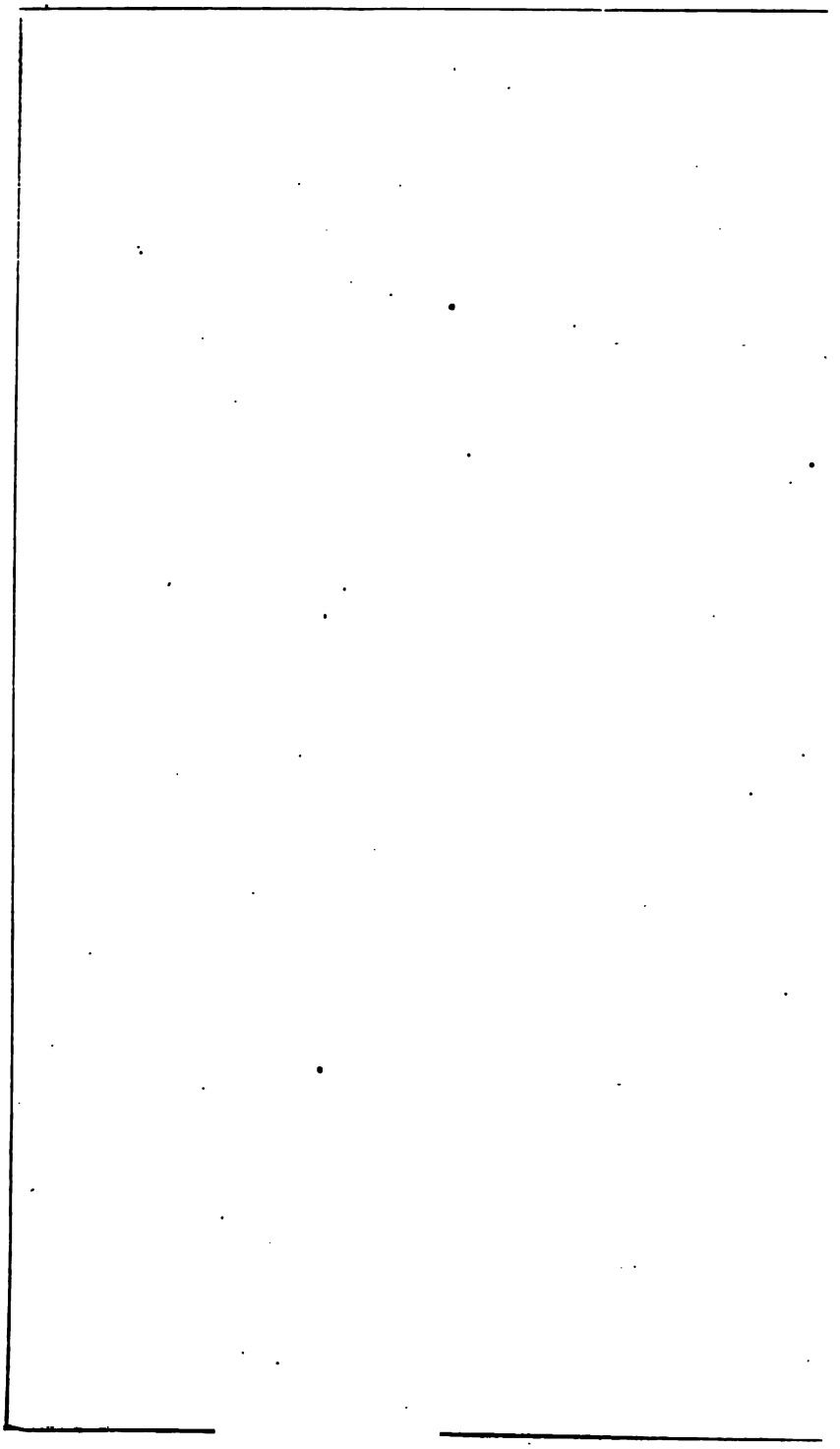
за отличіе при штурмѣ Севастополя 27-го августа, въ капитаны. И вслѣдъ за тѣмъ, я удостоенъ былъ, для пополненія штабъ-офицерскихъ вакансій, представленія въ маіоры. Произведенъ же по этому представленію не былъ, вѣроятно вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ послѣ окончанія войны.

12-го февраля, получивъ предписаніе о назначеніи меня членомъ коммиссіи, учрежденной по распоряженію командующаго Южной арміей, и находящейся подъ предсѣдательствомъ генералъ-полиціймейстера, для повѣрки требованій сухаго фуража вагенбургами 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, я долженъ былъ объѣхать Херсонскую губернію и Бессарабскую область.

Находясь въ послѣднее время окончанія моей командировки при штабѣ Южной арміи, въ Одессѣ, узналъ я о заключеніи мира.

Подполковникъ Розинъ.

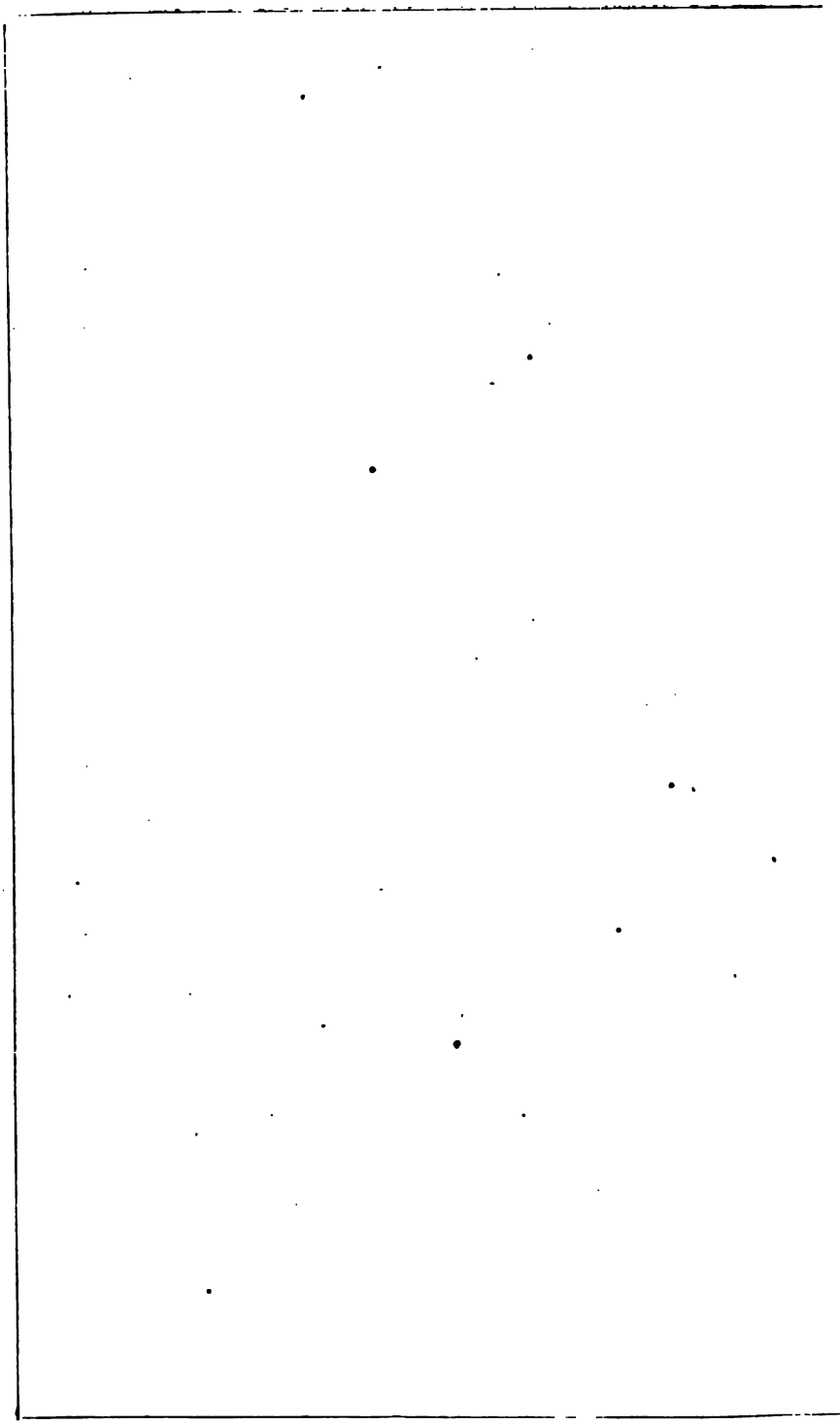
22-го мая 1871 года
г. Ярославль.



ПИСЬМА

отставнаго флота капитанъ-лейтенанта

Петра Ивановича Лесли.



ПИСЬМА

отставнаго флота капитанъ-лейтенанта

Петра Ивановича Лесли.

Севастополь 1854 г. ноября 1-го дня.

Получилъ ваше письмо; сегодня кончилось ровно 28 дней бомбардировки, и сегодня-же вамъ пишу, мои дорогіе. Видите-ли какой для меня это важный день. Странно, какъ долго ходитъ почта; ваше письмо, по штемпелю на конвертѣ, тронулось въ дорогу изъ Вязьмы 5-го числа, а пришло сюда 31-го октября; значитъ, было въ пути ровно 27 дней. Это просто неисправность! Между тѣмъ какъ въ такое время почта должна быть исправнѣе, чѣмъ въ мирное. Я боюсь, чтобы не пропали предыдущія мои письма, потому что они были отправлены въ простыхъ конвертахъ; и очень можетъ быть, что на почтѣ кто нибудь польстился на гривенникъ. Это

меня пугаетъ. Если это письмо пропадетъ, то вы, значитъ, ничего не знаете объ участи Евгенія, и мнѣ опять приходится напоминать вамъ тяжелыя минуты, но, слишкомъ не буду теперь распространяться, въ надеждѣ, что то письмо вами получено и вы все знаете *). Скажу одно, если будете писать въ Севастополь, то адресуйте письма только на мое имя. Дѣла наши все идутъ тѣмъ-же порядкомъ; таже бомбардировка съ утра, и тотъ-же ея конецъ вечеромъ.—Рѣшительно не видишь конца всему этому. По крайней мѣрѣ, теперь легче тѣмъ, что во первыхъ: совершенно равнодушенъ къ выстрѣламъ; а во вторыхъ, самая пальба несравненно рѣже, нежели въ первые дни. Престранное наше положеніе! Каждый день подвергаться бомбардировкѣ и знать—что это ни къ чему не поведетъ. Севастополя имъ не видать, какъ своихъ ушей! Батареи наши такъ же сильны, какъ и въ первый день; а матросовъ и офицеровъ осталось еще довольно, чтобы выдерживать огонь непріятеля еще хоть мѣсяцъ. Рѣшительно непонятны тоже дѣйствія непріятеля. Войска его стоятъ въ лагерѣ и тамъ укрѣпляются, строятъ редуты; на штурмъ-же имъ идти невозможно, потому что ихъ встрѣтитъ такой картечный огонь, что прежде, чѣмъ они займутъ наши батареи, половины ихъ не будетъ, а остальныхъ мы прогонимъ штыками. Но дѣло въ томъ, что погода начинаетъ портиться, и имъ невозможно будетъ оставать-

*) Здѣсь рѣчь идетъ объ убитомъ на бастіонѣ братѣ его, любимцѣ всѣхъ моряковъ, капитанѣ Евгеніѣ Лесли. Ред.

ся здѣсь; это значитъ пожертвовать всей своей арміей. Я думаю, они рады были бы уйдти, но имъ теперь немножко трудно; потому что въ тылу у нихъ стоитъ нашъ наблюдательный корпусъ, который въ случаѣ ихъ движенія вѣроятно тоже тронется, такъ что и ихъ положеніе незавидно. Если идти имъ наутекъ, то придется, уходя, отстрѣливаться, а если же пойдутъ на штурмъ, то таже армія пойдетъ имъ въ тылъ. Но мы надѣемся, что все это скоро да кончится чѣмъ нибудь. У насъ надежда на Бога, который никогда еще не оставлялъ русскихъ. Будемъ помнить тотъ день, когда не останется ни одного непріятеля въ Крыму; кто-то доживетъ до этого дня! Какъ-то вы проводите время въ деревнѣ, я думаю, теперь не слишкомъ-то весело, но не унывайте, мои друзья: что-же дѣлать, на все воля Божья! Все онъ дѣлаетъ по своему произволу. Я сильно вѣрую въ Провидѣніе и спокойно жду своей участи; если суждено пасть за отечество, то я умру съ честію, и нисколько не сожалѣя о жизни; не желаю только одного—чтобъ меня ранило; а то не слишкомъ то пріятно будетъ остаться безъ ноги, или безъ руки. Какія бываютъ славныя смерти! Напримѣръ на нашемъ бастіонѣ было два случая, что два матроса спали, и осколкомъ отъ бомбы ихъ хватило такъ, что уже они больше не просыпались. Лучше этой смерти и желать нечего! Я думаю, всякій бы желалъ умереть такъ. Въ продолженіе бомбардировки мы получили отъ Государя уже три рескрипта; собственно моряки; и послѣдній Его рескриптъ былъ такой, что никто

никогда не получалъ подобнаго. Въ этомъ рескриптѣ Онъ называетъ насъ своими друзьями. Да вотъ онъ: „Надѣюсь на милость Божію, надѣюсь, что начатое славно довершится. Меня счастливитъ геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣра еще не было. Я счастливъ, зная своихъ моряковъ черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго. Былъ увѣренъ, что несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были и на морѣ и на сушѣ. Скажи имъ всѣмъ, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится, и всѣхъ ихъ отечески благодаритъ, какъ своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей. Вѣроятно дѣти мои прибудутъ еще во время, чтобы участвовать въ готовящемся; надѣюсь, что они покажутъ себя достойными своего званія; ввѣряю ихъ войскамъ въ доказательство моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ Меня. Да сохранитъ васъ Господь великосердый!“—Вотъ вамъ рескриптъ отъ слова до слова, писанный отъ 19-го декабря къ князю Меншикову. Согласитесь, что подобнаго еще не было и не будетъ. Это видно, что Государь писалъ Самъ, и отъ чистаго сердца. Зато мы черноморцы понимаемъ его, и всѣ готовы лечь за Царя. По крайней мѣрѣ пріятно то, что всѣ армейцы отдаютъ справедливость флоту и говорятъ: что лучше флотскихъ нѣтъ войска во всей Россіи; а дѣйстви-

тельно, что духъ у насъ такой, лучше котораго и желать нечего. Если только намъ придется идти въ штыки, то можно навѣрное сказать, что отсталыхъ не будетъ, и что ни одинъ не отступитъ. Да! Если еще намъ придется поработать штыками, то мы будемъ вполнѣ армейцами. Пишите, пожалуйста, чаще ко мнѣ, теперь такъ отрадно получать отъ васъ письма. Обнимаю крѣпко васъ и вашихъ дѣтокъ; дай Господь вамъ здоровья! Если суждено остаться живымъ, то скоро увидимся. Молитесь за меня Богу; объ одномъ этомъ только и прошу. Еще разъ цѣлую васъ, мои милые.

Севастополь 1854 г. ноября 30-го дня.

Порадуйтесь со мной вмѣстѣ, друзья мои! Я получилъ вчера за бомбардированіе Севастополя орденъ Св. Владиміра 4-й ст. Такой крестъ получить пріятно, имѣя отъ роду всего 22 года. Дай Господи служить всѣмъ вашимъ дѣтямъ такъ счастливо какъ я, и въ 22 года имѣть два ордена на груди! Послѣ этого, конечно, будешь употреблять всѣ свои силы, чтобъ служить Государю еще лучше, и благодарить Его за то, что Онъ обращаетъ вниманіе на службу офицеровъ. Эти награды вышли отъ князя Меншикова, который, по правамъ главнокомандующаго, имѣетъ право награждать въ военное время до извѣстныхъ степеней. Я вовсе не честолюбивъ, но радъ тому, что вы, говоря обо мнѣ, можете всѣмъ въ глаза сказать, что братъ вашъ носитъ эполеты, нисколько ихъ не черня. А

больше всего я радъ этой наградѣ тѣмъ, что хоть нѣсколько порадую папашу и утѣшу его; а то, я думаю, старикъ очень скучалъ, узнавши о смерти Евгенія. Не могу равнодушно написать это имя: такъ слезы и пробиваются, хотя и прошло уже довольно времени; но для меня, чѣмъ больше проходитъ, тѣмъ ощутительнѣе потеря. Въ первые дни бомбардировки, когда пальба была гораздо сильнѣе, и когда больше занятъ былъ службой, гораздо легче было переносить; но теперь, когда болѣе свободнаго времени, и когда болѣе разгула своимъ мыслямъ, — чаще вспоминаешь о тѣхъ дняхъ, которые проводили мы съ нимъ вмѣстѣ, и гораздо сильнѣе чувствуешь, что остался одинъ. Впрочемъ, зачѣмъ вспоминать грустныя минуты! Богъ дастъ, наступятъ времена болѣе лучшія, и мы еще разъ увидимся. Какъ мнѣ хочется сѣсть на телѣгу и покатить къ вамъ, друзья мои; съ какимъ чувствомъ буду въѣзжать къ вамъ, друзья мои, въ Богословское, и увижу съ горы куполъ церкви; — трудно себѣ представить! Предполагая эту минуту, кровь становится въ жилахъ, и думаешь, что не можетъ быть, чтобъ Богъ былъ такъ милостивъ, что сподобитъ увидѣть еще цѣлымъ и невредимымъ всѣхъ своихъ родныхъ. Съ какимъ чувствомъ прижму я всѣхъ къ своему сердцу. Вѣдь съ той минуты я начну только жить; потому что жить вдалекѣ отъ родныхъ, и почти не зная ихъ, это есть не жизнь — а прозябаніе. Правда, и въ этомъ прозябаніи были такія минуты, которыя не всякому удается испытать; но не было сладкихъ минутъ, которыя можно только имѣть,

живя среди своихъ родныхъ. Я могу сказать, что до сихъ поръ еще не испыталъ вполнѣ пріятныхъ минутъ; и самыя пріятныя изъ нихъ есть тѣ, когда я могъ чѣмъ нибудь радовать близкихъ сердцу. Такъ и теперь, зная, что полученіе Владимірскаго креста доставитъ всѣмъ вамъ удовольствіе, я почти счастливъ. У насъ, въ Севастополѣ, все идетъ какъ нельзя лучше; съ каждымъ часомъ укрѣпленія наши становятся все грознѣе и грознѣе, и непріятелю все труднѣе дѣйствовать противъ насъ. Командующимъ войсками въ Севастополѣ назначенъ генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, тотъ самый, который былъ въ Одессѣ во время бомбардированія ее. Всѣ мы чрезвычайно довольны, и рады что будемъ служить подъ начальствомъ энергическаго, храбраго и знающаго военное искусство генерала. Вчера всѣ наши начальники являлись къ нему и, онъ распрашивая ихъ фамиліи, знакомился съ ними. Непріятель свои работы почти совсѣмъ кончилъ, и мы съ каждой минутой ожидаемъ опять усиленной бомбардировки, а потомъ штурма, котораго всѣ желаемъ, чтобъ порѣшить скорѣе и выгнать отсюда друзей, которые намъ сильно надоѣли. Кернъ получилъ Анну 2-й ст. (на шею). Еще разъ обнимаю васъ, друзья мои.

Севастополь 1854 г. декабря 9-го дня.

Не видать имъ нашего города, какъ своего лѣваго уха! Было время, когда могли войдти въ него тріумфальнымъ маршемъ,—да пропустили; а теперь, мы еще

постоимъ за себя. Мы пользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ наносить имъ вредъ. Вотъ, напримѣръ, еще вамъ удалая штука нашихъ моряковъ и солдатъ. Вчера, ночью, противъ № 3 бастіона дѣлали вылазку; ходили на охоту за зайцами, — какъ выражаются матросы; и охота была какъ нельзя болѣе счастливая. Благодаря темной ночи, наши охотники съ № 3-го, въ 2 часа подползли къ непріятельской траншеѣ, и подползли такъ тихо, что часовой ихъ увидѣлъ только тогда, когда они были у самаго вала; онъ, по правиламъ, сперва ихъ окликнулъ, но они конечно не отвѣчали; тогда онъ сдѣлалъ выстрѣлъ и закричалъ; рядомъ съ нимъ стоявшіе другіе два часовые тоже сдѣлали по выстрѣлу, но наши не зѣвали, и послѣ этихъ трехъ выстрѣловъ уже вскочили въ непріятельскую траншею, и пошли тамъ косить на право и на лѣво. Англичане струсили сильно и пустились бѣжать, оставя и ружья и одѣяла; однимъ словомъ, на легкѣ хотѣли дать тягу, но наши тоже мастера бѣгать, и очень мало кто изъ Джонъ-Булей успѣлъ удрать. Всѣмъ имъ попало на орѣхи! Кто чуть сопротивлялся, сейчасъ-же усмиряли штыкомъ; а кто не сопротивлялся, брали въ плѣнъ. Съ праваго фланга этого-же самаго бастіона, предполагалось сдѣлать только фальшивую атаку, чтобъ отвлечь вниманіе; но и тамъ наши почти въ одно время вскочили въ траншеи, и тоже начали тамъ хозяйничать; похлопотавши тамъ порядкомъ, одна половина поворотила вдоль траншей и пошла шнырять по всѣмъ угламъ, ища, не запряталась-ли гдѣ нибудь

каналья; очень многіе изъ англичанъ, забившись въ уголъ, притворялись мертвыми, но не надули нашихъ: почти всякаго лежавшаго щупали или штыкомъ, или прикладомъ. Когда начало приходить изъ лагеря къ нимъ подкрѣпленіе, тогда дали знать на батарею, и она открыла такой сильный огонь бомбами, что заставила эти колонны остановиться. Вся эта катавасія продолжалась не болѣе получаса, и наши воротились назадъ, приведя съ собою въ плѣнъ 4-хъ офицеровъ и 26 рядовыхъ; у насъ вся потеря небольшая, всего 4-е убитыхъ и 20-ть раненныхъ. Всѣ участвовавшіе въ вылазкѣ вооружились одѣялами, ружьями, шапками; однимъ словомъ, забрали все, что только было въ траншеѣ. Всю эту продѣлку я видѣлъ съ нашей дистанціи, потому что мѣсто вылазки было какъ разъ противъ насъ. Такія маленькія, но удачныя вылазки удивительно какъ ободряютъ солдатъ и пріучаютъ ихъ къ выдерживанію со славой большихъ сраженій. Вотъ все, что случилось у насъ въ эти дни. Бомбардировка продолжается, но не сильно. До свиданія, мои мылые друзья, будьте здоровы и веселы.

Севастополь 1854 г. декабря 12-го дня.

Съ прошедшей почтой я не писалъ вамъ, друзья мои, отъ того, что не было никакой перемѣны, и кромѣ того не успѣлъ. Теперь наше положеніе совершенно такое-же, нисколько не перемѣнилось; канонада происходитъ изрѣдка, съ нашихъ батарей бойко отвѣ-

наютъ, но отъ насъ никакихъ диверсій и демонстрацій не дѣлали. Были маленькія стычки между цѣпями, но такія незначительныя, что объ нихъ не стоитъ и писать. У нихъ тоже незамѣтно особенныхъ движеній; противъ нашихъ нѣкоторыхъ бастіоновъ ведутъ траншеи; мы тоже съ своей стороны, гдѣ только есть удобная точка, ставимъ орудія, которыхъ теперь у насъ по всей южной линіи, какъ говорятъ, до 500. Прошу покорно идти на штурмъ противъ столькихъ орудій, которыя будутъ дѣйствовать картечнымъ огнемъ; тутъ мѣста живаго не будетъ. Жаль, что они медлятъ и не идутъ на приступъ. Поскорѣе бы все кончилось; или остался бы живъ и спокоенъ, или же, если суждено, то положилъ бы свою голову. Положеніе наше теперь несравненно лучше, но за то тоска. Возьмите, что съ 5-го октября, какъ началась бомбардировка, мы сидимъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ; развлеченіе наше состоитъ въ томъ только, что слушаемъ концертъ непріятельскихъ бомбъ и ходимъ на разныя земляныя работы, которыя у насъ отлично идутъ впередъ. Такъ приглядѣлся къ постройкѣ укрѣпленій, что могу самъ выстроить укрѣпленіе и [illegible] перейдти въ саперы: какъ вырыть ровъ, и насыпать валъ, укрѣпить его, одѣть одеждой и т. п. [illegible] саперныхъ офицеровъ. Я вамъ кажется писалъ о свѣжемъ вѣтрѣ, который былъ второго числа здѣсь; и писалъ, что кажется не выбросило ни одного непріятельскаго корабля: но теперь мы имѣемъ полное свѣдѣніе о числѣ выброшенныхъ [illegible] одного флотскаго штабъ-

офицера въ Евпаторію, собственно узнать, сколько тамъ выбросило, и какого ранга; и онъ привезъ пріятное извѣстіе, что тамъ лежатъ на берегу одинъ стопушечный англійскій корабль, и одинъ французскій корабль, которыхъ стащить нѣтъ возможности; кромѣ того четыре парохода большаго размѣра, изъ коихъ одинъ имъ удалось спасти; и еще выбросило нѣсколько мелкихъ военныхъ судовъ. Купеческихъ-же судовъ выбросило и разбило достаточное количество. Эта потеря для нихъ весьма значительна; потому что всѣ купеческія суда были зафрахтованы, и, вѣроятно, по случаю военнаго времени, очень дорого; такъ что имъ этотъ вѣтеръ и Черное море останутся долго въ памяти. Севастополь не перестаетъ быть Севастополемъ, и какъ въ мирное время выдумываютъ пренелѣпыя вещи, точно также и въ военное; и даже еще хуже. Напримѣръ, увѣряютъ, будто Рагланъ повѣсился, а Канроберъ умеръ. И откуда выходятъ подобные слухи — толку не дашь? Кромѣ того увѣряютъ, будто былъ разговоръ между союзными генералами и адмиралами, который состоялъ въ томъ: что Дондасъ говорилъ Раглану, что приходитъ зима, и онъ со своимъ флотомъ дольше не можетъ оставаться здѣсь; особенно послѣ того, какъ онъ видѣлъ какія здѣсь бываютъ погоды. Рагланъ же отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ отсюда уйдти, ничего не сдѣлавъ. Дондасъ же говоритъ, что ему невозможно оставаться здѣсь, и что онъ уйдетъ; на что Рагланъ отвѣтилъ: что если онъ уйдетъ, то онъ, т. е. Рагланъ другъ русскимъ. Вотъ какія у насъ сплетни ходятъ

по городу; просто смѣхъ. Наши великіе князья живутъ на Сѣверной сторонѣ Севастополя и ѣздятъ въ городъ; нельзя равнодушно смотрѣть на то вниманіе, какое они оказываютъ раненнымъ; съ каждымъ говорятъ, распрашиваютъ, входятъ въ ихъ положеніе и утѣшаютъ бѣдныхъ калекъ. Князь Меншиковъ тоже живетъ на Сѣверной сторонѣ. Отъ Государя пріѣзжаютъ очень часто флигель-адъютанты, и съ каждымъ изъ нихъ Онъ присылаетъ морякамъ поклонъ. Видите-ли, насъ не забываетъ никто, и намъ жить еще можно. Отчего отъ васъ нѣтъ такъ долго никакого извѣстія, я ужасно безпокоюсь, и не знаю получили ли вы мои предыдущія письма. Если есть у васъ свободное время, удѣлите его на маленькую записочку; я ничего отъ васъ не требую, какъ только двухъ словъ: что вы здоровы, — и этого для меня будетъ довольно. Отъ папаши я тоже не имѣлъ писемъ ужъ очень давно; напишите тоже и про его здоровье, — какъ онъ старикъ поживаетъ. Кернъ стоитъ съ своимъ экипажемъ рядомъ съ нами; я его очень часто вижу; онъ живъ и здоровъ, и постоянно осуждаетъ англичанъ и французовъ своимъ рѣзкимъ голосомъ. Воеводскій — Платонъ Васильевичъ, командиръ 36-го экипажа, братъ Федосьи Васильевны Авсовой, тоже здоровъ. Почти всѣ смоленскіе находятся на нашей дистанціи, которая считается лучшей. Наша дистанція называется Малаховской, потому что главная батарея выстроена на курганѣ, который носитъ названіе „Малахова“. Здѣсь былъ убитъ 5-го числа Корниловъ, и Государь велѣлъ называть этотъ

курганъ „Корниловскимъ“, въ память покойнаго. Мы, хотя и считаемся въ блокадѣ, но наше положеніе нисколько на это не походитъ; мы имѣемъ свѣжую провизію, сообщеніе съ внутренней Россіей не прервано, такъ что всѣ извѣстія и письма мы получаемъ, хотя не такъ исправно какъ-бы слѣдовало, но спасибо и за то — что получаемъ. Не знаю, какъ въ непріятельскомъ лагерѣ: прежде доставляли провизію татары, но теперь сообщеніе съ ними прервано. Недавно перехватила наша кавалерія огромное количество овецъ и рогатаго скота, который гнали татары въ Евпаторію; у непріятеля вѣроятно сильный недостатокъ въ свѣжемъ мясѣ. Въ самомъ дѣлѣ, доставлять продовольствіе моремъ на такую огромную армію, не такъ-то легко. У насъ очень много плѣнныхъ англичанъ и французовъ. Англичане говорятъ, что они непремѣнно возьмутъ Севастополь; а французы, и именно зуавы, ихъ опытные воины, говорятъ, что они всѣ не понимаютъ упрямства своихъ генераловъ: почему не уходятъ отсюда; что взять Севастополь, повидимому, нельзя; а идти на штурмъ была-бы совершенная глупость. Ихъ всѣхъ содержатъ прекрасно, и они никакъ не ожидали этого. Какой крѣпкій бываетъ организмъ, представьте себѣ! Одному французу оторвало обѣ ноги, и онъ теперь поправляется и говоритъ, что чувствуетъ себя прекрасно. Воображаю, какова должна быть его жизнь, когда онъ выздоровѣетъ. Говорятъ, что былъ подобный случай, и что человѣкъ страшно полнѣетъ, а потомъ умираетъ отъ своей-же полноты. Это очень понятно;

онъ ѣстъ и не имѣетъ никакого моціона. Ужасная вещь! Что подѣлываютъ ваши дѣтки, друзья мои? Жаль, что не успѣлъ сдѣлать матроскаго костюма; Богъ дастъ, останусь живъ, пришлю непремѣнно....

Севастополь 1854 г. декабря 20-го дня.

...Сегодня новый годъ у англичанъ и французовъ, и мы всю ночь ожидали штурма, вслѣдствіе доноса нѣкоторыхъ плѣнныхъ, добровольно пришедшихъ къ намъ. Должно быть наши дорогіе друзья непріятели хотѣли попробовать съ новымъ годомъ, не будетъ ли имъ новаго счастья; но, вѣроятно, не рѣшились идти на штурмъ, потому что ночь мы провели покойно. Съ нашего же № 3 не забыли, что у нихъ новый годъ, и сто человѣкъ охотниковъ отправились въ траншею поздравить ихъ. Поздравленіе было такого рода, что привели съ собой 11 человѣкъ плѣнныхъ; у насъ потеря самая пустая. Вѣроятно, они въ этотъ день никакъ не ожидали съ нашей стороны никакой вылазки. Чрезвычайно хорошо угощаютъ ихъ наши батареи по ночамъ, залпами изъ мортиръ. Вообще осада Севастополя будетъ имъ памятна; по всему видно, что они не ожидали такого упорнаго сопротивленія, какое нашли здѣсь; и, вслѣдствіе этого, у нихъ въ арміи чрезвычайно какъ упалъ нравственный духъ. Какъ то недавно, передался одинъ ирландецъ; и на вопросъ ему: возьмутъ ли они Севастополь, онъ отвѣчалъ: „что наши лорды послѣ альминскаго дѣла обѣщали намъ, что на слѣ-

дующее воскресенье мы будемъ ночевать въ Севастополѣ; но теперь никто изъ лордовъ не переночуетъ здѣсь, развѣ только въ такомъ случаѣ, если самъ добровольно передастся". По этимъ словамъ можно судить, какое мнѣніе у нихъ о Севастополѣ. Почти каждый день, вечеромъ, являются къ намъ нѣсколько человѣкъ и говорятъ, что желающихъ перейдти на нашу сторону очень много, но только трудно выбраться изъ своего лагеря; кругомъ разставлена цѣпь, и пикеты очень строги. У насъ же, напротивъ, всѣ горятъ желаніемъ поскорѣе помѣряться съ ними силами и выгнать ихъ отсюда. Пора бы, а то ужъ очень долго засидѣлись въ гостяхъ. На дняхъ одинъ передавшійся сказалъ, что Рагланъ уѣхалъ въ Константинополь; а теперь ужъ говорятъ будто онъ умеръ. Первое, впрочемъ, очень вѣроятно; но послѣднее невѣрно. Если только главнокомандующій союзными арміями самъ уѣхалъ отъ арміи, то вѣрно для того, чтобъ попросить Редклифа самаго пріѣхать въ Крымъ и взять Севастополь, какъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ крымской экспедиціи. Я бы на мѣстѣ его потребовалъ сюда и Пальмерстона; пускай попробуетъ пожить въ палаткѣ и повслушать свистъ русскихъ ядеръ и бомбъ; а то ему хорошо было шумѣть въ парламентѣ, сидя на мягкомъ креслѣ. Просто смѣхъ беретъ, читая газеты о всѣхъ ихъ побѣдахъ. Тогда какъ самъ находишься въ дѣлѣ, то видишь вполнѣ какъ страшно они врутъ; и конечно, послѣ этого не будешь вѣрить ни одной иностранной газетѣ. Спасибо хоть за то, что въ на-

шей библіотекѣ получаютъ теперь газеты точно также, какъ и въ мирное время; книги-же всѣ убраны и никому не раздаются, такъ что намъ рѣшительно нечего читать, кромѣ старыхъ журналовъ съ корабля. которые уже по нѣсколько разъ читалъ въ морѣ. Но что же дѣлать, на безрыбьи и ракъ рыба, гласитъ русская пословица. Время я провожу не слишкомъ то весело; такъ что увѣренъ, что никто не позавидуетъ мнѣ. Единственное удовольствіе, — это получать письма и писать ихъ....

Севастополь 1854 г. декабря 28-го дня.

У меня есть до тебя просьба, милая Надя, которую вѣроятно и тебѣ самой будетъ пріятно исполнить, потому что изъ-за этого имя Евгенія будетъ произноситься вѣчно съ благодарностью. Дѣло въ томъ, что попроси папашу, чтобъ онъ отпустилъ Ѳетиса на волю, за его долговременную и вѣрную службу брату. Разсчета одинъ человѣкъ не составитъ никакого, а по крайней мѣрѣ память брата не умретъ въ семействѣ Ѳетиса. Я писалъ папашѣ прежде еще, что если судьба не сохранитъ меня въ продолженіи этой войны, то единственная и послѣдняя просьба состоитъ въ томъ: чтобъ Ивану дать вольную. Не знаю получилъ ли онъ это письмо. Вѣроятно половина моихъ писемъ пропала на почтѣ. Самъ-же я тоже буду писать объ Ѳетисѣ отцу съ этой почтой. Я думаю, друзья мои, что это дѣло хорошее; и папаша, уважая брата, долженъ согласиться

на нашу просьбу; тѣмъ болѣе, сколько я помню, Евгеній тоже хотѣлъ написать, но вѣроятно не успѣлъ бѣдный! А можетъ и писалъ, да я не зналъ объ этомъ. Не знаю, какъ скоро вы получаете мои письма, друзья мои; я думаю, не ранѣе какъ чрезъ полмѣсяца, потому что дороги у насъ въ Крыму убійственныя. Представьте себѣ, что изъ Симферополя, который всего отъ насъ въ 60 верстахъ, на курьерскихъ ѣдутъ восемь дней. Это все по той причинѣ, что лошади до того загнаны, что не въ силахъ вывести изъ грязи телѣги. Эти дни наша погода напомнила намъ русскую зиму; уже нѣсколько дней лежитъ снѣгъ, и къ вечеру маленькій морозикъ, безъ всякаго вѣтра, что у насъ удивительно; и вслѣдствіе этого въ городѣ составляются огромныя катанья на саняхъ. Одни мы, на нашей дистанціи, лишены этого удовольствія. Вообще у насъ праздники проводятся не такъ скучно, какъ вѣроятно воображаетъ нашъ непріятель. Дураки! И они хотятъ, чтобъ такой гарнизонъ, какъ нашъ, положилъ предъ ними оружіе; просто хохотъ беретъ! Я увѣренъ, что если бы непріятельская армія увидѣла какой духъ у гарнизона, и какъ всѣ здѣсь мало думаютъ о грозномъ непріятелѣ, то они вѣроятно отложили бы всякую надежду на взятіе Севастополя и возвратились бы вспять. Да то бѣда: теперь и возвратиться то имъ нельзя; не дастъ этотъ гордый гарнизонъ подойдти къ кораблямъ: сейчасъ-же затѣетъ перестрѣлку. Не проходитъ ни одного дня, чтобъ не было на нашу сторону добровольно перебѣгающихъ

англичанъ и французовъ. По всѣмъ ихъ словамъ, армія ихъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Вотъ слова вчера пришедшаго англичанина; онъ говорилъ: что „вся наша армія упала духомъ сильно; всѣ эти войска, которыя Каткартъ водилъ въ Индіи къ столькимъ побѣдамъ, и которыя дѣйствительно были превосходны, теперь брошены совершенно, и ни одинъ изъ офицеровъ не хочетъ войдти въ наше положеніе. Работой совсѣмъ заморили, и что самое главное, это то, что послѣ работы, мало того, что обогрѣться негдѣ, но и ѣсть нечего; поваровъ не оставляютъ, и даютъ намъ провизію натурой, которую мы должны, не имѣя дровъ, сами себѣ приготовлять; и я, сержантъ роты, бывшій въ нѣсколькихъ дѣлахъ и переносившій уже много трудовъ, рѣшился передаться своимъ непріятелямъ, потому что знаю, что здѣсь на меня не будутъ смотрѣть какъ на собаку, и будетъ больше обращено на меня вниманія, чѣмъ въ своемъ лагерѣ“. Говоря эти слова, онъ снялъ свой мундиръ, сорвалъ эполеты, и потомъ, держа въ рукахъ, долго на него смотрѣлъ и, наконецъ, заплакалъ. Это было видно, что нося этотъ мундиръ въ рядахъ своихъ, онъ имѣлъ много пріятныхъ минутъ; и ему было жаль, что такимъ образомъ, ему — старому ветерану, пришлось разстаться съ нимъ. Потомъ, онъ нѣсколько развеселился и говорилъ, что онъ чрезвычайно радъ, что перешелъ на нашу сторону; очень много шутилъ и, наконецъ, спросилъ у офицера, который говорилъ съ нимъ: можно-ли будетъ ему въ Россіи жениться. Ему сказали, что никто этого

и, вѣроятно, если только дѣло дойдетъ до рукопашной схватки, то домой очень много вернется раненныхъ синяками. Научить ихъ развѣ правильной осадѣ? Преинтересно будетъ смотрѣть, какъ они будутъ производить свои работы подъ кучею ядеръ изъ укрѣпленія....

Севастополь 1855 г. января 5-го дня.

Пишу вамъ нѣсколько словъ, мои безцѣнные друзья, чтобъ не пропустить ни одной почты, хотя новостей у насъ мало.... Къ намъ пріѣхали сегодня ночью великіе князья; мы всѣ ихъ ждали съ огромнымъ нетерпѣніемъ. Гарнизонъ, и вообще всѣ войска ихъ обожаютъ; и они имѣютъ огромное вліяніе на ихъ духъ. У насъ стоитъ настоящая русская зима; снѣгъ выпалъ такой большой, что выше колѣнъ; и, въ прибавкѣ, по ночамъ еще бываютъ морозы, хотя и небольшіе. Давно не было въ Севастополѣ такой зимы. Сперва мы жаловались на то, что погода стоитъ слишкомъ теплая; а теперь не знаемъ какъ благодарить Бога за эту погоду. Непріятелямъ нашимъ очень не нравится такая погода. Изъ передавшихся нѣтъ ни одного, чтобъ не были у кого нибудь отморожены изъ нихъ руки или ноги. Наши же солдатики и матросы не нарадуются морозамъ, и бѣгая по снѣгу, чтобъ согрѣться, только и говорятъ: — пускай раскусятъ англичане русскую зиму!“ — Для ихъ удовольствія, нѣкоторыя мѣста, гдѣ отъ природы находится гора, полили водой, и они съ хохотомъ

катаются на собственныхъ, природныхъ саняхъ. — Непріятель отъ холодовъ не въ состояніи ничего дѣлать, и всѣ свои работы пріостановилъ. Пальба тоже замолкла почти. Я думаю, они съ удивленіемъ смотрятъ на насъ, которые такъ геройски переносятъ холода, и, не смотря на морозы, дѣйствуютъ изъ орудій какъ въ теплую погоду. Нашимъ въ привычку такая погода, и они будутъ дѣйствовать ружьемъ совершенно также какъ лѣтомъ; между тѣмъ какъ французы не въ состояніи взвести курка. На дняхъ, въ одной изъ нашихъ вылазокъ, взято въ плѣнъ 17 человѣкъ французовъ. Говорятъ, что на нихъ отъ холода и нашего „ура“ напалъ какой-то паническій страхъ; и когда наши ворвались къ нимъ въ траншею, то они не пробовали даже защищаться, а взявши въ руки ружье, ожидали своей участи и сидѣли столбнякомъ; а когда имъ предлагали идти въ плѣнъ, то кивали отрицательно головой. Конечно, здѣсь, кто не хотѣлъ идти, того прямо штыкомъ! А остальныхъ забрали какъ барановъ. Интересно было узнать изъ разсказовъ плѣнныхъ, что ихъ было всего 150 человѣкъ въ траншеѣ, и при нихъ 5 офицеровъ. Когда они услышали приближеніе нашихъ охотниковъ, то ихъ офицеры, обратясь къ нимъ, сказали: защищайтесь, ребята храбрѣе! А сами дали тягу. Хороши офицеры, и какъ достойны они званія офицера! Такихъ бы сейчасъ на висѣлицу, и разстрѣлять. Есть надежда, что непріятельская армія сильно упала духомъ; а если подобная погода простоитъ еще нѣсколько дней, то они всѣ разстроятъ свое здоровье и не въ состояніи будутъ

сопротивляться свѣжимъ войскамъ, съ такимъ ду
какъ наша армія..... Я встрѣтилъ новый годъ с
пріятно. Все общество нашего экипажа собрало
одной хатѣ; вечеръ провели пріятно за бесѣда
нѣкоторые играли въ карты. Потомъ, когда прихо
время ужина, то на столъ явился великолѣпный
скій пирогъ, а потомъ, ровно въ 12 часовъ, появи
на столѣ шампанское; и первый тостъ былъ ко
за то, чтобы кончилась скорѣе война, и увидѣ
бы съ своими родными. Мысленно пожелалъ
этимъ бокаломъ всего лучшаго вамъ и папа
поздравивъ васъ, выпилъ до дна. Потомъ, мы по
поздравить своего экипажнаго командира, гдѣ по
рился тотъ-же тостъ. Встрѣтимъ ли мы этотъ
когда нибудь вмѣстѣ, дорогіе мои!... Сегодня у
пальбы нѣтъ никакой, и все кругомъ тихо, буд
мирное время. Но стоитъ только выйдти изъ х
какъ увидишь амбразуры непріятельскихъ батар
изъ нихъ глядящія на насъ орудія; такъ, сейчас
разочаруешься. Скоро ли кончится эта ужасная во
страшно какъ намъ всѣмъ надоѣла! До свиданія,
дорогіе друзья; дай Богъ вамъ здоровья.

Севастополь 1855 г. января 10-го дня.

...Спѣшу порадовать васъ, друзья мои, одною ве
и вмѣстѣ съ этимъ будетъ у меня къ вамъ про
Дня два назадъ, я ѣздилъ въ городъ и, возвращ
оттуда, встрѣтилъ одного изъ офицеровъ, служа
на пароходѣ Владиміръ, который объявилъ мнѣ,

всѣ пароходные офицеры, въ память Евгенія, котораго они всѣ любили и уважали, желаютъ сдѣлать ему памятникъ, состоящій не болѣе какъ изъ одной чугунной плиты и креста, и извиняются предо мною, что не имѣютъ средствъ сдѣлать ему такой, какой желали бы. Конечно, я, съ своей стороны, просилъ благодарить ихъ отъ меня и сказать: если только они нуждаются въ чемъ нибудь, то пускай обратятся ко мнѣ; и такъ какъ я теперь имѣю средства, то не пожалѣю ничего; но онъ отвѣчалъ, что они желаютъ сдѣлать памятникъ одни, и что отъ меня только нужны люди, чтобъ снести все это на могилу. На дняхъ будетъ готовъ памятникъ, и я ночью съ офицерами, кто захочетъ почтить память брата, отправлюсь на его мѣсто смерти отслужить тамъ панихиду. Днемъ нельзя этого сдѣлать, потому что тогда мы будемъ служить цѣлью для непріятеля, такъ какъ брата тѣло находится за валомъ, т. е. внѣ укрѣпленія. Когда все это сдѣлается, то я напишу къ вамъ, а теперь я только предуготовляю васъ. Напишу вамъ теперь только имена этихъ добрыхъ моихъ товарищей. Во первыхъ: капитанъ 2-го ранга Григорій Ивановичъ Бутаковъ, командиръ фрегатъ-парохода, Федоръ Федоровичъ Артюковъ (другъ брата), Яковъ Ивановичъ Чернявскій, Александръ Павловичъ Темирязевъ (товарищъ брата), Алексѣй Александровичъ Корниловъ (племянникъ покойнаго адмирала, и мой товарищъ); механическій офицеръ Александръ Осиповичъ Михайловъ, штурманскій офицеръ Филиппъ Корнѣевичъ Поповъ. Я вамъ написалъ всѣ эти имена,

чтобъ вы знали всѣхъ этихъ друзей покойнаго і
брата. Теперь просьба моя къ вамъ состоитъ
томъ, чтобы вы попросили папашу отъ себя,—
пишу ему тоже съ этой же почтой, чтобы онъ отъ
поблагодарилъ Владимірцевъ за ихъ любовь къ
койному; пускай это письмо пришлетъ мнѣ, а я і
дамъ его на пароходъ. Мнѣ кажется, что то
этимъ можно поблагодарить всѣхъ этихъ ми.
людей; и я увѣренъ, что они примутъ благодар
папаши.... Что вамъ сказать про наше положеніе!
ремѣнъ нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что съ на
стороны почти ежедневно безпокоятъ непріят
такъ что не даютъ ему покоя ни минуты; и вс
которые идутъ въ траншеи, подвергаются удо
ствію встрѣтиться ночью съ нашимъ штыкомъ.
лазки наши бываютъ большею частью удачн
третьяго дня трофеями у насъ было 100 ружей
человѣкъ плѣнныхъ. Англичане по прежнему стр
терпятъ отъ дурныхъ погодъ и недостатка д
чему можетъ быть доказательствомъ то, что дв
назадъ передался къ намъ на дистанцію англича
огромнѣйшаго роста, красивый собой, и весь
ной, такъ что насилу дошелъ до нашей цѣпи.
по одному этому можно судить о ихъ положеніи,
больной рѣшается идти къ своему непріятелю, то
чтобъ не попасться въ руки къ своимъ доктор
Извините, друзья мои, что мало пишу по неим
времени.

Севастополь 1855 г. января 27-го дня.

...Третьяго дня исполнилось давнишнее мое желаніе: это побывать на могилѣ брата и отслужить тамъ панихиду. Вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, я, въ обществѣ офицеровъ, какъ нашего экипажа, такъ и другихъ, велѣвши нести за собой каменную плиту, приготовленную офицерами „Владиміра“, какъ я уже объ этомъ вамъ писалъ въ прошедшемъ письмѣ, въ сообществѣ монаха Кирилла, который очень долго былъ въ нашемъ селѣ „Бѣлый берегъ“, и который знаетъ папашу, и вообще всѣхъ окружающихъ Богословское, мы отправились на № 3 бастіонъ. Придя туда, я обратился къ начальнику бастіона капитана 1-го ранга Винку, бывшему экипажному командиру брата, и про котораго я тоже вамъ писалъ, — съ просьбою отслужить панихиду на могилѣ брата. Нечего говорить, что онъ съ радостью исполнилъ мою просьбу и тотчасъ-же далъ знать какъ офицерамъ, такъ и матросамъ, съ которыми служилъ Евгеній, о томъ, что сейчасъ будетъ панихида по Евгеніѣ. При этомъ онъ сказалъ священнику, что такъ какъ могила брата находится за валомъ, т. е. внѣ укрѣпленія, то нужно быть осторожнѣе и свѣчей зажигать нельзя, чтобъ не служить цѣлью для непріятельскихъ штуцерныхъ, которые находятся не въ далекомъ разстояніи и не пропускаютъ удобнаго случая пустить нѣсколько пуль. Вслѣдствіе этого отецъ Кириллъ объявилъ намъ, что безъ свѣчей полную

панихиду служить нельзя, и рѣшился отслужить коротенькую. Когда принесли камень на могилу, и когда всѣ собрались, мы отправились за укрѣпленіе, гдѣ и была совершена панихида. Нечего и говорить вамъ, друзья мои, что нетолько я, но и всѣ присутствующіе плакали; потому что кто зналъ Евгенія покороче, тотъ не могъ нѣ пожалѣть о немъ. Я никогда не забуду этой минуты; во время служенія, по сторонамъ бастіона происходила пальба бомбами по непріятелю, какъ-бы салютуя въ память усопшаго. Вечеръ былъ превосходный; кругомъ все было тихо, кромѣ выстрѣловъ, нерѣдко оглашавшихъ воздухъ. На другой день, въ воскресенье, послѣ обѣдни, я отслужилъ съ нашимъ экипажемъ полную панихиду, въ своей квартирѣ. Пріятно было для меня то, что панихиду служилъ у меня тотъ-же священникъ, который ходилъ и на могилу брата. Главное достоинство въ немъ то, что онъ служитъ превосходно, и подъ его службу можно всегда усердно молиться Богу. Если будемъ живы и прогонимъ непріятеля, то тогда можно будетъ общими силами сдѣлать Евгенію приличный памятникъ; и тогда вы тоже вѣроятно пожертвуете на это что нибудь. Что вамъ сказать новаго друзья мои! Право нечего. Неремѣнъ, какъ у нашего непріятеля, такъ и у насъ, — нѣтъ никакихъ. Съ обѣихъ сторонъ ведутся оборонительныя укрѣпленія, такъ что теперь трудно сказать, кто кого осаждаетъ. Мы все другъ-друга питаемъ надеждою, что можетъ быть скоро удастся намъ избавиться отъ французовъ; хорошо еще, что живемъ

надеждой, слѣдовательно и время проходитъ скорѣе. Да впрочемъ жаловаться намъ нельзя, что будто оно идетъ для насъ медленно; напротивъ, въ постоянно-тревожномъ состояніи, въ какомъ мы находимся и находились со времени высадки непріятеля, мы и не примѣтили какъ прошли эти четыре мѣсяца. Вотъ уже перевалило и за другую половину января, а тамъ, и наша весна не далеко. Богъ то знаетъ, что будетъ весной! Зиму, можно сказать, мы провели, отдыхая отъ дѣйствія непріятеля; и вѣрно съ хорошей погодой они будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Тогда и средствъ они будутъ имѣть болѣе; подвозъ, какъ провизіи, такъ и снарядовъ, гораздо легче, чѣмъ зимою, по бурному Черному морю, котораго они такъ боятся послѣ бури 2-го ноября. Къ намъ, говорятъ, идетъ еще войско, но рѣшительнаго мы ничего не знаемъ; и это такъ всегда бываетъ, что которые сами дѣйствующими лицами узнаютъ подробности позднѣе, нежели тѣ, которые за нѣсколько сотъ верстъ; все равно, какъ мы, жители Крыма, никогда не пользуемся хорошими фруктами. Теперь, кажется, Севастополь въ модѣ, и говорятъ, будто въ Петербургѣ львы и законодатели модъ не иначе ходятъ, какъ въ большихъ сапогахъ и въ клеенчатой фуражкѣ à la Sébastopol. Какъ бы этихъ львовъ, да въ самой вещи, въ ихъ костюмахъ прислать бы сюда и посмотрѣть: такими ли они пройдутъ по батареямъ, какими щеголяютъ на Невскомъ. На дняхъ случился у насъ презабавный анекдотъ; сюда пріѣхалъ какой-то помѣщикъ съ женой, собственно для того, чтобъ посмо-

трѣть, что такое Севастополь, про который трубятъ во всѣхъ газетахъ, и что за птицы, мы, флотскіе. Пріѣхавши сюда, его пригласилъ начальникъ гарнизона генералъ Сакенъ (который вѣроятно сперва еще былъ знакомъ съ нимъ) къ себѣ обѣдать; тотъ его поблагодарилъ и сказалъ, что хочетъ сперва съѣздить на 4-й бастіонъ, прибавя къ этому, что быть въ Севастополѣ и не видѣть 4-го №, это тоже, что быть въ Римѣ, и не видѣть папы. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ тронулся въ путь.. До самой батареи онъ шелъ гоголемъ, но на его несчастіе, только что онъ вступилъ на площадь 4-го №, какъ непріятельская бомба, будто нарочно пущенная, попала и лопнула съ огромнымъ шумомъ, какъ разъ надъ его головой, и кругомъ его, перегоняя другъ друга, лѣтѣли осколки. При томъ моментѣ, когда лопнула бомба, онъ моментально упалъ на землю, и какъ нарочно грязь въ этотъ день была ужасная, и пролежалъ въ этой грязи нѣсколько минутъ. Потомъ, очнувшись отъ испуга, онъ поворотилъ назадъ и не захотѣлъ не только осмотрѣть батарею, но и не остался обѣдать у Сакена, а переправился на Сѣверную сторону, да давай Богъ ноги подальше отъ Севастополя! Видно, дружокъ разсчитывалъ, что при его приближеніи непріятель будетъ такъ вѣжливъ, что перестанетъ стрѣлять; тѣмъ болѣе французы, которые считаются первыми въ свѣтѣ. У насъ все поговариваютъ о мирѣ; да намъ, видящимъ передъ собой непріятельскій лагерь, какъ-то не вѣрится.... Французы выдумали [illegible] зиму, это

именно: конгревовы ракеты. Какъ-то на дняхъ, они изъ своего лагеря бросили подобную въ городъ, и та, перелетѣвши весь городъ, перелетѣла черезъ бухту, и упала на Сѣверную сторону; разстояніе это будетъ по крайней мѣрѣ 5 верстъ. Если бы мы не видѣли это собственными глазами, то не повѣрили бы. Да то бѣда, что подобныя штуки чрезвычайно дорого стоятъ и большой пользы не приносятъ. Сколько ракетъ они выбросили въ первые дни бомбардировки, а вреда намъ никакого не сдѣлали. Но все-таки подобная вещь стоитъ вниманія, и на будущее время они могутъ быть полезны....

Севастополь 1855 г. января 19-го дня.

Сегодня я получилъ ваше письмо, дорогіе мои друзья, писанное отъ 27-го декабря. Это первое письмо, которое не было долго въ пути. Вѣроятно, въ Россіи дороги, благодаря снѣгу, превосходны, и еслибъ не вязкая грязь, идущая отъ Симферополя вплоть до Севастополя, то мы имѣли бы счастіе получать письма отъ родныхъ нѣсколькими днями раньше. Благодарю васъ, безцѣнные мои, за поздравленіе какъ съ праздниками, такъ и съ полученіемъ Владиміра. Откровенно вамъ скажу, что я радуюсь за полученіе этого ордена не столько за себя, сколько за васъ и папашу, которыхъ хоть милостями нашего Монарха нѣсколько порадовалъ въ грустное для нашего семейства время. Съ меня наградъ этихъ не только доволь-

но, но даже много, потому что я самъ сознаю, что недостоенъ былъ получить такой огромной награды, не сдѣлавъ ничего особеннаго, чтобы выходило изъ ряда дѣйствій другихъ офицеровъ. Кромѣ исполненія своихъ обязанностей по долгу русскаго дворянина и присяги, я еще не сдѣлалъ никакой особенной заслуги какъ Отечеству, такъ и Государю, за которую бы мнѣ слѣдовало дать орденъ, дающій такъ много правъ.... Я кажется вамъ писалъ, что одинъ нашъ офицеръ просилъ чиновника Крылова (котораго прислалъ сюда Великій Князь Константинъ Николаевичъ), что такъ какъ онъ находится на батареѣ, и слѣдовательно ежеминутно подвергается или смерти, или быть раненнымъ, а у него осталась дочь, у которой нѣтъ матери, то онъ проситъ, если будетъ такъ велика милость великаго князя, то чтобъ въ случаѣ его смерти дочь его опредѣлили въ Керченскій институтъ. На дняхъ этотъ офицеръ получилъ отъ Крылова бумагу, въ которой было сказано, что вслѣдствіе ходатайства Великаго Князя Константина Николаевича, Государь приказалъ малолѣтнюю дочь такого-то офицера опредѣлить въ малолѣтнее отдѣленіе Керченскаго института, и потомъ переслать на казенный счетъ въ институтъ въ Москву....—Нужно было видѣть нашъ маленькій Черноморскій флотъ передъ высадкой непріятеля, чтобъ судить о томъ, что можно сдѣлать изъ матроса и изъ офицеровъ, получившихъ воспитаніе и начальныя правила въ одномъ и томъ-же заведеніи, и съ такими правилами, какія внушены нашимъ [illegible] относительно обращенія съ

людьми, гдѣ каждый офицеръ не о томъ думаетъ, чтобъ взять что нибудь съ бѣднаго матроса, а о томъ, какъ бы помочь ему, видя всю тяжесть службы на кораблѣ, и самъ большею или меньшею частью испытывая ее. Благодаря этому, мы имѣемъ у себя такихъ матросовъ, на которыхъ можемъ положиться, и которые еще лѣтомъ говорили, что: пускай насъ пустятъ въ бой съ непріятелемъ вдвое сильнѣйшимъ, и хоть онъ будетъ съ винтовыми кораблями, но, если будетъ вѣтеръ, то мы беремся съ каждымъ своимъ кораблемъ уходить два непріятельскіе. Эти слова матросовъ, какъ оказалось, были сказаны не изъ хвастовства, а изъ сознанія своей силы; потому что теперь мы видимъ, что если матросъ поступитъ къ орудію, то ужъ не отступаетъ, пока его не сразитъ непріятельское ядро. Трудно только довести духъ въ матросахъ до этой степени; а поддерживать его, имѣя такую хорошую закваску, уже нетрудно. Тѣмъ-то и дороги для насъ Лазаревъ и Корниловъ, которые собственными своими трудами вселили въ насъ не только рвеніе къ службѣ, но и чувство собственнаго достоинства и непобѣдимости Черноморскихъ матросовъ. Оттого-то мы такъ горько и чувствуемъ потерю этихъ двухъ великихъ адмираловъ. Пока Павелъ Степановичъ Нахимовъ будетъ съ нами, до тѣхъ поръ нашъ флотъ останется въ томъ-же хорошемъ состояніи, а можетъ быть даже и въ лучшемъ; а послѣ, если не найдется подобныхъ людей, то трудно будетъ его поддержать. Про балтійскій флотъ я ничего не могу судить, потому что я его совсѣмъ не знаю; но

думаю, что и тамъ можно вселить такой-же духъ, какъ въ нашемъ флотѣ; особенно послѣ того, какъ отличаются черноморцы въ военное время и доказываютъ, что драться съ англичанами вовсе не такъ страшно, какъ сперва предполагали. Я почти увѣренъ, что если пустить въ дѣло балтійскій флотъ, то онъ не ударитъ лицомъ въ грязь; собственно ужъ изъ за того, чтобъ догнать своихъ товарищей черноморцевъ, которые такъ скоро и далеко ушли отъ нихъ въ нынѣшнюю войну. Откровенно вамъ скажу, друзья мои, что я горжусь, что служу въ черноморскомъ флотѣ; пріятно имѣть подъ командой такихъ молодцовъ, какъ наши матросики. Если и трусъ, то когда пойдетъ въ дѣло, то утвердительно можно сказать, что трусость свою броситъ въ сторону; потому что видитъ какъ всѣ смотрятъ прямо въ глаза своего офицера, и съ полной довѣренностью идутъ за нимъ, не разсуждая, куда онъ ведетъ ихъ. Но если офицеръ спасуетъ, то и они наградятъ его своимъ презрѣніемъ; и ужъ, конечно, не выручатъ изъ бѣды, если онъ попадетъ. Но за то и обратно: за храбрымъ офицеромъ идутъ въ огонь, не считая сколько непріятеля впереди и какія опасности у нихъ на носу. Доказательствомъ могутъ служить всѣ вылазки, дѣлаемыя изъ города, въ которыхъ матросы до сихъ поръ еще ничего, кромѣ отличнаго, не сдѣлали. Хотѣлъ было услужить тебѣ Пьеръ, а именно: достать французскій и англійскій штуцеръ, да къ несчастью нельзя; потому что все оружіе, отбираемое у плѣнныхъ, отсылаютъ къ главнокомандующему, гдѣ и выдаютъ деньги за

это оружіе. Вѣроятно, его отсылаютъ куда нибудь. Впрочемъ, мнѣ еще можетъ быть и удастся какимъ нибудь образомъ достать штуцеръ, напримѣръ, во время большаго сраженія. Что у насъ дешево, такъ это лошади; бѣдныхъ животныхъ нечѣмъ кормить и ихъ продаютъ ни почемъ. На дняхъ какъ-то водили дивную лошадь по городу, за которую просили всего 6 руб. серебромъ. Если мнѣ попадется на глаза хорошій конь, то я его куплю; такъ какъ дѣло идетъ къ веснѣ и прокормить его трудно только всего два мѣсяца но за то въ мирное время буду щеголять по городу на собственной лошади. Ты пожалуйста не смѣйся надо мною, Пьеръ, думая что я тотъ же плохой ѣздокъ, какой былъ въ 1849-мъ году; жестоко ошибаешься. Я теперь сижу на лошади не хуже любаго кавалериста, если не такъ красиво, то зато крѣпко. Послѣднее время, у офицера нашего экипажа съ которымъ я живу, была очень порядочная лошадка энглизированная, купленная у солдата за три цѣлковыхъ; ее отогнали наши солдатики, бывшіе въ цѣпи; это случилось на нашихъ глазахъ; и на этой то лошади я почти каждый день гарцовалъ или по той части города, гдѣ мы стоимъ, или-же ѣздилъ въ городъ на почту за письмами. Теперь пока моя кавалерійская ѣзда пріостановилась по очень естественной причинѣ; этотъ офицеръ, сѣвши на экваторъ (вы вѣрно знаете, что это выраженіе доказываетъ всякое отсутствіе какихъ либо монетъ въ карманѣ), принужденъ былъ ее продать для того, чтобъ она не околѣла съ голоду. Поблагодари отъ меня, Пьеръ, своего

отца за память обо мнѣ, и передай ему мое искреннее почтеніе; можетъ быть дастъ Богъ, я самъ лично засвидѣтельствую его ему. Еслибъ твое предчувствіе, дорогая моя Надя, сбылось, что мы увидимся нынѣшнимъ лѣтомъ! Да нѣтъ! Страшно и подумать о такомъ счастьи. Сперва еще была у меня надежда, когда мы думали, что непріятель пойдетъ на штурмъ, и, слѣдовательно, все бы кончилось; но теперь, когда по всѣмъ ихъ дѣйствіямъ видно, что они вовсе не хотятъ лѣзть на наши батареи, а дѣлаютъ сами себѣ другой Севастополь, я ужъ и не смѣю заглядывать въ будущее, потому что не вижу конца. У меня постоянно одна мысль, одно желаніе: это увидѣться съ своими родными, посмотрѣть какъ они живутъ на бѣломъ свѣтѣ, а потомъ, хоть сейчасъ, и умереть; а то право грустно, если умрешь, не зная почти совсѣмъ своихъ близкихъ. Вѣдь вспомни, что я видѣлся съ тобой съ 1842 года всего только двѣ недѣли, и знаю тебя только изъ писемъ и по разсказамъ Евгенія. А кромѣ того я совсѣмъ не знаю Сашу и Мишу, которые мнѣ также дороги, какъ свои родные. Хотѣлось бы мнѣ крѣпко на всѣхъ васъ посмотрѣть. Не знаю какъ и благодарить тебя, добрая моя сестра, что ты хоть и больна, а трудишься для бѣдныхъ раненныхъ; лучшей пользы имъ и принести нельзя, какъ прислать корпіи и бинты; этихъ матерьяловъ требуется ужасно много. Только позволь мнѣ посовѣтовать на счетъ корпіи, дѣлай изъ толстаго полотна, но чтобъ она была мягка, потому что тонкая корпія не годится для больныхъ ранъ, по той причинѣ, что въѣдается

въ раны, и потомъ трудно отрывать ее при перевязкѣ. Я помню, что когда послѣ Синопскаго сраженія прислали сюда изъ Москвы тонкую корпію, то она почти не употреблялась для раненныхъ, и употребляли ее только тогда, когда нужно было, напримѣръ, обкладывать всю ногу или руку для предохраненія отъ простуды. У насъ въ Севастополѣ присутствуетъ уже около двухъ мѣсяцевъ Пироговъ, извѣстный операторъ, и очень много приноситъ пользы; кажется, лучшей практики ему нигдѣ не найдти. Самый главный перевязочный пунктъ устроенъ у насъ въ домѣ нашего благороднаго собранія, и онъ почти постоянно тамъ присутствуетъ. Недавно я ходилъ къ одному раненному своему товарищу, и видѣлъ тамъ знаменитаго оператора. Товарища моего вы знаете изъ газетъ, если только ихъ читаете, фамилія его мичманъ Титовъ. Объ немъ было въ газетахъ, что онъ съ легкой батареей по ночамъ тревожилъ непріятеля во время работъ. На послѣдней его вылазкѣ, онъ раненъ штуцерною пулею въ грудь на вылетъ; очень страдаетъ, но кажется будетъ живъ, потому что въ эти дни получилъ облегченіе. Общій голосъ говоритъ за него, что онъ достоенъ георгіевскаго креста; и кажется ему дадутъ его. Онъ извѣстенъ у насъ своею храбростью и отважностью.... У насъ, друзья мои, перемѣнъ нѣтъ никакихъ; сидимъ у моря да ждемъ погоды; которая, кстати сказать, теплая; и все не дождемся нашихъ голубчиковъ N. O. Вчера, ночью я былъ въ траншеяхъ, и воздухъ до того былъ рѣдокъ, что отлично слышна была заря въ непріятельскомъ

лагерѣ: Нужно было отдать справедливость, что музыканты играли хорошо; и какъ странно! Зарю эту играли по крайней мѣрѣ полтора часа; тогда какъ у насъ она продолжается много что четверть часа. Интересно, какъ матросы подсмѣивались надъ этой музыкой; при этомъ, конечно, очень много было остротъ на счетъ англичанъ и французовъ; а вы сами знаете, смышленъ русскій человѣкъ, и какъ вѣрно онъ судитъ. До свиданья, мои безцѣнные друзья; обнимаю васъ отъ души.

Севастополь 1855 г. января 26-го дня.

...Посылаю это письмо къ вамъ, дорогіе друзья, съ курьерской почтой. Государь съ каждымъ днемъ все больше и больше оказываетъ намъ милостей; такъ на примѣръ: Онъ велѣлъ всѣ письма, адресованныя въ Севастополь и изъ Севастополя, отсылать съ курьерской почтой; поэтому, когда вы будете писать ко мнѣ, то на конвертѣ надпишите: „по курьерской почтѣ“. На дняхъ мой товарищъ получилъ изъ Москвы письмо, которое было въ дорогѣ всего 5 дней; а сейчасъ принесли другое письмо изъ Петербурга, бывшее въ пути только 9 дней. Если бы я получалъ отъ васъ такъ скоро письма, то былъ бы счастливѣйшій человѣкъ. На дняхъ Государь прислалъ въ подарокъ нашей библіотекѣ семь прекрасныхъ гравюръ съ изображеніемъ бомбардировки Севастополя, и сраженія при Инкерманѣ и Балаклавѣ. Пока онѣ

лежать въ газетной комнатѣ, а потомъ ихъ, вѣроятно, повѣсятъ наряду съ другими, уже подаренными нашей библіотекѣ Государемъ Императоромъ. Что ни день, то мы все больше и больше видимъ къ намъ вниманіе нашего Монарха. Дѣла наши идутъ превосходнымъ образомъ, бомбардировки почти нѣтъ никакой; третьяго дня нашъ главный инженеръ, полковникъ Тотлебенъ, отлично надулъ всѣхъ знаменитыхъ инженеровъ Европы. Какъ вамъ уже вѣроятно извѣстно, они вели противъ нащего 4-го бастіона подземныя работы; съ нашей стороны, время тоже не было упущено, и у насъ вели къ нимъ контръ-мины. На дняхъ, въ одной изъ нашихъ галерей, услышали непріятельскую работу и опредѣлили это мѣсто; сейчасъ-же, съ противуположной стороны у насъ повели фальшивую работу, и французы, думая, что они открыты съ этой стороны, бросились въ другую сторону, и именно въ ту, гдѣ у насъ услышали ихъ, и гдѣ положили со всею осторожностью нѣсколько пудовъ пороху; такимъ образомъ, они наткнулись на эту галерею, когда всего оставалось только три фута между галереями, у насъ произвели взрывъ, разсчитанный такъ, чтобъ не испортить всей мѣстности, т. е. чтобъ взрывъ этотъ не пошелъ бы къ верху, а вдоль непріятельскихъ галерей; все удалось превосходно, и отъ взрыва земля нѣсколько приподнялась и засыпала всѣ мины и галереи непріятеля. Много виноваты въ этомъ сами французы, потому что, работая подъ землей, они не были такъ осторожны, какъ слѣдуетъ быть; вѣроятно, они были убѣждены въ не-

вѣжествѣ русскихъ инженеровъ, и горько въ томъ ошиблись. Разстояніе между нашими минами было такое, что слышно было какъ ругались французы между собой. Воображаю, какъ взбѣсились всѣ знаменитости, когда какой-то полковникъ русской службы осмѣлился разрушить всѣ ихъ работы, стоющія имъ такъ дорого и производящіяся съ трудомъ въ каменистомъ грунтѣ. Послѣ взрыва, весь слѣдующій день не было сдѣлано ни одного выстрѣла противъ 4 №, и не видно было совсѣмъ людей въ передовыхъ траншеяхъ. Осада Севастополя доказываетъ всѣмъ, что можетъ сдѣлать гарнизонъ, вооруженный духомъ непобѣдимости, и какія средства имѣетъ портъ, гдѣ постоянно стоитъ флотъ, въ которомъ такіе запасы, какъ у насъ. Сколько требовалось лѣсу, сколько понадобилось сдѣлать новыхъ инструментовъ, и все это сдѣлало адмиралтейство, безъ особеннаго затрудненія; даже и теперь, когда работы почти всѣ кончены, у насъ въ адмиралтействѣ дѣятельность кипитъ по обыкновенію. На нашей дистанціи укрѣпленія сдѣланы такія, что непріятель кажется совсѣмъ отъ нихъ отказался,—потому что не ведетъ никакихъ работъ, да и смѣшно было бы вести. Сперва еще они стрѣляли по работамъ; но видя, что нашихъ ребятъ нисколько не смущаетъ полетъ ядеръ и бомбъ, и что работа идетъ своимъ чередомъ, они и отъ этого отказались; а мы пользуемся этимъ, и уже отдѣлываемъ свои укрѣпленія на чистоту. Непріятель съ своей стороны тоже все больше и больше укрѣпляется; передъ нашими глазами выростаютъ огромные редуты

и, къ сожалѣнію, мы не въ состояніи мѣшать имъ, потому что выстрѣлы наши не долетаютъ. Они дѣлаютъ эти укрѣпленія на случай наступленія нашихъ войскъ съ тылу или съ флангу. Вчера привели къ намъ трехъ господъ: одного француза, одного пруссака и одного поляка изъ Познани; они вообще жалуются на дурное довольствіе. Французъ насъ смѣшилъ до упаду, нисколько не унываетъ духомъ, и говоритъ, что если его отпустить назадъ въ лагерь, то онъ очень просто объявитъ своему полковнику, что онъ былъ въ Севастополѣ и очень весело провелъ время съ русскими офицерами. Полякъ и нѣмецъ прибыли сюда всего только какъ 8 дней, и говорятъ, что ихъ надули; что они поступили на службу съ тѣмъ, чтобъ имъ драться въ Африкѣ, а ихъ безъ всякаго спроса отправили въ Крымъ. По всему видно, что они страшные бездѣльники; но для насъ все равно; все тремя меньше, а слѣдовательно, и во время дѣла нѣсколькими выстрѣлами меньше; а очень можетъ быть, что одинъ изъ ихъ выстрѣловъ и хватилъ бы какого нибудь отличнаго солдата или офицера. Одно досадно, что всѣ эти господа передаются безъ оружія, такъ что нѣтъ возможности пріобрѣсти хорошій штуцеръ. Кажется, эта новая курьерская почта будетъ отправляться всего только одинъ разъ въ недѣлю; такъ что вы отъ меня будете получать не съ каждой обыкновенной почтой, а одинъ разъ съ курьерской; по крайней мѣрѣ письма не будутъ ходить мѣсяцъ. Впрочемъ, я тоже буду посылать нѣкоторыя и съ обыкновенной почтой. Цѣлую васъ отъ всего

сердца; дѣтокъ вашихъ тоже. Помните и любите вашего брата.

Севастополь 1855 г. февраля 7-го дня.

Вотъ уже и великій постъ, а мы все находимся въ томъ же положеніи, какъ и въ сентябрѣ; только и разница вся въ томъ, что съ каждой стороны укрѣпленія сдѣлались грознѣе. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится; авось дождемся и до великаго праздника безъ бомбардировки. Впрочемъ, если погоды будутъ продолжаться такія, то дѣла наши пойдутъ съ большей энергіей. Нашъ климатъ ужасно измѣнчивъ; напримѣръ, сегодня хорошій день, совершенная весна, а завтра пойдетъ снѣгъ, и — хуже мороза. Теперь я пишу вамъ это письмо, а на дворѣ идетъ снѣгъ, тогда какъ вчера былъ превосходный день. Желаніе видѣть всѣхъ своихъ родныхъ у меня такъ сильно, что я дня три тому назадъ ходилъ къ коллежскому совѣтнику Крылову и объяснилъ ему свои домашнія обстоятельства, прибавивъ къ тому, что я не видѣлъ своихъ родныхъ съ 1849 года, и, какъ въ продолженіе пребыванія въ корпусѣ, такъ и на службѣ, я не пользовался отпусками. Кажется онъ принялъ во мнѣ участіе, мои милые друзья, и можетъ быть я скоро обниму васъ. Крыловъ мнѣ велѣлъ подать докладную записку, по которой онъ могъ бы доложить обо мнѣ главнокомандующему. Въ этой запискѣ я прошу, чтобъ мнѣ дали какое нибудь порученіе въ Москву или Смоленскъ, и дозволили бы пробыть дома недѣлю,

или десять дней. Не знаю, согласится ли князь на мою просьбу; но вотъ прошло уже 4 дня, а отвѣта отъ Крылова нѣтъ никакого. Я не рѣшаюсь идти къ нему, чтобъ узнать объ результатѣ, для того, чтобъ не потерять всякой надежды; тогда какъ теперь все-таки мнѣ приходитъ на мысль, что можетъ быть меня невзначай потребуютъ для принятія порученій. Повѣрите ли, что когда мысль о томъ, что черезъ нѣсколько дней я могу обнять васъ, явится въ моей головѣ, то кровь бросается въ сердце и въ голову такъ сильно, что не даетъ покою. И въ самомъ дѣлѣ: много ли нужно сдѣлать для меня, чтобъ сдѣлать вполнѣ счастливымъ. Страшно подумать, ежели моя предполагаемая поѣздка не осуществится; тогда придется подождать до окончанія военныхъ дѣйствій; а Богъ знаетъ, когда они кончатся; но можно почти утвердительно сказать, что нынѣшній годъ, мы или избавимся отъ своихъ враговъ, или же насъ всѣхъ положатъ; но только они не останутся здѣсь на другую зиму. Зима уже почти кончилась, и они начали строить бараки, и почти всѣ свои палатки или убрали, или перенесли на другое мѣсто. У насъ теперь два Севастополя, въ которыхъ разница не большая; даже чужой Севастополь перещеголялъ настоящій тѣмъ, что тамъ, если вѣрить газетамъ, устроены желѣзныя дороги; но пока съ нашихъ высотъ этого не видно. А хорошо будетъ, когда мы ихъ прогонимъ, и въ нашихъ рукахъ останется желѣзная дорога и деревянные домики. Новаго у насъ ничего нѣтъ. Говорятъ, будто было подъ Евпаторіей какое-то дѣло; но трудно

вѣрить всякому слуху; у насъ ихъ такъ много выпускаютъ, что можно почти навѣрно сказать, что нѣтъ ни одного города, въ которомъ было бы столько сплетней, какъ въ Севастополѣ. Мы думали, что въ военное время нѣсколько будетъ меньше ихъ, а напротивъ, чуть ли не больше. Теперь я говѣю, и мы всѣ благодаримъ Бога, что непріятель насъ не безпокоитъ, по крайней мѣрѣ мы причастимся завтра Святыхъ Таинъ, и тогда все будетъ легче на душѣ, если и придется отправиться къ предкамъ. Тѣмъ болѣе мнѣ необходимо принять Св. Причастіе, такъ какъ прошлый годъ, по случаю своей болѣзни, не имѣлъ времени отговѣть. Что вамъ сказать, мои милые и дорогіе друзья, новаго рѣшительно ничего нѣтъ: пальба самая незначительная, такъ что поврежденій нѣтъ никакихъ. Противъ нашей дистанціи союзники страшно укрѣпились и построили столько укрѣпленій, что и счету нѣтъ; и если откроется опять бомбардировка, то намъ будетъ жарко. Конечно, и мы съ своей стороны не зѣвали, и отвѣтъ можемъ дать великолѣпный. Что не страшна намъ бомбардировка, можетъ доказательствомъ служить то, что всѣ о ней говорятъ равнодушно. Первая бомбардировка показала всѣмъ, какъ русскіе умѣютъ держаться; а теперь, когда у насъ укрѣпленія вдвое или даже втрое стали сильнѣе, то хоть они сотней орудій поставь больше, то и тогда ничего не сдѣлаютъ.... Я рѣшительно не понимаю, какъ такія сильныя рѣчи, какъ Кобдена и Брайта, которыя они говорили въ послѣднемъ засѣданіи парламента, не имѣли такого успѣха, какого

они должны были ожидать; видно, что всѣ слушатели были безчеловѣчные люди и не имѣли желанія, чтобъ вполнѣ оцѣнить все то, что говорили эти два прямые и благородные мужа. Мы всѣ съ восхищеніемъ читали эти рѣчи и думали, что они будутъ имѣть какое нибудь вліяніе на слушателей, но увы! всѣ молчали. Въ настоящее время, кажется въ Вѣнѣ, конгрессъ, и не будетъ ли чего нибудь положительнаго о мирѣ. Дай то Богъ! Пора бы кончить проливать кровь. Здоровы ли ваши дѣтки, милые друзья, цѣлую ихъ отъ всего сердца; васъ же крѣпко обнимаю.

Севастополь 1855 г. февраля 11-го дня.

Сейчасъ я получилъ отъ васъ письмо, мои милые и безцѣнные друзья, отъ 19-го января. Отъ всего сердца радуюсь, что можетъ быть мои племянники будутъ въ морскомъ корпусѣ, на казенный счетъ.... Самая благородная и безкорыстная служба — это есть наша флотская. Я не потому это говорю, что самъ служу въ ней, но потому, что находясь въ настоящее время въ томъ мѣстѣ, гдѣ собраны люди всѣхъ родовъ службы, мы всѣ видимъ, какъ высоко стоимъ противъ другихъ, и съ какимъ за то уваженіемъ всѣ на насъ смотрятъ. Почему про флотъ никто не смѣетъ сказать ни слова, тогда какъ про другихъ мы же кричимъ во все горло, что они — и то и се; почему на флотскихъ всегда больше надежды, чѣмъ на другихъ солдатъ — какъ не потому, что всякій матросъ увѣренъ въ своемъ офицерѣ, и обратно. Почему во всемъ Севастополѣ

почти нѣтъ ни одной коляски или кареты у флотскаго адмирала, тогда какъ полковой командиръ разъѣзжаетъ шестерней. Почему всякій изъ флотскихъ смотритъ прямыми глазами на опасность, какъ не потому, что терять ему нечего и что дурная слава про него не пойдетъ. Поэтому то и послѣ смерти адмираловъ Лазарева и Корнилова нужно было назначить пенсіи ихъ дѣтямъ. Неужели вы думаете неизвѣстны эти мелочи нашимъ начальникамъ (высокимъ); повѣрьте, все извѣстно до капельки. Если бы мнѣ предложили перейдти въ какую нибудь другую военную службу, то я ни за какія блага не бросилъ бы своей. Да и что можетъ доставить напримѣръ хоть армейская служба, кромѣ того, что неправильнымъ образомъ будешь имѣть подъ старость пропитаніе, — ровно ничего! Тогда какъ здѣсь, служа въ обществѣ образованныхъ людей, вышедшихъ изъ одного корпуса, и въ числѣ которыхъ нѣтъ такихъ, что были бы произведены изъ унтеръ-офицеровъ или фельдфебелей, вы, значитъ, всегда можете имѣть себѣ компанію; во вторыхъ, такъ какъ наша служба сопряжена съ тѣмъ, чтобъ охранять берега имперіи, имѣете возможность побывать заграницей, и не въ одной какой нибудь странѣ, а въ нѣсколькихъ, и побывать, пользуясь всѣми удовольствіями на казенный счетъ. Намъ, заграницей производится такое огромное довольствіе, что не смотря на то, что можно видѣть всѣ знаменитыя мѣста, всякій изъ офицеровъ окипировывается отличнымъ образомъ; какъ-то: шьетъ себѣ платье и заводитъ хорошее бѣлье. Чего-же еще нужно желать

отъ службы; кажется, больше нечего. Я хоть и не долго еще служилъ, но видѣлъ довольно много, знаю Кавказъ, былъ въ Азовскомъ морѣ и, наконецъ, побывалъ и въ турецкомъ городѣ. Кажется, довольно! А если Богъ дастъ будетъ миръ, то тогда, конечно, нашъ флотъ будетъ имѣть превосходныя кампаніи. Но что главное во флотѣ—это обращеніе съ подчиненными, гдѣ офицеръ не гнушается разговаривать съ матросомъ и входить въ его нужды; поэтому армейскіе офицеры и говорятъ, что у насъ нѣтъ никакой дисциплины. А развѣ можно довести людей до такого прямого исполненія своего долга безъ строгой дисциплины. Поэтому мы всѣ улыбаемся на сужденіе армейцевъ, и нисколько не обижаемся ими. Что говорю я, то скажетъ вамъ и всякій изъ офицеровъ, служащій во флотѣ. Конечно, что говорить! И въ семьѣ не безъ урода; есть и у насъ такіе субъекты, что прямо бы въ страны холодныя послать; да за то они на перечетъ, и съ ними никто не знается; но большая часть офицеровъ все люди порядочные. На насъ всѣ кричатъ, что слишкомъ много насъ наградили за бомбардировку; да дѣло не въ томъ, что пробыть подъ ядрами нѣсколько дней, а въ томъ какъ приготовиться къ этому времени, и какъ исполнять свои обязанности. Они не знаютъ того, что когда непріятель переходилъ на южную сторону Севастополя, кромѣ флотскихъ и нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ никого не было въ городѣ; а между тѣмъ ни у кого и въ мысляхъ не было, что непріятель можетъ войдти въ городъ безнаказанно. Всякій изъ флотскихъ думалъ только про то,

что онъ долженъ отстоять свой портъ, не считая числа непріятелей, хоть въ десять разъ больше; а это было все извѣстно Государю; поэтому и награды на насъ посыпались такія, какимъ и примѣра еще не было, и мы сознаемъ свою силу въ этомъ отношеніи; и теперь тоже вамъ всякій скажетъ, что пока будутъ флотскіе защищать городъ, до тѣхъ поръ непріятель не ворвется въ него и не будетъ имъ владѣть. Сравнивая подобнымъ образомъ всякія службы, я убѣдился, что благороднѣе и пріятнѣе нѣтъ флотской. Я поэтому чрезвычайно радъ, что племянники мои будутъ служить въ морѣ и, очень можетъ быть, что будемъ служить на одномъ кораблѣ; то-то распекать ихъ буду. Что вамъ сказать новаго; есть одна новость, которой можно васъ порадовать, это то, что 5-го числа изъ Евпаторіи вышелъ отрядъ турокъ для рекогносцировки, наши заманили ихъ и потомъ погнали какъ зайцевъ въ Евпаторію; послѣ этого генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, съ легкой артиллеріей ночью, въ числѣ 100 орудій, подскакалъ на самое близкое разстояніе къ городу, и ночью же открылъ бомбардировку; суеты въ Евпаторіи надѣлалъ столько — что хохотъ. Сперва еще имъ можно было палить, но черезъ нѣсколько времени всѣ евпаторійскія батареи принуждены были замолчать, и ихъ продолжали закатывать ровно 9 часовъ сряду. Я думаю, что ералашу надѣлали у турокъ порядочно. Главное—это неожиданность. Они никакъ не предполагали, что у насъ около Евпаторіи столько войска, что окружатъ ихъ и прервутъ всякое сообщеніе съ татарами, которые доставляли имъ дрова и

воду; теперь всѣ эти продукты они должны будутъ привозить изъ Турціи. У насъ-же, въ Севастополѣ, никакихъ дѣйствій не было; все по старому; золотаго времени не теряемъ и укрѣпляемся сколько можемъ. Да вы можете судить о нашихъ работахъ уже по тому, что пишутъ газеты. Я эту недѣлю говѣю, а потому никакой службы не исполняю; а съ завтрашняго дня конецъ моему говѣнью....

Севастополь 1855 г. марта 31-го дня.

Вотъ уже цѣлыя сутки какъ я опять въ Севастополѣ, и опять подъ ядрами. Да, друзья мои Надя и Пьеръ, наконецъ я добрался до мѣста, я скажу вамъ откровенно, что когда на мѣстѣ, то въ десять разъ покойнѣе. Цѣлую дорогу Севастополь не выходилъ у меня изъ головы; мнѣ какъ-то тяжело было на сердцѣ, и вы это знаете изъ моихъ писемъ, которыя я писалъ вамъ изъ Вязьмы и изъ Николаева. Вы помните, что въ Николаевѣ я пріѣхалъ въ воскресенье утромъ и являлся къ князю Меншикову; онъ далъ мнѣ пакетъ къ князю Горчакову, и на другой день съ разсвѣтомъ я выѣхалъ. На мое несчастіе, цѣлую ночь передъ этимъ шелъ дождь, и дорога по Крыму опять испортилась такъ, что я прибылъ въ Севастополь только въ среду въ 5 часовъ пополудни. Не доѣзжая Симферополя (во вторникъ), я услышалъ страшную канонаду и предполагалъ, что это идетъ пальба въ Евпаторіи; но вечеромъ, на станціи, я встрѣтился съ однимъ офицеромъ, который выѣхалъ изъ Севастополя,

и онъ объявилъ мнѣ, что съ понедѣльника, т. е. со второго дня праздника, непріятель съ 4-хъ часовъ утра опять открылъ сильную бомбардировку, которая совершенно сходна съ первой, т. е.—съ 5 октября. Я вступилъ въ городъ на третій день бомбардировки и, представьте себѣ: когда услышалъ опять свистъ ядеръ, то сталъ гораздо покойнѣе, и мнѣ мой отпускъ показался совершеннымъ сномъ, потому что я увидѣлъ тѣ-же лица и тотъ же Севастополь, какой я оставилъ нѣсколько недѣль. Сперва разскажу вамъ, какъ приняли меня мои начальники. Во первыхъ, я прямо на перекладной явился къ князю Горчакову, который спросивши: какими судьбами я присланъ сюда, и узнавши, что я былъ уволенъ въ отпускъ княземъ Меншиковымъ, велѣлъ мнѣ обратно явиться въ свой экипажъ. Отъ него я отправился къ начальнику штаба генералъ-маіору Семякину, который долгое время со мной разговаривалъ и очень удивился моему скорому возвращенію; наконецъ, проговоривъ со мной около часа, онъ отпустилъ меня и, вышедши за дверь, я слышалъ какъ онъ хвалилъ меня другому генералу. Уже поздно вечеромъ я отправился къ нашему любимцу—Нахимову; онъ въ это время находился у полковника Тотлебена, и я принужденъ былъ прождать его нѣсколько часовъ въ другой комнатѣ; наконецъ, когда онъ вышелъ, я къ нему явился, и онъ вскрикнулъ отъ радости. Первое, что онъ сказалъ, такъ это было: „вы воротились изъ отпуска, г-нъ Лесли, очень радъ, теперь хорошіе офицеры мнѣ нужны, и я сдѣлаю [redacted]е, чтобъ васъ

назначили на хорошую батарею". Потомъ обратился къ Тотлебену и сказалъ: „каковъ молодецъ! Былъ въ отпуску, и такъ скоро воротился назадъ, бравый офицеръ!" Потомъ онъ пригласилъ меня ужинать къ себѣ, и мы проболтали съ нимъ до полуночи. Смѣясь, онъ сказалъ мнѣ, что я опоздалъ всего только три дня, т. е. не поспѣлъ къ первому дню бомбардировки. Конечно, я отвѣтилъ, что если бы отъ меня зависѣло, то я бы непремѣнно поспѣлъ во время, но что причиной этому дурная погода и лошади. Нахимовъ теперь сдѣланъ командиромъ севастопольскаго порта, и главное лицо между флотскими въ Севастополѣ. Потомъ онъ меня отпустилъ и я пошелъ на корабль спать. На другой день я явился къ своему экипажному командиру, и онъ тоже обрадовался и удивился, что я пріѣхалъ. Изъ всѣхъ этихъ пріемовъ я заключилъ, что всѣ думали, что я воспользуюсь своимъ порученіемъ, и пробуду дома нѣсколько мѣсяцевъ. Но вы знаете меня, — что я довольно исправенъ по службѣ; и опять также—я фаталистъ, и твердо вѣрую въ то, что все что ни дѣлается,—то къ лучшему. Развѣ не могъ я, ѣхавши сюда, свалиться съ телѣги и сломать себѣ шею или голову. Однако Богъ миловалъ; и если мнѣ суждено остаться живымъ, то и останусь; рано-ли, поздно-ли—умереть все равно. Побывавши дома, мои мысли на этотъ счетъ нисколько не перемѣнились, и я также твердъ духомъ, какъ и былъ. Всѣ у насъ думаютъ, что скоро будетъ конецъ осады Севастополя, и или мы побьемъ ихъ, или они пройдутъ по нашимъ трупамъ. Но дорого

обойдется имъ штурмъ,—войска наши одушевлены страшно и готовы хоть сейчасъ-же идти въ бой. Вотъ доказательство желанія ихъ сразиться съ врагами:—противъ новаго нашего редута, который заложенъ впереди Корнилова бастіона, они каждую ночь дѣлали маленькія нападенія, и вотъ съ 10-го на 11-е число, наши въ числѣ 9 батальоновъ пошли на вылазку съ тѣмъ, чтобъ срыть ихъ траншеи. Нужно-же было случиться такъ, что въ въ эту-же ночь французы въ числѣ 30/т. (по словамъ плѣнныхъ) хотѣли сдѣлать настоящій приступъ на этотъ редутъ; и вотъ эти двѣ силы встрѣтились между батареями; наши крикнули: ура! и бросились впередъ, и съ маху заняли первую траншею, потомъ, ободрившись, пошли впередъ и заняли вторую траншею, а флотскіе нашего экипажа, въ числѣ 2-хъ ротъ, начали разрывать траншею; наконецъ, наши пошли дальше впередъ съ крикомъ ура!... и опрокинули непріятельскія колонны, къ которымъ помощь приходила уже во второй разъ; дѣло было жаркое. Наши полезли впередъ и, не смотря на сигналъ, чтобъ отступать назадъ, не хотѣли, такъ что принуждены были послать священника съ крестомъ уговаривать ихъ воротиться. Потеря у насъ была порядочная, но по крайней мѣрѣ въ три раза меньше, чѣмъ у непріятеля. Впрочемъ, вы вѣроятно знаете про это дѣло изъ газетъ; этой вылазкой командовалъ генералъ Хрулевъ. Я привелъ это маленькое дѣло къ тому, чтобъ доказать вамъ, какъ наши войска одушевлены, и что ежели непріятель пойдетъ на штурмъ,

то Богъ дастъ мы ихъ отобьемъ хорошо. Я нашелъ большую перемѣну; во первыхъ, безъ меня былъ убитъ Истоминъ; вы представить себѣ не можете какъ мнѣ горько было узнать объ этомъ. Еще Слава Богу, что смерть хорошая: ему ядромъ оторвало голову. Нашъ экипажъ его хоронилъ и всѣ его жалѣли; дѣйствительно, онъ былъ дѣльный офицеръ; кромѣ его еще изъ нашего экипажа выбыло изъ строя два лейтенанта:—Головинъ, убитый на вылазкѣ, и Ребиндеръ, контуженный въ грудь; его видѣлъ я въ Симферополѣ, и онъ собирался ѣхать въ отпускъ въ Москву. Въ нашемъ баталіонѣ осталось очень немного во фронтѣ, почти всѣхъ матросовъ разобрали къ орудіямъ на новые редуты; и, очень можетъ быть, что скоро и меня сдѣлаютъ командиромъ батареи, тѣмъ болѣе, что Нахимовъ обѣщалъ мнѣ. Кажется, моя служба за это время не пропадетъ. Ну, друзья мои, скажу вамъ про вторичную бомбардировку, которая продолжается сегодня уже четвертыя сутки. По словамъ офицеровъ, которые были оба первые дня, канонада была страшная,—чуть-ли не больше чѣмъ 5-го октября; но за то съ кораблей не было бомбардировки, и наши бросали не такъ безалаберно ядра и бомбы, какъ въ первую бомбардировку, а велѣно было палить какъ можно рѣже, но за то и цѣль чтобъ была вѣрная. Потеря наша гораздо меньше, нежели въ первую бомбардировку; много спасаютъ теперь траверсы и блиндажи. Я могу вамъ вѣрно сказать потери флотскихъ чиновъ за первые два дня, т. е. за 28 и 29 числа; а именно: въ пер-

вый день 172 чел., а во второй—190 чел. Я видѣлъ это въ рапортѣ у Нахимова. Это еще слава Богу, потому что непріятель выпускаетъ страшное количество бомбъ и ядеръ. Первыя двѣ ночи неумолкаемо бросали бомбы, и не было ни одной минуты, чтобъ въ воздухѣ не рвалось нѣсколько бомбъ; но теперь у нихъ кажется запасъ поистощился, потому что сегодня пальба слабѣе, но всетаки довольно сильная. Кажется, офицеровъ флотскихъ выбыло изъ строя до 10 человѣкъ, и все хорошіе офицеры. Всѣ думаютъ, что бомбардировка продолжится еще нѣсколько дней, и потомъ будетъ штурмъ, дай-то Богъ намъ силы отбить ихъ. Войска идетъ къ намъ довольно, но поспѣютъ-ли они къ штурму. Впрочемъ, по моимъ разсчетамъ, 2 полка должны быть въ Севастополѣ черезъ 3 дня; авось до этихъ поръ не будетъ штурма. Наши матросы, не смотря на ежедневную убыль, нисколько не унываютъ духомъ. Когда открылась бомбардировка, то съ двухъ редутовъ, на которыхъ было жарче всего, матросы просили офицера, — который былъ присланъ Нахимовымъ узнать, какъ тамъ идутъ дѣла,—поздравить Павла Степановича съ открытіемъ канонады. Мнѣ этотъ случай передалъ самъ Нахимовъ. У насъ здѣсь говорятъ, что на дняхъ долженъ пріѣхать Наполеонъ, и что вслѣдствіе того и открылась бомбардировка, чтобы нѣсколько приготовиться къ штурму. По дорогѣ къ Севастополю я обгонялъ страшное количество обозовъ съ провіантомъ; кажется въ этомъ отношеніи Горчаковъ гораздо распорядительнѣе своего предшественника; а главное то,

что войско любитъ его. У насъ на кораблѣ живутъ 4 французскихъ офицера и 2 англійскихъ; они были взяты въ плѣнъ и содержались сперва въ городѣ; но теперь, когда ожидаютъ штурма, то и ихъ перемѣстили на корабль. Еще разъ повторяю вамъ, друзья мои, что я самъ не ожидалъ, что буду такъ спокоенъ и думалъ, что придется опять привыкать къ свисту ядеръ, но вышло совершенно наоборотъ. Мнѣ не вѣрится, что я былъ въ отпуску, и кажется, что я не выѣзжалъ изъ Севастополя; такъ много значитъ привычка. Погоды у насъ стоятъ превосходныя, но что толку въ этихъ погодахъ, когда нельзя пользоваться ими съ удовольствіемъ. Когда я ѣхалъ Кіевской губерніей, то я никогда не забуду одного вечера: дорога пролегала между лѣсомъ, и по временамъ были поляны, на которыхъ выростала травка и паслись стада; въ воздухѣ была удивительная тишина; мнѣ вся эта картина такъ напоминала дѣтство, что я и выразить вамъ не могу; я началъ сравнивать эту картину съ той, которая представляется моимъ глазамъ въ нашемъ Севастополѣ, гдѣ нѣтъ ни одного дерева, а солнце жаритъ ужасно. Если бы около нашего рейда были деревья, то это былъ бы рай...

Севастополь 1855 г. апрѣля 3-го дня

Наконецъ я имѣю нѣсколько свободныхъ часовъ, чтобъ побесѣдовать съ вами, дорогой Викторъ Карловичъ. Вамъ вѣроятно интересно знать, что творится у насъ грѣшныхъ Севастопольцевъ. У насъ теперь

обойдется имъ штурмъ,—войска наши одушевлены страшно и готовы хоть сейчасъ-же идти въ бой. Вотъ доказательство желанія ихъ сразиться съ врагами:—противъ новаго нашего редута, который заложенъ впереди Корнилова бастіона, они каждую ночь дѣлали маленькія нападенія, и вотъ съ 10-го на 11-е число, наши въ числѣ 9 баталіоновъ пошли на вылазку съ тѣмъ, чтобъ срыть ихъ траншеи. Нужно-же было случиться такъ, что въ въ эту-же ночь французы въ числѣ 30/т. (по словамъ плѣнныхъ) хотѣли сдѣлать настоящій приступъ на этотъ редутъ; и вотъ эти двѣ силы встрѣтились между батареями; наши крикнули: ура! и бросились впередъ, и съ маху заняли первую траншею, потомъ, ободрившись, пошли впередъ и заняли вторую траншею, а флотскіе нашего экипажа, въ числѣ 2-хъ ротъ, начали разрывать траншею; наконецъ, наши пошли дальше впередъ съ крикомъ ура!... и опрокинули непріятельскія колонны, къ которымъ помощь приходила уже во второй разъ; дѣло было жаркое. Наши полезли впередъ и, не смотря на сигналъ, чтобъ отступать назадъ, не хотѣли, такъ что принуждены были послать священника съ крестомъ уговаривать ихъ воротиться. Потеря у насъ была порядочная, но по крайней мѣрѣ въ три раза меньше, чѣмъ у непріятеля. Впрочемъ, вы вѣроятно знаете про это дѣло изъ газетъ; этой вылазкой командовалъ генералъ Хрулевъ. Я привелъ это маленькое дѣло къ тому, чтобъ доказать вамъ, какъ наши войска одушевлены, и что ежели непріятель пойдетъ на штурмъ,

то Богъ дастъ мы ихъ отобьемъ хорошо. Я нашелъ большую перемѣну; во первыхъ, безъ меня былъ убитъ Истоминъ; вы представить себѣ не можете какъ мнѣ горько было узнать объ этомъ. Еще Слава Богу, что смерть хорошая: ему ядромъ оторвало голову. Нашъ экипажъ его хоронилъ и всѣ его жалѣли; дѣйствительно, онъ былъ дѣльный офицеръ; кромѣ его еще изъ нашего экипажа выбыло изъ строя два лейтенанта:—Головинъ, убитый на вылазкѣ, и Ребиндеръ, контуженный въ грудь; его видѣлъ я въ Симферополѣ, и онъ собирался ѣхать въ отпускъ въ Москву. Въ нашемъ баталіонѣ осталось очень немного во фронтѣ, почти всѣхъ матросовъ разобрали къ орудіямъ на новые редуты; и, очень можетъ быть, что скоро и меня сдѣлаютъ командиромъ батареи, тѣмъ болѣе, что Нахимовъ обѣщалъ мнѣ. Кажется, моя служба за это время не пропадетъ. Ну, друзья мои, скажу вамъ про вторичную бомбардировку, которая продолжается сегодня уже четвертыя сутки. По словамъ офицеровъ, которые были оба первые дня, канонада была страшная,—чуть-ли не больше чѣмъ 5-го октября; но за то съ кораблей не было бомбардировки, и наши бросали не такъ безалаберно ядра и бомбы, какъ въ первую бомбардировку, а велѣно было палить какъ можно рѣже, но за то и цѣль чтобъ была вѣрная. Потеря наша гораздо меньше, нежели въ первую бомбардировку; много спасаютъ теперь траверсы и блиндажи. Я могу вамъ вѣрно сказать потери флотскихъ чиновъ за первые два дня, т. е. за 28 и 29 числа; а именно: въ пер-

вый день 172 чел., а во второй—190 чел. Я видѣлъ это въ рапортѣ у Нахимова. Это еще слава Богу, потому что непріятель выпускаетъ страшное количество бомбъ и ядеръ. Первыя двѣ ночи неумолкаемо бросали бомбы, и не было ни одной минуты, чтобъ въ воздухѣ не рвалось нѣсколько бомбъ; но теперь у нихъ кажется запасъ поистощился, потому что сегодня пальба слабѣе, но всетаки довольно сильная. Кажется, офицеровъ флотскихъ выбыло изъ строя до 10 человѣкъ, и все хорошіе офицеры. Всѣ думаютъ, что бомбардировка продолжится еще нѣсколько дней, и потомъ будетъ штурмъ, дай-то Богъ намъ силы отбить ихъ. Войска идетъ къ намъ довольно, но поспѣютъ-ли они къ штурму. Впрочемъ, по моимъ разсчетамъ, 2 полка должны быть въ Севастополѣ черезъ 3 дня; авось до этихъ поръ не будетъ штурма. Наши матросы, не смотря на ежедневную убыль, нисколько не унываютъ духомъ. Когда открылась бомбардировка, то съ двухъ редутовъ, на которыхъ было жарче всего, матросы просили офицера, — который былъ присланъ Нахимовымъ узнать, какъ тамъ идутъ дѣла,—поздравить Павла Степановича съ открытіемъ канонады. Мнѣ этотъ случай передалъ самъ Нахимовъ. У насъ здѣсь говорятъ, что на дняхъ долженъ пріѣхать Наполеонъ, и что вслѣдствіе того и открылась бомбардировка, чтобы нѣсколько приготовиться къ штурму. По дорогѣ къ Севастополю я обгонялъ страшное количество обозовъ съ провіантомъ; кажется въ этомъ отношеніи Горчаковъ гораздо распорядительнѣе своего предшественника; а главное то,

что войско любитъ его. У насъ на кораблѣ живутъ 4 французскихъ офицера и 2 англійскихъ; они были взяты въ плѣнъ и содержались сперва въ городѣ; но теперь, когда ожидаютъ штурма, то и ихъ перемѣстили на корабль. Еще разъ повторяю вамъ, друзья мои, что я самъ не ожидалъ, что буду такъ спокоенъ и думалъ, что придется опять привыкать къ свисту ядеръ, но вышло совершенно наоборотъ. Мнѣ не вѣрится, что я былъ въ отпуску, и кажется, что я не выѣзжалъ изъ Севастополя; такъ много значитъ привычка. Погоды у насъ стоятъ превосходныя, но что толку въ этихъ погодахъ, когда нельзя пользоваться ими съ удовольствіемъ. Когда я ѣхалъ Кіевской губерніей, то я никогда не забуду одного вечера: дорога пролегала между лѣсомъ, и по временамъ были поляны, на которыхъ выростала травка и паслись стада; въ воздухѣ была удивительная тишина; мнѣ вся эта картина такъ напоминала дѣтство, что я и выразить вамъ не могу; я началъ сравнивать эту картину съ той, которая представляется моимъ глазамъ въ нашемъ Севастополѣ, гдѣ нѣтъ ни одного дерева, а солнце жаритъ ужасно. Если бы около нашего рейда были деревья, то это былъ бы рай...,

---

Севастополь 1855 г. апрѣля 3-го дня

Наконецъ я имѣю нѣсколько свободныхъ часовъ, чтобъ побесѣдовать съ вами, дорогой Викторъ Карловичъ. Вамъ вѣроятно интересно знать, что творится у насъ грѣшныхъ Севастопольцевъ. У насъ теперь

разыгривается таже комедія, что и 5-го октября, т. е. англичане и французы со второго дня праздника, т. е. съ 28-го марта открыли опять бомбардировку, которая чутъ ли не посилнѣе первой; но только разница въ томъ, что съ нашихъ батарей не держутъ такого огня, какъ 5-го октября, а слѣдовательно и грому меньше, но вредъ отъ этой бомбардировки, не смотря на то, что проведены у насъ и траверсы, и валы, гораздо выше и толще, и наконецъ есть блиндажы для людей, они дѣлаютъ большой, такъ что едваедва успѣваютъ исправлять поврежденія. Нужно отдать справедливость непріятельскимъ артиллеристамъ—стрѣляютъ превосходно; да и не мудрено: было время напрактиковаться. Во время моего отсутствія, наши укрѣпленія чрезвычайно много подались впередъ, и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, подъѣзжая къ Севастополю, огромный редутъ впереди Корнилова бастіона, который сидитъ какъ бѣльмо на глазу у непріятеля. За то и дорого онъ намъ обошелся; постоянно днемъ и ночью, пока его строили, непріятель бросалъ бомбы и не прекращалъ ружейнаго огня, такъ что рабочимъ людямъ было не такъ то спокойно до тѣхъ поръ, пока валы не возвысились до извѣстной степени. Но мѣсто этого редута такъ важно для насъ, что конечно онъ окупится со временемъ, т. е. будетъ въ свою очередь надоѣдать французамъ. Самое жаркое мѣсто въ эту бомбардировку, — это на тѣхъ двухъ редутахъ, которые выстроены на другой сторонѣ Киленбалки, и куда съ 11 на 12 февраля непріятель дѣлалъ нападеніе. На этихъ редутахъ нужно держать

ухо остро; во первыхъ потому, что непріятельская батарея вдвое сильнѣйшая, находится въ близкомъ отъ нихъ разстояніи, а во вторыхъ, и грунтъ земли, изъ котораго они выстроены, чрезвычайно нехорошій: все почти щебень, т. е. мелкій камень, такъ что всякое непріятельское ядро, ударясь въ валъ, бьетъ людей этимъ самымъ камнемъ, какъ бы картечью. Днемъ тамъ почти невозможно палить, потому что непріятельскіе штуцерники не зѣваютъ, и чуть чья нибудь голова высунется, какъ уже и есть нѣсколько выстрѣловъ. Кромѣ того французы сильно налегаютъ на наши бастіоны № 4 и № 5; въ особенности на послѣдній. Теперь легче всего на № 3, на который въ первую бомбардировку они обратили большой огонь, и на которомъ тогда перемѣнилось въ одинъ день три прислуги. Противъ нашей дистанціи, т. е. противъ Корнилова бастіона, они возвели еще новую батарею, поближе первой, и поставили на нее орудія большаго калибра, все бомбическія; и эта то батарея приноситъ нашему укрѣпленію значительный вредъ; что больше всего надоѣдаетъ, такъ это вновь поставленная мортирная батарея: какъ только наступитъ ночь, то начинаютъ являться по небу огненныя точки. А нѣтъ ничего хуже навѣсной бомбы, отъ нее рѣшительно нѣтъ никакой возможности уберечься. Нужно рѣшительно удивляться какія средства у непріятеля; нѣтъ возможности сосчитать, сколько они выпустили за эти дни бомбъ, особенно въ первый и второй день бомбардировки пальба безостановочно, какъ, днемъ такъ и ночью. Не было минуты, въ которую не слу-

чилось бы нѣсколькихъ выстрѣловъ. Я этихъ дней не видѣлъ, потому что пріѣхалъ въ Севастополь въ половинѣ третьяго дня; но и тогда еще пальба была довольно сильная. Впрочемъ, кажется снаряды приходятъ у нихъ къ концу, если судить по силѣ пальбы; напримѣръ, сегодня они не рискуютъ уже палить часто, только и налегли было съ утра на курганъ, ночью-же было почти тихо, хоть правду сказать, и летали мортирныя бомбы. Рѣшительно никто толку не даетъ, какая цѣль была у нихъ открыть опять бомбардировку; кажется опытъ доказалъ, что заставить замолчатъ наши батареи не такъ то легко, и если они хотятъ, сбивши наши батареи, идти на штурмъ, то этого имъ еще долго ждать. Мы же съ своей стороны страшно желаемъ поскорѣе этого дня, потому что вы представить себѣ не можете, какъ всѣмъ надоѣло это положеніе; да и кромѣ того, гораздо болѣе мы теряемъ отъ бомбардировки, чѣмъ отъ штурма, не говоря уже про то, что рукамъ нѣтъ никакого дѣла, кромѣ прислуги у орудій. Непріятельскіе корабли стоятъ въ одну линію противъ нашего рейда, и почти рядомъ съ каждымъ кораблемъ пароходъ. Мы все ожидаемъ, что въ одинъ прекрасный день они снимутся съ якоря и подойдутъ подъ наши батареи, а тамъ ихъ ждутъ давно съ нетерпѣніемъ, пріятно послать въ корабль каленое ядро; можетъ быть оно тамъ и накуралеситъ. Вѣдь когда была первая бомбардировка, то на французскій адмиральскій корабль „Ville de Paris“ попала бомба, которая пересчитала ребра всѣмъ адъютантамъ Гамелена, и самъ-то ад-

миралъ спасся какимъ-то чудомъ. Но тогда на нашихъ батареяхъ не были готовы каленыя ядра, такъ какъ въ этотъ день никто не ожидалъ открытія огня; но теперь постоянно печи на готовѣ, и милости просимъ подъ наши выстрѣлы. Но только, кажется, они не рѣшатся на вторую попытку, потому что ни одинъ изъ пароходовъ теперь не пробуетъ даже перестрѣливаться; тогда какъ до открытія бомбардировки не проходило почти ни одного дня, чтобъ нѣсколько пароходовъ не пробовали бы своихъ выстрѣловъ. Гордый англійскій флотъ и не уступающій ему ни въ чемъ французскій, стоятъ въ виду крѣпости, сложа руки, и вотъ всѣ ихъ военныя дѣйствія: вчера по случаю темной ночи, часовъ въ 11 вечера, какой-то пароходъ подкрался, какъ воръ, подъ наши батареи, и сдѣлалъ нѣсколько залповъ; но когда наши батареи на огоньки начали отвѣчать, то онъ сейчасъ-же далъ тягу. Не знаю какъ другіе, но я смотрю съ презрѣніемъ на англійскій флотъ, который въ прежнія времена дѣйствительно былъ грозою всѣмъ флотамъ въ мірѣ. У насъ говорятъ, что бомбардировка будетъ продолжаться 8 дней, и на 8-й день непріятельскій флотъ подойдетъ подъ батареи и откроетъ огонь, а армія пойдетъ на штурмъ. Сегодня 7-й день, а слѣдовательно, по словамъ плѣнныхъ, завтра должна разыграться драма; но на врядъ-ли! Потому что сколько уже было такихъ предположеній. Впрочемъ, когда нибудь да должно-же кончиться. Я радъ, что поспѣлъ во время; было бы досадно, еслибъ безъ меня кончилось. Я, въ нѣкоторомъ родѣ, фаталистъ, и твердо

убѣжденъ, что кому суждено умереть, то никакими средствами не избавиться; да иначе, любезный Викторъ Карловичъ, и разсуждать нельзя, когда каждую минуту надъ вами и подъ вами смерть. Жаль только то, что съ каждымъ днемъ у насъ убавляются все флотскіе. За эти дни мы многихъ не досчитались, и все лучшихъ людей и офицеровъ. Когда я уѣзжалъ домой, то оставилъ свой баталіонъ въ полномъ составѣ почти; т. е. онъ состоялъ изъ 500 человѣкъ, а теперь всего только 150. Правда, что не всѣ изъ нихъ ранены и убиты, но большая часть. Теперь на батареи добавляютъ, вмѣсто матросъ, солдатами, и нужно правду сказать, что они дѣйствуютъ молодцами, и дѣлаются тѣми-же самыми матросами, какъ и настоящіе; русскій человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ-же, только нужно приняться за него умѣючи. Солдаты у орудій находятся на половину съ матросами, и скоро будутъ пріучать изъ нихъ комендоровъ; а выучиться цѣлиться на практикѣ гораздо скорѣе можно чѣмъ въ теоріи, т. е. въ мирное время. Кстати о мирѣ. Здѣсь вовсе и не думаютъ о немъ, и ни у кого и въ головѣ нѣтъ этой мысли, а предполагаютъ его только въ такомъ случаѣ, когда Севастополь будетъ или взятъ, или непріятеля прогонимъ отсюда со срамомъ. Когда я ѣхалъ сюда, то на дорогѣ обогналъ порядочное количество войска, идущаго сюда; можетъ быть, съ приходомъ его и мы двинемся впередъ. Передовыя войска—одна бригада—сегодня уже пришли на мѣсто. Это, по крайней мѣрѣ, можетъ пополнить убыль за эти дни. Непріятель удивительно какъ увеличилъ свои укрѣпле-

нія, и число дѣйствующихъ орудій удвоилось противъ первой бомбардировки. Нарочно посылали офицера считать, сколько орудій дѣйствительно открыли огонь въ первый день, и насчитали кажется, до 290 орудій. Да теперь еще можно предположить, что столько-же у нихъ и на задней линіи своего укрѣпленнаго лагеря. У насъ-же, если взять въ расчетъ всѣ батареи, которыя находятся внѣ укрѣпленій, т. е. штурмовыя батареи, которыя будутъ дѣйствовать только въ случаѣ штурма, то число нашихъ орудій чуть ли не превышаетъ ихъ въ $1\frac{1}{2}$ раза. Я, пока, нахожусь при своемъ батальонѣ, не сегодня, такъ завтра поступлю на какую нибудь лихую батарею. Оно всего лучше какъ есть дѣло, а то сложа руки сидѣть тоска....

Севастополь 1855 г. апрѣля 4-го дня.

...Во первыхъ, я слава Богу живъ и здоровъ; пока еще никакая бомба и никакое ядро не задѣло меня; да и навряд ли задѣнетъ, потому что какъ кажется, мнѣ суждено быть вторымъ Нельсономъ, т. е. со временемъ водить побѣдоносный русскій флотъ къ предѣламъ вражеской земли, и тамъ лупить ихъ на обѣ корки. Вопросъ: на какія же это обѣ корки? И гдѣ эти корки,—и что такое эти корки? Ну! однимъ словомъ, корки и останутся—корками. Съ 28-го числа, т. е. со втораго дня праздника, наши противники открыли опять бомбардировку, и, если грому меньше, то это оттого, что 5-го октября, дѣйствовали тоже и корабли, а теперь только одни береговыя батареи;

но вредъ отъ этой бомбардировки, почти такой-же какъ и въ ту, хотя у насъ и проведены вездѣ траверсы и сдѣланы казематы для людей; но за то число непріятельскихъ орудій вдвое увеличилось.... У насъ пальба производится не батальнымъ огнемъ, и не торопясь—да оно и лучше. Во первыхъ: меньше будетъ шальныхъ выстрѣловъ, и теперь нашъ всякій выстрѣлъ да дѣлаетъ какой нибудь вредъ непріятелю. Если вѣрить словамъ плѣнныхъ, то завтра долженъ быть приступъ....

6-го апрѣля вечеромъ. Штурмъ предполагаемый и ожидаемый нами съ нетерпѣніемъ не состоялся; и мы до сихъ поръ еще кромѣ бомбардировки ничего не испытываемъ, и ничего не предпринимаемъ. Бомбардировка нашего бѣднаго Севастополя Слава Богу продолжается несравненно легче; такъ что мы говоримъ: что у насъ сегодня мирный день. Хотя они и продолжаютъ бросать бомбы, но мы такъ привыкли за эти дни къ тому, что не было минуты, въ которую не разрывало-бы въ воздухѣ нѣсколько штукъ, что настоящая пальба дѣйствительно можетъ показаться миромъ. Къ намъ, съ каждымъ днемъ, все приходятъ подкрѣпленія и, можетъ быть нашъ главнокомандующій рѣшится вытѣснить ихъ штыками. Да и наши солдатики страшно хотятъ поскорѣе результата; всѣмъ надоѣло. Представьте себѣ, что во время бомбардировки цѣлые полки на пролетъ исправляютъ поврежденія, и только что къ утру уходятъ прочь съ валовъ. Да, друзья мои, тяжело въ настоящее время; всѣмъ намъ флотскимъ это въ привычку,

потому что мы, и въ мирное время не привыкли гулять; у насъ постоянныя работы. Жаль только, что немного осталось этихъ молодцовъ—матросовъ; скоро уже всѣ батальоны разберутъ на батареи. Въ нашемъ батальонѣ осталось по сегодняшній день 128 человѣкъ; и эти-то мученики, не имѣютъ ни минуты покоя; днёмъ они разносятъ обѣды и ужины по всѣмъ батареямъ, гдѣ только находятся наши люди, т. е. нашего экипажа, а вечеромъ, идутъ на работу на батарею, потому что наши матросы необходимы въ подобныхъ работахъ, какъ напримѣръ: возка орудій, тутъ ихъ нужно и привязать къ машинѣ, и наконецъ поставить на станокъ....

Севастополь 1855 г. апрѣля 7-го дня.

...Вчера вечеромъ, я писалъ къ папашѣ, и вдругъ услышалъ страшную канонаду противъ №№ 4 и 5-го; сперва ружейную, а потомъ пушечную, наконецъ и нѣсколько взрывовъ, но не сильныхъ. За темнотою, нашъ ничего нельзя было узнать, и предполагать; но, сегодня утромъ, мы узнали, что французы сдѣлали три взрыва изъ своихъ минъ, и потомъ бросились на батарею; но наши не зѣвали, встрѣтили ихъ отличнымъ картечнымъ огнемъ, и заставили удалиться. Ихъ взрывы не причинили намъ особеннаго вреда; это, вѣроятно, была маленькая репетиція штурма, котораго всѣ у насъ страшно желаютъ. Да и пора бы кончить. Неужели они, останутся еще на цѣлое лѣто и зиму, у насъ передъ глазами; тогда

убѣжденъ, что кому суждено умереть, то никакими средствами не избавиться; да иначе, любезный Викторъ Карловичъ, и разсуждать нельзя, когда каждую минуту надъ вами и подъ вами смерть. Жаль только то, что съ каждымъ днемъ у насъ убавляются все флотскіе. За эти дни мы многихъ не досчитались, и все лучшихъ людей и офицеровъ. Когда я уѣзжалъ домой, то оставилъ свой баталіонъ въ полномъ составѣ почти; т. е. онъ состоялъ изъ 500 человѣкъ, а теперь всего только 150. Правда, что не всѣ изъ нихъ ранены и убиты, но большая часть. Теперь на батареи добавляютъ, вмѣсто матросъ, солдатами, и нужно правду сказать, что они дѣйствуютъ молодцами, и дѣлаются тѣми-же самыми матросами, какъ и настоящіе; русскій человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ-же, только нужно приняться за него умѣючи. Солдаты у орудій находятся на половину съ матросами, и скоро будутъ пріучать изъ нихъ комендоровъ; а выучиться цѣлиться на практикѣ гораздо скорѣе можно чѣмъ въ теоріи, т. е. въ мирное время. Кстати о мирѣ. Здѣсь вовсе и не думаютъ о немъ, и ни у кого и въ головѣ нѣтъ этой мысли, а предполагаютъ его только въ такомъ случаѣ, когда Севастополь будетъ или взятъ, или непріятеля прогонимъ отсюда со срамомъ. Когда я ѣхалъ сюда, то на дорогѣ обогналъ порядочное количество войска, идущаго сюда; можетъ быть, съ приходомъ его и мы двинемся впередъ. Передовыя войска — одна бригада—сегодня уже пришли на мѣсто. Это, по крайней мѣрѣ, можетъ пополнить убыль за эти дни. Непріятель удивительно какъ увеличилъ свои укрѣпле-

нія, и число дѣйствующихъ орудій удвоилось противъ первой бомбардировки. Нарочно посылали офицера считать, сколько орудій дѣйствительно открыли огонь въ первый день, и насчитали кажется, до 290 орудій. Да теперь еще можно предположить, что столько-же у нихъ и на задней линіи своего укрѣпленнаго лагеря. У насъ-же, если взять въ расчетъ всѣ батареи, которыя находятся внѣ укрѣпленій, т. е. штурмовыя батареи, которыя будутъ дѣйствовать только въ случаѣ штурма, то число нашихъ орудій чуть ли не превышаетъ ихъ въ $1^1/_2$ раза. Я, пока, нахожусь при своемъ батальонѣ, не сегодня, такъ завтра поступлю на какую нибудь лихую батарею. Оно всего лучше какъ есть дѣло, а то сложа руки сидѣть тоска....

Севастополь 1855 г. апрѣля 4-го дня.

...Во первыхъ, я слава Богу живъ и здоровъ; пока еще никакая бомба и никакое ядро не задѣло меня; да и навряд ли задѣнетъ, потому что какъ кажется, мнѣ суждено быть вторымъ Нельсономъ, т. е. со временемъ водить побѣдоносный русскій флотъ къ предѣламъ вражеской земли, и тамъ лупить ихъ на обѣ корки. Вопросъ: на какія же это обѣ корки? И гдѣ эти корки,—и что такое эти корки? Ну! однимъ словомъ, корки и останутся—корками. Съ 28-го числа, т. е. со втораго дня праздника, наши противники открыли опять бомбардировку, и, если грому мощно, то это оттого, что 5-го октября, дѣйствовали тожо и корабли, а теперь только одни береговыя батареи;

но вредъ отъ этой бомбардировки, почти такой-же какъ и въ ту, хотя у насъ и проведены вездѣ траверсы и сдѣланы казематы для людей; но за то число непріятельскихъ орудій вдвое увеличилось.... У насъ пальба производится не батальнымъ огнемъ, и не торопясь—да оно и лучше. Во первыхъ: меньше будетъ шальныхъ выстрѣловъ, и теперь нашъ всякій выстрѣлъ да дѣлаетъ какой нибудь вредъ непріятелю. Если вѣрить словамъ плѣнныхъ, то завтра долженъ быть приступъ....

6-го апрѣля вечеромъ. Штурмъ предполагаемый и ожидаемый нами съ нетерпѣніемъ не состоялся; и мы до сихъ поръ еще кромѣ бомбардировки ничего не испытываемъ, и ничего не предпринимаемъ. Бомбардировка нашего бѣднаго Севастополя Слава Богу продолжается несравненно легче; такъ что мы говоримъ: что у насъ сегодня мирный день. Хотя они и продолжаютъ бросать бомбы, но мы такъ привыкли за эти дни къ тому, что не было минуты, въ которую не разрывало-бы въ воздухѣ нѣсколько штукъ, что настоящая пальба дѣйствительно можетъ показаться миромъ. Къ намъ, съ каждымъ днемъ, все приходятъ подкрѣпленія и, можетъ быть нашъ главнокомандующій рѣшится вытѣснить ихъ штыками. Да и наши солдатики страшно хотятъ поскорѣе результата; всѣмъ надоѣло. Представьте себѣ, что во время бомбардировки цѣлые полки на пролетъ исправляютъ поврежденія, и только что къ утру уходятъ прочь съ валовъ. Да, друзья мои, тяжело въ настоящее время; всѣмъ намъ флотскимъ это въ привычку,

потому что мы, и въ мирное время не привыкли гулять; у насъ постоянныя работы. Жаль только, что немного осталось этихъ молодцовъ—матросовъ; скоро уже всѣ батальоны разберутъ на батареи. Въ нашемъ батальонѣ осталось по сегодняшній день 128 человѣкъ; и эти-то мученики, не имѣютъ ни минуты покоя; днёмъ они разносятъ обѣды и ужины по всѣмъ батареямъ, гдѣ только находятся наши люди, т. е. нашего экипажа, а вечеромъ, идутъ на работу на батарею, потому что наши матросы необходимы въ подобныхъ работахъ, какъ напримѣръ: возка орудій, тутъ ихъ нужно и привязать къ машинѣ, и наконецъ поставить на станокъ....

Севастополь 1855 г. апрѣля 7-го дня.

...Вчера вечеромъ, я писалъ къ папашѣ, и вдругъ услышалъ страшную канонаду противъ №№ 4 и 5-го; сперва ружейную, а потомъ пушечную, наконецъ и нѣсколько взрывовъ, но не сильныхъ. За темнотою, намъ ничего нельзя было узнать, и предполагать; но, сегодня утромъ, мы узнали, что французы сдѣлали три взрыва изъ своихъ минъ, и потомъ бросились на батарею; но наши не зѣвали, встрѣтили ихъ отличнымъ картечнымъ огнемъ, и заставили удалиться. Ихъ взрывы не причинили намъ особеннаго вреда; это, вѣроятно, была маленькая репетиція штурма, котораго всѣ у насъ страшно желаютъ. Да и пора бы кончить. Неужели они, останутся еще на цѣлое лѣто и зиму, у насъ передъ глазами; тогда

будетъ просто невыносимо. Очень много выбыло у насъ изъ строя хорошихъ офицеровъ; и мы, такъ равнодушно слышимъ о томъ: — что такого-то ранило, а такой-то контуженъ, что и представить себѣ нельзя. Да и не мудрено! Всякій изъ насъ, давно сроднился съ мыслью, что долженъ отдать свою душу за эту осаду. Отъ души желалъ бы, чтобъ нашъ Павелъ Степановичъ *) остался живъ и невредимъ; потому что никто не былъ столько подъ пулями и бомбами, сколько онъ; гдѣ только самый большой огонь, то онъ туда и лѣзетъ; поэтому можно твердо вѣрить, что кому суждено остаться живымъ, то тотъ останется. Рѣшительно нужно удивляться смѣлости и хладнокровію этого человѣка, даже не мигнетъ глазомъ, если бомба разорвется у него подъ носомъ. Онъ теперь сдѣланъ командиромъ Севастопольскаго порта; это значитъ, самое старшее лицо у насъ флотскихъ. Мы это назначеніе приняли съ восторгомъ, потому что предшественника его никто не любилъ; да и не за что было любить, потому что онъ кромѣ гадостей ничего не дѣлалъ. Дежурнымъ штабъ-офицеромъ у Нахимова:—Воеводскій, а старшимъ адъютантомъ штаба:—Леонидъ Ухтомскій; однимъ словомъ,—смоленское управленіе; не доставало бы меня туда еще чиновникомъ особыхъ порученій, или чѣмъ нибудь въ родѣ этого. У насъ на кораблѣ есть плѣнные французскіе офицеры, и я съ ними разговаривалъ, (вамъ вѣроятно это покажется страннымъ, но я съ при-

*) Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

роднымъ французомъ всегда стану разговаривать, потому что онъ можетъ извинить мои ошибки, точно также, какъ и я ему, если онъ совретъ что нибудь по русски),—и, у одного капитана спросилъ: какъ онъ думаетъ, когда все это кончится?—то онъ отвѣчалъ: или черезъ 10 лѣтъ, или же черезъ 15 дней. Вѣроятнѣ, въ душѣ онъ надѣется на силу и храбрость своихъ соотечественниковъ. Премилые ребята эти офицеры; съ ними цѣлый день болтаютъ наши офицеры, и они чрезвычайно хвалятъ такой плѣнъ, гдѣ, мало того, что ихъ кормятъ хорошо, но даже и занимаютъ. Они играютъ въ шахматы, и какъ нарочно ни одинъ изъ нихъ еще не выигралъ ни одной партіи. Господа эти взяты были еще 12 февраля, и ихъ до сихъ поръ держатъ здѣсь—не знаю почему такое распоряженіе....

Севастополь 1855 г. апрѣля 7-го дня.

...У насъ здѣсь носятся различные слухи, на счетъ политики. Во первыхъ говорятъ, будто во Франціи т. е. въ Парижѣ, съ отъѣздомъ Наполеона была революція, и, Наполеонъ принужденъ былъ воротиться опять назадъ, и стрѣлять по бунтовщикамъ картечью;—этимъ только и усмирилъ. Но если только это правда, то теперь ежедневно будутъ происходить разныя пріятныя для насъ стычки въ Парижѣ. Кромѣ того, говорятъ, что въ Англіи народъ перебилъ всѣхъ хлѣбопековъ, и требовалъ себѣ хлѣба; — кричалъ что умираетъ съ голоду. Если-бы всѣ эти слухи, имѣли

хоть капельку правды, то для насъ это утѣшительно: можетъ быть, революціонный духъ, перебрался бы и въ Крымъ во французскую армію. И какъ бы хорошо было, если-бъ вдругъ въ одно прекрасное утро, подняли парламентерскій флагъ, и объявили, что драться не хотятъ. Кажется, на конгрессѣ не согласились между собою уполномоченные. Здѣсь разсказываютъ, что будто князю Горчакову предлагали, чтобъ срыли укрѣпленія Севастополя; на что онъ отвѣчалъ: что они могутъ срывать сами. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ все это кончится. Къ намъ съ каждымъ днемъ подходятъ подкрѣпленія, и, можетъ быть, нашъ главнокомандующій рѣшится ихъ выгнать. Правду сказать, потеря будетъ большая; но, не лучше ли потерять разомъ, чѣмъ ежедневно выбываетъ изъ строя достаточное количество, отъ этой глупой бомбардировки....

Севастополь 1855 г. апрѣля 13-го дня.

...Мы на дняхъ были обрадованы за нашего Павла Степановича Нахимова; онъ за бомбардировку, и вообще за защиту Севастополя произведенъ въ Адмиралы. Нѣтъ ни одного черноморца, который бы въ душѣ, не отдалъ справедливость нашему благородному и неустрашимому Павлу Степановичу; теперь же, тѣмъ болѣе, потому что онъ одинъ остался изъ нашихъ, который насъ всѣхъ знаетъ, и мы знаемъ его. Корнилова и Истомина нѣтъ, и отъ этихъ трехъ нашихъ начальниковъ, которыхъ любилъ флотъ, остался только одинъ Нахимовъ. По случаю своего производ-

ства, Павелъ Степановичъ, отдалъ такой великолѣпный приказъ, что я, принужденъ его тебѣ написать, какъ образецъ благородства этого человѣка. Вотъ приказъ въ подлинникѣ:

Приказъ по Севастопольскому порту, апрѣля 12-го дня.

„Геройская защита Севастополя, въ которой семья „моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была „поводомъ, къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, „какъ къ старшему въ ней. Высочайшимъ приказомъ „отъ 27-го числа минувшаго марта, я произведенъ „въ адмиралы. Завидная участь, имѣть подъ своимъ „начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, — выпала на меня.

„Я надѣюсь, что г. адмиралы, капитаны и офицеры, дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность „моей признательности сознаніемъ, что геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

„Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и „флота? Я съ юныхъ лѣтъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по „первому приказанію, мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если „Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ „случай носить мой флагъ на Гротъ-брамъ-стеньгѣ, „съ тою-же честію, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ и подъ другими клотиками.

„Вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Госу-
„даря и Генералъ-Адмирала, и убѣдите враговъ пра-
„вославія, что на бастіонахъ Севастополя, мы не за-
„были морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевле-
„ніе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ
„моряковъ.

„Рекомендую всѣмъ частнымъ начальникамъ, при-
„казъ сей прочесть при собраніи своихъ командъ.

Каковъ приказъ! Все онъ отдаетъ намъ, а себѣ не приписываетъ ничего. За тоже и всѣ мы давно ему желали этой награды, потому что Павелъ Степановичу мало всѣхъ наградъ за его теперешнюю храбрость и дѣятельность. Всѣ молятъ Бога, чтобъ онъ остался живымъ и невредимымъ. Наши матросики чрезвычайно какъ любятъ его, и дѣйствительно онъ сроднился съ ними, потому что постоянно былъ въ морѣ. Одно только бѣда, что онъ нисколько не бережетъ себя, и ходитъ открыто по бастіонамъ, хотя его и просятъ всѣ этого не дѣлать, но онъ не слушаетъ никого, а Суворовская пословица справедлива: что пуля дура, въ самомъ дѣлѣ, какъ нибудь можетъ задѣтъ его, а въ его лѣта всякая рана, хоть и легкая для другого, для него сдѣлается трудною. Къ моимъ образамъ присоединился еще образокъ, пожертвованный кѣмъ-то, всѣмъ бывшимъ въ Синопѣ, и на другой сторонѣ образа надпись: „на память герою при Синопѣ, 18-го ноября 1853 года“. Я этотъ образъ надѣлъ на себя, какъ залогъ того, что вышелъ

невредимымъ изъ перваго сраженія, въ которомъ участвовалъ дѣйствующимъ лицомъ....

Севастополь 1855 г. апрѣля 18-го дня.

...Говорятъ, будто при открытіи конференціи, французскій посланникъ открывши рѣчь, выразился такъ: „теперь господа, мы будемъ разсуждать такъ какъ бы Севастополь былъ уже взятъ"; на что нашъ посланникъ г. Титовъ отвѣтилъ: „Это мнѣ напоминаетъ старую бороду, которую чѣмъ больше брѣешь, тѣмъ она больше растетъ". Неправда ли что отвѣтъ великолѣпный и совершенно справедливый; потому что съ каждымъ днемъ Севастополь дѣлается сильнѣе, и чѣмъ больше его брѣютъ, тѣмъ больше онъ колется. Перемѣнъ у насъ нѣтъ никакихъ; все тихо и спокойно; работы непріятельскія почти нисколько не подвигаются впередъ, и бомбардировки нѣтъ никакой; мѣняются другъ съ другомъ нѣсколькими выстрѣлами. За то стрѣлки всю ночь на пролетъ стрѣляютъ изъ за своихъ ложементовъ; когда слышишь эти выстрѣлы, то непремѣнно вспоминаешь кузницу, въ которой во время работы идутъ безпрерывные удары молотковъ. Два дня сряду приходилось мнѣ быть на печальныхъ церемоніяхъ; въ первый — была панихида на могилѣ Истомина, по случаю сорока дней со времени его смерти, а вчера былъ на похоронахъ одного изъ своихъ товарищей, а именно: лейтенанта Бутакова, двоюроднаго брата Гр. Ив. Бутакова; его ранило въ правую ногу штуцерною пулей, и къ не-

счастью слишкомъ высоко, такъ что ему пришлось отрѣзать ногу, а подобныя раны, чрезвычайно рѣдко когда залечиваются. Пребравый и превеселый былъ товарищъ; онъ былъ присланъ сюда изъ Балтійскаго флота для практики и служилъ на нашемъ кораблѣ; а потомъ былъ вмѣстѣ съ нами въ батальонѣ, откуда его взяли на батарею на другую дистанцію, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Похороны были очень приличны; всѣ свободные отъ службы офицеры присутствовали. Павелъ Степановичъ несъ гробъ до пристани, откуда мы повезли его на другую сторону бухты на гребныхъ судахъ. Пріятно было видѣть, что на похоронахъ простого лейтенанта присутствуетъ адмиралъ, и не ради того, чтобъ выставить себя, а напротивъ, изъ участія къ своей семьѣ — моряковъ. Я увѣренъ, что никому такъ не горько при видѣ убитаго или раненнаго флотскаго офицера, какъ Павлу Степановичу, который душою привязанъ ко всѣмъ намъ. Горько то, что нѣкоторые люди въ высшихъ чинахъ, не отдаютъ полной справедливости намъ, и говорятъ по поводу того, что пароходы, подходя ночью къ крѣпости, дѣлаютъ залпы, и что наши морскія батареи не могутъ ихъ заставить отойти: „что кажется придется вызвать сюда Щеголева изъ Одессы, чтобъ научить какъ прогонять непріятельскіе корабли“. (Это слова барона Остенъ-Сакена). Обиднѣе подобнаго сравненія ничего нѣтъ, потому что простоять подъ ядрами нѣсколько часовъ, и не имѣть почти никакой потери въ прислугѣ у орудій, можно ли сравнивать съ семи-мѣсячной стойкостью подъ непрія-

тельскими выстрѣлами и тогда, когда бывали дни, что на нѣкоторыхъ бастіонахъ прислуга мѣнялась нѣсколько разъ, но не отъ усталости, а оттого что перебивало всѣхъ. Кажется, скоро начнутъ уже хулить насъ черноморцевъ, и будутъ говорить, что худо дѣлаемъ и худо деремся; тогда какъ у насъ три четверти офицеровъ и матросовъ уже выбыло изъ строя, и въ запасѣ уже никого нѣтъ. Это всегда такъ бываетъ, сперва хвалятъ, а потомъ и перестаютъ: да кромѣ того стараются отыскивать дурныя стороны. Ну, да Богъ съ ними! Мы чисты передъ собой, и лучшее мнѣніе для насъ, это нашихъ-же товарищей и нашихъ начальниковъ, т. е. моряковъ, а не другихъ. Одинъ Павелъ Степановичъ можетъ вполнѣ оцѣнить наши труды, и его отзывы объ насъ и вниманіе, какое онъ оказываетъ намъ, конечно дороже всѣхъ мнѣній и отзывовъ другихъ. Говорятъ, что кромѣ тѣхъ войскъ, которыя къ намъ пришли, уже идетъ сюда еще резервъ, и въ довольно значительныхъ силахъ. Теперь мы уже и перестали что нибудь предполагать, потому что все равно, не угадаешь ничего; сдѣлались ко всему равнодушны, и ожидаемъ только слѣдующаго дня: что не будетъ ли опять бомбардировка, или чего нибудь новенькаго; живемъ же только настоящимъ. Вообще мы находимся въ какомъ-то апатичномъ состояніи духа. Мнѣ кажется, еслибъ удалось вырваться изъ этого гадкаго города, то ничѣмъ больше меня сюда не заманятъ. Вамъ, я думаю, страненъ кажется тонъ моего письма, но что же дѣлать! По неволѣ все опротивѣетъ, когда видишь,

что каждый день, все становится меньше и меньше насъ флотскихъ, а конца не видишь! Нѣтъ ничего хуже, какъ видѣть бездѣйствіе другихъ. Мы всѣ молимъ, чтобъ хоть непріятель бы двинулся впередъ; чтобъ разомъ кончить чѣмъ нибудь. Если ужъ суждено пасть, то пасть — поскорѣе; а жить такъ и томиться, это хоть кого съ ума сведетъ! Напримѣръ: черезъ извѣстное время армейскіе полки мѣняются, и которые пробыли въ городѣ, то тѣхъ переводятъ на дистанціи внѣ укрѣпленій, гдѣ имъ, и покойнѣе, и безопаснѣе; а мы, такъ безъ шабаша! Насъ вѣдь некому замѣнить... и какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ, все отдуваются однѣ и тѣже. Поэтому немудрено, что можетъ все надоѣсть въ высшей степени. Письмо это я пишу въ непокойномъ состояніи духа, потому что только сейчасъ мы въ обществѣ своихъ разсуждали обо всѣхъ дѣйствіяхъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ.... У насъ поговариваютъ будто сюда шлютъ артиллеристовъ на смѣну намъ; но это что-то трудно вѣрится, потому что, пока они соберутся, то здѣсь выбудетъ еще половина, такъ что, во всякомъ случаѣ, у насъ не будетъ существовать Черноморскаго флота; а это досадно смотрѣть! Теперь на батареяхъ остались самые лучшіе люди, которыхъ сперва берегли; но теперь должны по неволѣ замѣнить ими другихъ, потому что они одни только и остались....

Севастополь 1855 г. апрѣля 22-го дня.

...Видя, какъ выбываетъ каждый день изъ нашего флота, подумаешь объ его возобновленіи и, разсуждая хладнокровно, увидишь, что это не такъ то легко сдѣлать; тогда какъ кромѣ Павла Степановича никого не осталось; да и тотъ, если будетъ продолжаться осада еще нѣсколько мѣсяцевъ, наврядъ ли останется цѣлъ и невредимъ, потому что нисколько не бережетъ себя и суется туда, гдѣ самый большой огонь. Утѣшительнаго вамъ про наше положеніе сказать рѣшительно нечего; французы упорно хотятъ взять Севастополь и дѣйствуютъ энергически. На дняхъ противъ № 5 они заняли наши ложементы, которые были соединены траншеей, и до сихъ поръ они еще тамъ держатся, потому что у насъ не высылаютъ большихъ силъ, чтобъ вытѣснить ихъ оттуда; можетъ быть на дняхъ и будетъ вылазка, но только занятіе нашей-же траншеи обойдется намъ дорого, потому что, какъ кажется, французы тамъ строятъ батарею. Бомбардировки пока еще нѣтъ, но мы съ каждымъ днемъ ее ожидаемъ....

Севастополь 1855 г. апрѣля 25-го дня.

...Ты просишь, дорогая моя старуха, чтобъ я описалъ тебѣ дѣло передъ Камчатскимъ редутомъ; я уже въ предыдущихъ письмахъ писалъ тебѣ объ немъ; но изволь, и теперь скажу про него что знаю и что слышалъ. Когда начали строить этотъ редутъ, то впереди

его были разсыпаны стрѣлки въ ложементахъ, сдерживавшіе непріятеля. Эти самые ложементы служили цѣлью для непріятеля и, почти каждый день, они переходили изъ рукъ въ руки. Такимъ образомъ, какъ то въ одинъ прекрасный день французы заняли ихъ, и начали перестраивать на свой ладъ. Тогда генералъ Хрулевъ (который вмѣсто Истомина) рѣшился сильнымъ отрядомъ наказать заносчивыхъ французовъ. Когда стемнѣло, онъ двинулъ нѣсколько батальоновъ на непріятельскую цѣпь, и тутъ завязалась рукопашная схватка. Флотскіе-же батальоны: 44-й и нашъ, были назначены для того, чтобъ исполнять обязанность саперовъ, т. е. срыть непріятельскія траншеи. Когда войска наши двинулись впередъ, матросики моментально срыли всѣ работы и, не довольствуясь этимъ, любя искусство, пошли тоже въ штыки. Такимъ образомъ, оттѣснивъ непріятеля къ батареямъ и утвердившись въ ложементахъ, наши отступили въ укрѣпленіе. Такая вылазка до того ошеломила французовъ, что до сихъ поръ они не рѣшаются впередъ двинуться къ Камчатскому редуту; а въ ложементахъ сидятъ наши стрѣлки и не даютъ маху. Третьяго дня съ № 3 бастіона была небольшая вылазка изъ 150 чел., которая удалась какъ нельзя больше. Наши ворвались въ непріятельскія траншеи и начали тамъ хозяйничать; взяли въ плѣнъ 1-го англійскаго капитана и 5 человѣкъ рядовыхъ; съ нашей стороны потеря самая незначительная; кажется 2 человѣка убитыхъ, и раненыхъ около 10 чел. Англичанамъ досталось порядкомъ на орѣхи, потому что съ отступленіемъ нашихъ, бата-

реи открыли страшный батальный огонь бомбами, а вѣроятно вслѣдствіе шуму къ нимъ шло изъ лагеря подкрѣпленіе, а туда то и былъ направленъ артиллерійскій огонь. Французы на наше счастье удивительно какъ безпечны въ отношеніи къ своимъ пороховымъ погребамъ. Представь себѣ, что въ продолженіе двухъ дней, т. е. третьяго дня и вчера, у нихъ (противъ № 3 бастіона), нашими бомбами взорвано три пороховыхъ погреба, первые два небольшіе, но послѣдній порядочный, такъ что при взрывѣ видно было какъ летали по воздуху разные ненужные для насъ предметы: какъ-то бревна, ящики, и наконецъ французы въ своихъ красныхъ штанахъ. Но вотъ бѣда наша! что у насъ есть два редута на самомъ лѣвомъ флангѣ нашихъ укрѣпленій, а именно: Волынскій и Селенгинскій, которые отдуваются за всѣхъ насъ. Противъ нихъ непріятель настроилъ кучу батарей, особенно мартирныхъ; батареи эти носятъ названія: Канробера, Маріи (ужъ не знаю въ честь какой Маши), и т. п. Гдѣ бы мы ни побили непріятеля, онъ сейчасъ-же отомщаетъ на этихъ редутахъ, и накладетъ имъ столько бомбъ, что ужасъ! Къ несчастію, грунтъ, изъ котораго построены эти редуты, такой, что за ночь еле-еле успѣваютъ исправлять поврежденія. Такъ напримѣръ: за то, что взорали пороховые погреба, французы не отомщали той батареи, которая была этому причиной, а наклали въ макушку редутамъ; за вылазку тоже самое. Редуты же наши не думаютъ ихъ трогать, и постоянно молчатъ. Какъ только непріятель открываетъ огонь по редутамъ, то наши батареи тоже

защищаютъ ихъ; но дѣло въ томъ, что Канроберъ и Марія и не отвѣчаютъ на наши выстрѣлы, а всетаки кладутъ редутамъ. Такъ, что ежели наши разобьютъ французовъ въ Евпаторіи, то достанется редутамъ; ежели даже на Кавказѣ или въ Парижѣ достанется французамъ, то всетаки въ этомъ виноваты будутъ редуты. Мы имъ дали названіе, вполнѣ обозначающее ихъ положеніе, а именно: отроки въ пещи. Вотъ справедлива-то пословица: „паны дерутся, а у хохловъ губы болятъ“. И досадно, и больно на нихъ смотрѣть; но вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣшно. Гдѣ-бы, что бы ни случилось, все эти бѣдные „отроки“ виноваты. Вотъ тебѣ всѣ наши новости, безцѣнный мой другъ; больше въ эти дни ничего и не случилось. Вы вѣроятно интересуетесь, друзья мои, какъ я поживаю и какъ провожу время; это коротко объяснить. Живу настоящимъ и нисколько не думаю о будущемъ; сперва думалъ, да толку мало; сколько ни думаешь—ничего не выдумаешь. Ложась вечеромъ спать, ожидаешь что утромъ разбудитъ опять бомбардировка; все ожидаютъ открытія ее на дняхъ, потому что непріятель пока находится въ бездѣйствіи. Впрочемъ, виноватъ! Нѣсколько дней тому назадъ, было огромное движеніе въ непріятельскомъ флотѣ. Видно было какъ на нѣкоторые корабли сажали войска, и потомъ флотъ снялся съ якоря. Думали, что это везутъ десантъ на сѣверную сторону Севастополя; но это предположеніе не оправдалось, потому что корабли за ночь скрылись изъ виду. Многіе думаютъ, что они повезли десантъ въ Ѳеодосію; но пока оффиціальнаго ничего неизвѣстно. Корабли-же

вчера воротились обратно, и опять занимаются мытьемъ бѣлья и чищеньемъ. Траншею, которую заняли французы противъ № 5-го бастіона, до сихъ поръ еще не отняли у нихъ. Предположеній, кажется, съ нашей стороны насчетъ движенія впередъ нѣтъ никакихъ. Однимъ словомъ, не видать исхода изъ этой кутерьмы.

Севастополь 1855 г. мая 5-го дня.

Прошедшее мое письмо было коротко, друзья мои, потому что меня прервали по службѣ, а я не хотѣлъ пропустить почты, чтобъ не увѣдомить о себѣ. Безпокоиться обо мнѣ вы, конечно, уже перестали, потому что видите, что все идетъ какъ нельзя лучше; а кому что суждено—то тому и будетъ. Думать впередъ не о чемъ, да и не зачѣмъ; я придерживаюсь этой философіи. Правду сказать, въ военное время иначе нельзя и думать. Всѣ говорятъ, что непріятель снимаетъ осаду; не знаю насколько это справедливо, но откровенно скажу, что мнѣ сильно хочется избавиться отъ подобныхъ сосѣдей, которые пребезпокойнаго характера; особенно—эти штуцерники: куютъ себѣ день и ночь. У насъ ружейную перестрѣлку называютъ различными названіями; говорятъ, что это конопатчики, вслѣдствіе того, что безпрерывная пальба уподобляется оконопачиванію корабля; и странная вещь! Не столько ранятъ бомбами и ядрами, сколько пулями; а между прочимъ, никто на нихъ не обращаетъ никакого вниманія, какъ бы ихъ совсѣмъ и не было. Престранные звуки издаютъ при своемъ полетѣ эти пули;

однѣ поютъ въ родѣ птичекъ, другія жужжатъ какъ жуки. Поздравляю васъ, друзья мои, со днемъ Вознесенія Господня; сегодня праздникъ, и я провожу его какъ бы и обыкновенный день; разница только въ томъ, что за неимѣніемъ священника, я передъ командой прочелъ изъ молитвенника нѣсколько молитвъ; по крайней мѣрѣ встрѣтилъ этотъ великій день какъ слѣдуетъ христіанину. Да! Ежели вспомнить, какъ встрѣчали и какъ проводили въ этотъ годъ годовые праздники въ Севастополѣ, то по неволѣ станетъ грустно. Особенно жаль нижнихъ чиновъ, для которыхъ всякій большой праздникъ есть эпоха въ его жизни; а тутъ, когда нужно веселиться, мы принуждены работать. Не правда ли, какъ подло со стороны французовъ и англичанъ, что прошлый годъ на страстной недѣлѣ они открыли по Одессѣ бомбардировку; а нынѣшній разъ открыли бомбардировку на второй день Воскресенія Христова, какъ будто не могли обождать еще два дня!... Ни одинъ товаръ такъ не поднялся, какъ снаряды въ настоящее время. Нужно удивляться той цѣнѣ, какая теперь дается за доставку каждаго ядра. Если у насъ дома, и всетаки такъ дорого, то конечно для нашихъ непріятелей, которымъ нужно привозить это изъ своихъ границъ,—обходится тоже не дешево. У насъ носятся здѣсь слухи, будто нашъ гвардейскій корпусъ двинулся на Рейнъ, а гренадерскій на Краковъ. Не знаю на сколько это справедливо, потому что въ Севастополѣ ни одному языку нельзя вѣрить. Но если только это правда, то тогда Наполеону нужно подумать о будущемъ,—это не будетъ

9.

спокойно, какъ то, что его армія стоитъ безнаказанно подъ Севастополемъ уже 8 мѣсяцевъ; тамъ на чистомъ полѣ живо погонятъ французовъ въ какую нибудъ рѣчку или лѣсъ; а если только и Пруссія присоединится къ намъ, то не мудрено, что повторится 1814 годъ, и русскія знамена будутъ опять въ Парижѣ. Дай Богъ, чтобъ это было правда; по крайней мѣрѣ тамъ отомстятъ за насъ, и за всѣ ихъ подлости, которыя они употребляютъ здѣсь. Въ скоромъ времени должны начаться, ежели уже не начались, операціи въ Балтійскомъ флотѣ. Дай Богъ, чтобъ тамошніе матросы показали бы себя такими же молодцами, какъ и наши Черноморцы; дѣйствительно, съ каждымъ днемъ все больше и больше оцѣняешь подобныхъ людей: столько у нихъ энергіи и храбрости, что даже удивляться нужно. Вотъ ужъ именно закаленные въ бояхъ! Я думаю никому еще не приходилось быть такъ много подъ свистомъ всевозможныхъ снарядовъ, сколько каждому изъ матросовъ; потому что перебравшись на батареи, они уже начинаютъ постоянно находиться въ опасности. За то и привыкли до того, что не обращаютъ никакого вниманія на летящую бомбу. Въ томъ флотѣ вѣроятно дѣйствія другъ противъ друга не будутъ такой конецъ имѣть, какъ въ прошломъ году; потому что теперь и наши канонирскія лодки не дадутъ покоя непріятелю. За зиму кажется ихъ построили у насъ достаточное количество, чтобъ сдѣлать вредъ непріятелю. У насъ въ Севасто[redacted] погода началась совершенно лѣтняя, жара къ [redacted] дѣлается такая, что ужасъ! Для насъ это

дѣло привычное, но арміи не слишкомъ то нравится этотъ климатъ. Мы же имъ повторяемъ: что паръ костей не ломитъ. Мнѣ кажется, что дѣйствовать днемъ рѣшительно невозможно, потому что человѣкъ теряетъ всѣ свои силы....

Севастополь 1855 г. мая 8-го дня.

Вчера я получилъ твое письмо, безцѣнный другъ мой, Надя, отъ 14 апрѣля; я сперва не вѣрилъ своимъ глазамъ, что почта въ настоящее время такъ скоро ходитъ; въ пути письмо было всего только двѣ недѣли.... 1-го мая, какъ извѣстно тебѣ, во всей Россіи празднуется наступленіе лѣта разными увеселеліями и гуляньями; такъ и у насъ водилось въ Севастополѣ, и въ этотъ день въ саду командира порта, называемомъ Голландіею, устраивался пикникъ, и гулянье продолжалось до утра. Въ этотъ годъ ничего подобнаго не было, но я всетаки праздновалъ этотъ день, и вотъ какимъ образомъ. Командиръ парохода „Херсонесъ“, и Бутаковъ съ „Владиміра“ взяли оставшихся музыкантовъ изъ 44 флотскаго экипажа и, набравъ съ собой разныхъ припасовъ, какъ-то: чаю, кофе, закусокъ, въ обществѣ своихъ офицеровъ и другихъ знакомыхъ, отправились въ Голландію (единственный уцѣлѣвшій садъ), и тамъ, разложивши коверъ и упиваясь свѣжимъ воздухомъ, мы разсуждали о суетѣ мірской и дѣлали разныя глупости, какъ-то, валялись по травѣ, качались на качеляхъ, пѣли пѣсни и т. д. Насъ было очень немного, всего 15 человѣкъ,

но за то общество дружное. Пробывъ тамъ часовъ до 11 вечера, возвратились на бастіоны....

Севастополь 1855 г. мая 16-го дня.

...Я теперь большую часть времени провожу на своей батареѣ и живу настоящимъ филиномъ, т. е. днемъ высыпаюсь, а ночью бодрствую; потому что, во первыхъ, нужно быть всегда готовымъ къ тому, чтобъ встрѣтить незванныхъ гостей, если имъ вздумается поближе подлѣзть къ намъ; а во вторыхъ, и смотрѣть за работами, такъ какъ днемъ работать нельзя, сейчасъ-же начнутъ посылать бомбы въ рабочихъ людей; а работы цѣлая куча: нужно насыпать землю на пороховые погреба и возвышать траверзы. Кромѣ того нужно быть готовымъ съ разсвѣтомъ, въ случаѣ открытія третьей бомбардировки, отвѣтить на первый ихъ выстрѣлъ цѣлымъ залпомъ батареи, чтобы ошеломить ихъ съ перваго же разу. У насъ вчера пронеслась пренепріятная новость: говорятъ, будто французы завладѣли Керчью. Это пренепріятная вещь, потому что тогда, очистивши Керченскій проливъ, они будутъ имѣть свободный ходъ по Азовскому морю, слѣдовательно могутъ добраться до Бердянска, въ которомъ, по послѣднимъ письмамъ къ нашимъ офицерамъ, было заготовлено 2.000,000 четвертей пшеницы. Конечно, это богатство не достанется въ руки непріятелю; или успѣютъ вывезти, или же велятъ сжечь. Кромѣ того, они могутъ добраться до Таганрога и до Ростова; а оттуда не далеко Луган-

скіе заводы, съ которыхъ мы получаемъ въ настоящее время всѣ снаряды; занявши-же Арабатскую стрѣлку, они прекратятъ сообщеніе съ восточной полосой Крыма изъ Россіи. Говорятъ, что они высадили 25 т. войска около Керчи; и такъ какъ съ сухопутной стороны Керчь не была хорошо укрѣплена и, кромѣ того, войска было мало, то имъ и легко было занять Керчь. Но только съ 25 т. нельзя дѣлать большихъ операцій, потому что если они пойдутъ внутрь страны, то тамъ ихъ славно примутъ Черноморскіе казаки. У насъ подъ Севастополемъ послѣ того, что я вамъ писалъ, не случилось ничего особеннаго, непріятель ведетъ свои траншейныя работы противъ 4 и 5 бастіоновъ; вчера былъ большой взрывъ на 4 №, но не знаю, кажется особенныхъ несчастій этотъ взрывъ намъ не причинилъ. На дняхъ непріятель тоже дѣлалъ рекогносцировку на Черную рѣчку и, какъ полагаютъ, тамъ скоро должно быть дѣло. Князь Горчаковъ со штабомъ переѣхалъ на позицію войскъ на Мекензіеву гору, а въ Севастополѣ остался Сакенъ; слава Богу, что Хрулевъ остался въ городѣ; на него у насъ сильныя надежды. Павелъ Степановичъ Нахимовъ продолжаетъ разъѣзжать по батареямъ, нисколько не стараясь отклонить отъ себя опасности отъ пуль, которыя кругомъ его постоянно летаютъ какъ пчелы какія нибудь. Матросы удивительно любятъ его, напримѣръ: вчера онъ разъѣзжалъ по батареямъ, и когда проходилъ съ одного фаса на другой, только и слышно было: „наконецъ то нашъ адмиралъ пришелъ на насъ поглядѣть, вѣдь когда пройдетъ словно Царь, такъ и ду-

шѣ легче!“ Я думаю для Павла Степановича ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ слышать подобные отзывы и любовь своихъ подчиненныхъ; и конечно онъ можетъ гордиться ими. Мы, какъ уже привыкшіе къ неожиданностямъ, ждемъ и теперь, что вотъ-вотъ опять откроется бомбардировка.... На дняхъ они начали ночью вести новую траншею передъ нашими Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами; секреты дали знать, что непріятель открылъ работу, и тогда со всѣхъ батарей открыли перекрестный огонь гранатами; я съ своей стороны тоже пустилъ пріятелямъ нѣсколько бомбочекъ. Одинъ плѣнный говорилъ, что въ ту ночь потеря у нихъ была до 800 человѣкъ. Вотъ вамъ всѣ новости, друзья мои. Кажется, я представленъ къ наградѣ за вторую бомбардировку, можетъ быть дадутъ золотую саблю, но навѣрно еще не знаю, а такъ только говорю какъ носятся слухи.

Севастополь 1855 г. іюня 10-го дня.

Прошедшую почту я не писалъ вамъ, друзья мои, потому что рѣшительно не было времени. Я адресовалъ письмо къ папашѣ на ваше имя, чтобы вы могли прочитать его, такъ какъ въ немъ я описывалъ штурмъ нашей дистанціи. Теперь скажу о немъ еще нѣсколько словъ. Послѣ суточнаго бомбардированія, открытаго 5-го числа, передъ разсвѣтомъ 6-го числа, мы, какъ будто предчувствуя, разставили людей по банкетамъ (около валовъ возвышеніе), и зарядили орудія картечью, ожидая съ минуты на минуту, что

будетъ штурмъ. Видна въ этомъ рука Божія, потому что вѣрныхъ свѣдѣній о штурмѣ никто изъ насъ не имѣлъ. Люди стояли въ то время, какъ пальба съ французскихъ батарей была такая сильная, что даже теперь, вспоминая ее, удивляешься. Представьте себѣ, что разомъ летитъ на васъ до 20 бомбъ, и черезъ нѣсколько секундъ столько же опять. Но видимо Господь хранилъ насъ, потому что всѣ эти выстрѣлы перелетали черезъ; но еслибъ они попадали туда, куда предназначались, то во первыхъ разбили бы всѣ наши батареи, а во вторыхъ половина бы гарнизона непремѣнно выбыла изъ строя. Господь былъ милостивъ, и всѣ эти ужасные залпы намъ почти не сдѣлали никакого вреда. Орудія наши не отвѣчали на ихъ выстрѣлы для того, чтобъ не дать возможности хорошенько навести орудія. Да, ночь эту я никогда не забуду. Работа была у насъ ужасная; по крайней мѣрѣ 2000 человѣкъ толпилось на маленькомъ пространствѣ, чтобъ достать нѣсколько земли для задѣлыванія поврежденій отъ денной бомбардировки; а въ это время буквально не проходило минуты, чтобъ не раздавался выстрѣлъ. Я уже не говорю про то, что никто изъ насъ въ эту ночь не спалъ. Самая жаркая и спѣшная работа была на моей батареѣ, которая составляетъ передній фасъ кургана, и которую разбили днемъ ужасно. Я не помню, чтобъ всѣ предыдущія бомбардировки были хоть мало-мальски похожи на эту; въ этотъ разъ былъ рѣшительный адъ. Это видно было, что они готовились къ чему-то необыкновенному. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ, съ бывшей на-

шей Камчатской батареи, были брошены одна за другой три ракеты въ родѣ бураковъ; видъ былъ превосходный, и черезъ нѣсколько минутъ на лѣвомъ флангѣ нашего кургана раздалась ружейная перестрѣлка. Сперва ничего не было видно, но потомъ, когда разъяснилось, мы увидѣли большія непріятельскія колонны, наступающія на 1-й и 2-й бастіоны; но тамъ не зѣвали, и открыли по нимъ страшный ружейный и картечный огонь, и заставили ихъ отступить. Послѣ этого они еще разъ бросались, но тоже безуспѣшно. Почти одновременно другія силы двинулись на правый флангъ кургана по доковой балкѣ, на такъ называемую доковую батарею, самую слабую часть нашей дистанціи. Пока они шли на виду мимо кургана, то ихъ провожали препорядочнымъ огнемъ; но не смотря на это, они ворвались на батарею, завладѣли ею, и начали стрѣлять по прикрытію и прислугѣ этой батареи, которые не могли удержать ихъ напора, принуждены были отступить на нѣсколько сажень назадъ и, засѣвши въ домикахъ, отстрѣливались и не пускали непріятеля дальше. Въ это время подошли наши резервы, и съ мужествомъ двинулись впередъ; а всякому извѣстно, что русскій солдатъ идетъ впередъ какъ левъ, выгнали французовъ изъ батареи, и нѣсколько даже провожали за батарею; прислуга, подоспѣвшая опять къ своимъ орудіямъ, провожала ихъ картечью. Французы отступя скрылись въ доковой балкѣ. Получивъ значительныя подкрѣпленія, они не рѣшились двинуться на эту-же батарею опять, но поднявшись изъ балки, пошли прямо на курганъ, и прямо

на мою батарею; но тутъ ихъ такъ хорошо встрѣтили, что они сейчасъ-же поворотили оглобли. Это продолжалось ровно три раза, и всѣ три раза огнемъ артиллеріи и ружейнымъ ихъ не подпускали близко. Такимъ образомъ штурмъ на нашей дистанціи и кончился. Къ непріятелю хотя и подходили послѣ этого еще большія подкрѣпленія, но онъ больше не отважился двинуться на приступъ. Одновременно съ нашимъ штурмомъ, англичане пошли тоже противъ 3-го бастіона; но тамъ, при первомъ отпорѣ, они больше не отважились вторично броситься. Нѣсколько храбрыхъ Джонъ-Булей были съ лѣстницами впереди, но, не дойдя до рва, погибли отъ нашихъ выстрѣловъ. На правомъ флангѣ 3-го бастіона французы тоже двинулись, но тоже были опрокинуты. Вообще, какъ выразился одинъ раненный французъ, атака у нихъ была генеральная, и они вполнѣ надѣялись на успѣхъ, никакъ не ожидая встрѣтить у насъ такого сильнаго гарнизона; а главное, думали, что послѣ подобной сильной бомбардировки наши орудія не въ состояніи были дѣйствовать картечью. Цѣль французовъ была занять нашъ курганъ, и такъ какъ онъ спереди довольно сильно укрѣпленъ, то они и направили свою атаку на фланги; а занявши фланговыя батареи имъ въ тысячу разъ было бы легче войдти въ нашъ редутъ. Если только Малаховъ курганъ будетъ въ рукахъ непріятеля, то тогда и городъ не можетъ держаться; потому что высота батарей на курганѣ господствуетъ надъ городомъ, и имѣетъ такое мѣстоположеніе, что можетъ прекратить сообщеніе съ Сѣверной стороной;

а тогда конечно и городъ былъ бы принужденъ, не говорю, сдаться, а пожалуй взорваться. Французы это прекрасно поняли, и потому теперь все свое вниманіе обратили на эту точку; но и мы тоже не зѣваемъ, работы кипятъ, и Богъ дастъ другой штурмъ выдержимъ также твердо, какъ и этотъ. Солдаты наши дѣйствовали во время штурма такими молодцами, что и описать нельзя; всякій изъ нихъ лѣзъ на валъ, чтобъ удобнѣе было стрѣлять, и вмѣстѣ съ этимъ сталкивать непріятеля, если въ случаѣ кто нибудь изъ нихъ рѣшился бы влѣзть на курганъ. Повѣрите ли, друзья мои, что штурмъ въ сравненіи съ бомбардировкой веселое дѣло; по крайней мѣрѣ интересно, и не разъ мы всѣ заливались хохотомъ, когда колонны французовъ, идя бодро впередъ, вдругъ какъ зайцы поворачивали назадъ и бѣгомъ отправлялись въ балку. Кто говоритъ, можетъ быть и тутъ бываетъ жарко, если влѣзутъ въ самое укрѣпленіе; но всетаки лучше, чѣмъ хладнокровно смотрѣть какъ одной бомбой вырываетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Никогда не забуду я этотъ случай, когда въ эту бомбардировку у меня на батареѣ разворотило одну амбразуру; я, подойдя къ ней, заставилъ прислугу, состоявшую изъ 9 человѣкъ, поскорѣе поправить, чтобъ черезъ самое короткое время орудіе это могло дѣйствовать; они принялись за работу и я нѣкоторое время слѣдилъ за этимъ, но потомъ пошелъ къ другому орудію, чтобъ посмотрѣть хорошо ли тамъ стрѣляютъ; не успѣлъ я отойдти нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ слышу крикъ; обращаюсь назадъ, и что-же вы

думаете? Всю прислугу положило одной бомбой на смерть; это ужасно! Другой случай черезъ нѣсколько часовъ былъ у другого моего орудія, когда тоже одной бомбой убило 4 человѣка, ранило 3, и 1 остался цѣлъ. Однимъ словомъ, въ тотъ день я насмотрѣлся такихъ сценъ, что немудрено, если въ 30 лѣтъ состарѣешься также какъ другіе въ 50; потому что тревоги душевныя ужаснѣе всего; видишь какъ бьетъ человѣка совершенно даромъ, т. е. когда онъ не въ дѣйствіи, и еще самъ долженъ сбодрять ихъ и казаться какъ можно хладнокровнѣе. Мы теперь всѣ пріучаемся къ терпѣнію; ужъ кажется ничего не можетъ быть хуже какъ находиться въ такомъ положеніи девять мѣсяцевъ. На другой день послѣ штурма было перемиріе для уборки мертвыхъ тѣлъ. Французы были страшно сконфужены, потому что потеря была огромная. Представьте себѣ, что тѣла убирали 6 часовъ, и то еще не всѣ убрали. Послѣ взятія Камчатскаго редута, на перемиріи они были чрезвычайно любезны, разговоры лились рѣкой; а въ этотъ разъ ихъ начальство не позволяло офицерамъ близко подходить къ нашимъ; солдаты ихъ тоже ходили повѣся носы. Опредѣлить точную потерю французовъ и англичанъ невозможно; но должна быть огромная, судя по количеству мертвыхъ тѣлъ, найденныхъ передъ нашими укрѣпленіями. А сколько они еще убрали ночью передъ перемиріемъ, и сколько раненныхъ. Да, я думаю, что будетъ у нихъ до 10,000. У насъ же, благодаря Бога, во время штурма потеря самая незначительная, потому что мы не подвергались кар-

течнымъ и ружейнымъ выстрѣламъ; вообще видимо Богъ былъ за насъ, и мы всѣ съ усердіемъ поблагодарили Его на другой день, отслужа молебенъ съ водосвятіемъ. Теперь трудно даже и предположить что нибудь, что будетъ далѣе. Непріятель опять ведетъ противъ насъ траншеи; но въ скоромъ времени должно быть опять что нибудь серьезное. Вѣроятно до зимы все это кончится, потому что оставаться имъ еще на слѣдующую невозможно; да и захотятъ ли ихъ солдаты, вѣдь у нихъ сейчасъ же окажутся недовольные, а тамъ и пойдетъ кутерьма по всему лагерю. Дай-то Господи одержать намъ верхъ надъ Наполеономъ; авось тогда онъ не усидитъ на престолѣ, а отправится опять туда, гдѣ онъ и былъ до своего восшествія, т. е. въ тюрьму. Все нагородилъ онъ; захотѣлось отмстить за дядюшку; да не такъ то легко ему это удается. Пріятно по крайней мѣрѣ то, что хоть чѣмъ нибудь да порадовали нашего новаго Царя; а то до сихъ поръ съ нашей стороны были все однѣ неудачи. Давно я не читалъ газетъ, потому что рѣшительно не до того, и не знаю совершенно ничего что дѣлается въ политическомъ мірѣ. Мы живемъ теперь какъ какіе нибудь отшельники; кромѣ своей батареи ничего не видишь, и ничего не знаешь; только лишь слѣдимъ за движеніями непріятеля и его работами, а до другого намъ никакого нѣтъ дѣла. Представъ себѣ, Надя, что съ 25-го мая и до сегодняшняго числа, я не спалъ по ночамъ, кромѣ одной ночи, и того, значитъ, въ двѣ недѣли одну ночь; днемъ-же всего приляжешь на нѣсколько часовъ; впрочемъ, особенной

усталости я не чувствую; что значитъ привычка! Не знаю, повторится-ли то время, когда я снова буду съ вами; мудрено, чтобъ я остался цѣлъ и невредимъ при такихъ обстоятельствахъ. Я не говорю о томъ, что меня убьетъ, нѣтъ; а что задѣнетъ во что нибудь, очень можетъ быть. Да что объ этомъ толковать! Милорадовичъ былъ въ 50 сраженіяхъ и ни разу не былъ раненъ; такъ развѣ не могу и я быть Милорадовичемъ, хоть не съ такими достоинствами какъ онъ, но по крайрей мѣрѣ съ такимъ счастьемъ. Эти дни у насъ препокойны; французы не задѣваютъ, а мы придерживаемся того, что: ѣду, ѣду не свищу, а наѣду— не спущу. Для насъ тѣмъ важно, что нѣтъ пальбы, такъ какъ мы можемъ исправить свои поврежденія. Вчера на правомъ флангѣ нашего кургана, именно на той батареѣ, куда прорвались французы, ранило штуцерной пулей Тотлебена; но благодаря Бога легко, такъ что кость не потревожена, и онъ чрезъ нѣсколько недѣль совершенно поправится; а теперь онъ пренужное лицо, потому что работы должны быть экстренныя. Вотъ вамъ всѣ новости, друзья мои; пока больше ничего нѣтъ, но можетъ быть скоро опять будутъ свѣжія. Самая лучшая была бы новость, еслибъ я могъ написать вамъ, что мы раскатали французовъ на смерть, и что они удалились отъ Севастополя; а пора бы! Всѣмъ надоѣло. Я бы на мѣстѣ Пелисье непремѣнно написалъ, что взятіе Севастополя невозможно, и снялъ бы осаду. Право пошелъ бы самъ таскать французамъ орудія на ихъ корабли. А французы сильно надѣялись на успѣхъ, потому

что передъ штурмомъ ихъ корабли выстроились по ниточкѣ, вѣроятно для того, чтобъ салютовать. Одинъ французскій офицеръ говорилъ, что передъ штурмомъ Пелисье заказалъ въ Балаклавѣ обѣдъ съ тѣмъ, чтобъ привезли его въ Севастополь; и что на этотъ обѣдъ онъ приглашалъ всѣхъ, кто отличится при взятіи Севастополя. Вотъ и справедливо, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; говорятъ, что сюда идетъ гренадерскій корпусъ; не знаю, справедливо ли это; а тамъ есть знаменитый генералъ Панютинъ, который вѣроятно подвинулъ бы дѣла впередъ. Обнимаю васъ всѣхъ, друзья мои.

Севастополь 1855 г. іюня 13 дня.

...У насъ пока Слава Богу тихо. Этой ужасной бомбардировки нѣтъ; а для насъ это самое лучшее, потому что ничто такъ не наводитъ уныніе, какъ безостановочное летаніе ядеръ и бомбъ, которыми страшно много вырываетъ изъ строя людей. Всѣ мы готовы выдерживать еще хоть нѣсколько штурмовъ, потому что по крайней мѣрѣ интересно. Французы продолжаютъ вести осадныя работы, строятъ еще новыя батареи ближе первыхъ, подводятъ траншеи, и какъ видно рѣшились во что бы то ни стало овладѣть курганомъ. Авось, Богъ дастъ, мы еще разъ ихъ отобьемъ съ подобной потерей для нихъ. Вчера передался одинъ сардинецъ, который говорилъ, что за штурмъ французы потеряли убитыми и ранеными смертельно 7 тысячъ, а англичане 3000; а всей

же потери считаютъ до 16,000 чел. Кажется поря-
дочно ихъ проучили, потому что на уборкѣ тѣл
французы ходили повѣся носы. За то наши нѣсколь-
ко ихъ подняли. Но дѣло въ томъ, что справедлив
русская пословица: не хвались идучи на рать, а хв
лись идучи съ рати. Такъ и Пелисье думалъ, ч
черезъ нѣсколько часовъ будетъ владѣть Севас
полемъ, и поэтому все было сдѣлано съ эффект
но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагае
Говорятъ, что Пелисье смѣненъ за то, что въ св
командованіе потерялъ очень много людей; а вмѣс
его назначенъ, какъ нѣкоторые говорятъ, опять Ка
роберъ; другіе-же, какой-то генералъ, командовавшій
сперва гвардейской дивизіей; но вообще вѣрнаго еще
на счетъ этого нѣтъ ничего. Потомъ у насъ носятся
слухи будто англійскій уполномоченный объявилъ, что
требованія французскаго уполномоченнаго на конфе-
ренціи такъ дерзки и такъ несообразны, что продол-
жать конференціи невозможно. Австрія кажется ста-
новится на мирную ногу, т. е. убавляетъ свои войска;
а Пруссія хочетъ двинуть свои войска на Рейнъ. Если
только это все справедливо, то тогда дѣла наши не
такъ еще плохи; тогда пожалуй и нашъ гвардей-
скій корпусъ двинется впередъ и будетъ угрожать
Наполеону. Мнѣ кажется, что въ короткое время
все разыграется чѣмъ нибудь особеннымъ, и дай
Господи! чтобъ къ славѣ нашей Россіи, за то, что
она такъ храбро и съ такимъ самоотверженіемъ от-
бивается отъ 3-хъ соединенныхъ державъ, имѣю-
щихъ нескончаемыя средства во всемъ. Про насъ

Одно только можно сказать, что мы учимся долготерпѣнію, и врядъ ли бы кто либо изъ французовъ, или англичанъ, такъ упорно защищали бы свои крѣпости съ такими средствами, какъ наши. У насъ все идетъ на *ne*, какъ выражаются въ картахъ; никто, ничего не жалѣетъ; и потому, если нужно досокъ для платформы подъ орудія, то преспокойно ломаютъ большіе дома, и полы, и потолки идутъ на батареи. Корабли наши тоже всѣ обобраны до ниточки. Да это все ничего; лишь бы отстоять не Севастополь, потому что онъ почти не существуетъ, а мѣсто, гдѣ стоялъ Севастополь нѣкогда. Изъ за такого маленькаго клочка земли сколько потеряно крови и денегъ..... Это ужасно! Мы считаемъ, что французы потеряли со дня высадки до 100 тысячъ человѣкъ; это очень можетъ быть, если взять въ разсчетъ тѣ болѣзни, которыя они переносили нынѣшнюю зиму; да кромѣ того сколько ихъ погибло отъ нашихъ выстрѣловъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они подобрались близко, и когда въ нихъ почти каждую ночь палятъ картечью. Сегодня передался одинъ зуавъ, который разсказывалъ, что послѣ штурма, войска остались чрезвычайно недовольны, и въ особенности зуавы, изъ которыхъ нѣкоторые объявили форменныя претензіи на главнокомандующаго: что не слѣдовало идти на штурмъ, что если онъ хотѣлъ взять Севастополь, то чтобъ и взяли бы его въ тотъ-же день, т. е. рискнулъ бы послѣдними войсками, и что они объявляютъ эту претензію громогласно. Главнокомандующій велѣлъ отправить ихъ въ Константинополь, а оттуда во Францію, чтобъ пре-

дать военному суду; а такъ какъ онъ (передавшійся зуавъ) этого не хочетъ, то и рѣшился передаться къ намъ, чтобъ жить совершенно покойно. Вообще отбитіе этого штурма много значитъ въ нравственномъ отношеніи войскъ. Павелъ Степановичъ продолжаетъ ѣздить по бастіонамъ, но на дняхъ, бѣдный, заболѣлъ холериной; сегодня ему слава Богу лучше. Благодаря Бога, у насъ холера еще не въ сильной степени, такъ что капли, употребляемыя противъ нее, помогаютъ. Да она я думаю, и не будетъ сильна, потому что по случаю военныхъ дѣйствій фруктовъ почти никакихъ нѣтъ и не будетъ; а матросы и солдаты находятся постоянно на батареяхъ, и, слѣдовательно, еслибъ фрукты и были, то они не въ состояніи ими объѣсться. Я вамъ сперва писалъ, что Шестаковъ находится въ плѣну, но теперь извѣстно, что его тамъ нѣтъ, потому что Нахимовъ просилъ чрезъ парламентера узнать объ немъ, но ни въ французскомъ, ни въ англійскомъ лагерѣ его не оказалось; между тѣмъ и между мертвыми тѣлами его не нашли; можетъ быть онъ не показалъ себя офицеромъ, а простымъ солдатомъ; впрочемъ, онъ тогда вѣроятно написалъ бы сюда нѣсколько словъ. Если только онъ убитъ, то жаль его; славный былъ офицеръ и добрый товарищъ: всѣ до единаго его жалѣютъ....

Севастополь 1855 г. іюня 13-го дня.

...Говорятъ, что какое-то ополченіе будетъ въ Севастополѣ, кажется Курское. Воображаю мужичковъ, которые въ одинъ день увидятъ столько страстей, сколько имъ во снѣ не снилось. Впрочемъ, ихъ вѣроятно не поставятъ на передовую линію, а будутъ употреблять для работъ, которыми заняты войска, какъ то: готовить туры и фашины, сопровождать обозы, и т. д. Посылайте къ намъ какъ можно болѣе живыхъ существъ, для всѣхъ найдемъ работу. У насъ на курганѣ живетъ одна изъ сестеръ милосердія, зовутъ ее Прасковьей Ивановной, а фамиліи не знаю. Она жила 15 лѣтъ при дворѣ и была, кажется, чуть ли не нянькой, или что нибудь въ родѣ того, у покойнаго Государя. Бой-баба такая, какихъ мало! Всѣмъ говоритъ ты, и меня очень полюбила, потому что я съ ней балагурю. Впрочемъ, не смотря на ее 45 лѣтъ, она еще дѣвица. Оно не лишнее, что она находится при перевязочномъ пунктѣ, потому что солдатамъ это чрезвычайно нравится, и они съ радостью даютъ перевязывать ей свои раны. Я просилъ ее, что такъ какъ она жила при дворѣ, и слѣдовательно знаетъ всѣхъ придворныхъ, то чтобъ приготовила для меня хорошенькую и богатую невѣсту, такъ какъ я почтенъ почестями, то слѣдовательно и женихъ какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что морякъ. Она обѣщала, и звала когда буду въ Петербургѣ остановиться въ ее домѣ; говоритъ, что всѣхъ жильцовъ выгонитъ вонъ, и будетъ пускать

только флотскихъ. А какъ странно видѣть подъ ядрами женщину, которая нисколько ихъ не боится. Просто молодецъ! У насъ пока новаго ничего нѣтъ; французы живутъ тихо и особенно не безпокоятъ насъ. Къ намъ передается довольно много непріятелей; въ томъ числѣ есть и сардинцы, которые стояли на Черной рѣчкѣ, и когда узнали про неудавшійся штурмъ, то прислали сказать главнокомандующему, чтобъ онъ ихъ оттуда взялъ, а не то они сами уйдутъ; потому боятся, что русскіе сдѣлаютъ наступательное движеніе. Вотъ сволочь-то. или. сиволочь!

Севастополь 1855 г. іюля 16 дня.

Ты, другъ мой, Надя, удивляешься, что нѣкоторыя мои письма были писаны въ дурномъ расположеніи духа, и осуждаешь меня, что я такъ прямо осуждаю дѣйствія высшихъ чиновъ нашихъ, ссылаясь на то, что они конечно, какъ вѣрные слуги Царю и Отечеству, желаютъ сдѣлать пользу; съ этимъ я совершенно согласенъ, но дѣло въ томъ, что для того, чтобъ сдѣлать пользу, нужно умѣнье, а вопросъ: есть ли таковое у этихъ людей? Нужно быть здѣсь, и видѣть все, что дѣлается, чтобъ вполнѣ понять, что и при желаніи, да какъ нѣтъ энергіи и молодости. ничего не сдѣлаешь. Если бы Государь нашъ не былъ такъ добръ, и послѣ взятія редутовъ непріятелемъ захотѣлъ бы строго разузнать причину по-

чему мы ихъ не удержали, то тогда, конечно, остались бы многіе виноватые и оказалось бы, что виною тому не солдаты, которые всегда готовы положить жизнь свою за Царя; но вѣдь безъ распоряженій солдатъ есть ничто иное какъ кусокъ дерева. Почему, послѣ того какъ непріятель занялъ наши редуты, черезъ нѣсколько часовъ явились на нашемъ отдѣленіи цѣлыхъ три полка съ подкрѣпленіемъ, и тогда конечно мы въ состояніи были отбить второй штурмъ. А какимъ образомъ на такой огромной дистанціи, какъ наша была, т. е. такъ растянута и заключала въ себѣ: Малаховъ курганъ, 1-й №, 2-й №, Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій редуты, было всего три полка? Еще хорошо было бы, еслибъ эти полки были цѣлые, а то въ каждомъ изъ нихъ вмѣсто 3500 человѣкъ было не болѣе 2000 чел., слѣдовательно всего только 6000, тогда какъ на одинъ Малаховъ курганъ нужно, чтобъ удержать его, не менѣе двухъ полковъ въ настоящемъ ихъ составѣ, т. е. слѣдуетъ имѣть въ укрѣпленіи около 4000? Теперь оно у насъ почти такъ и находится; оттого-то и есть русская пословица: русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Я тебѣ все это написалъ для того, чтобъ сказать опять тоже, что еслибъ сдѣлали слѣдствіе и запросили, почему не было достаточно войскъ въ каждомъ укрѣпленіи, то тогда конечно многимъ было бы непріятно. Теперь скажу тебѣ откровенно, какъ я думаю по своему малому уму, что отбитіе штурма есть, конечно, для насъ счастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несчастье, потому что

теперь все находится въ бездѣйствіи, и всякій увѣренъ въ томъ, что и вторично французамъ не удастся ворваться и завладѣть курганомъ; а увѣренность эта ведетъ къ тому, что съ нашей стороны ничего не предпринимается, тогда какъ французы не по днямъ а по часамъ приближаются къ намъ своими траншеями, и строятъ цѣлую кучу батарей. Такъ, что если мы дождемся еще бомбардировки, то они не дадутъ намъ и пикнуть. Хоть и стыдно признаваться въ этомъ, другъ мой, но что-жъ дѣлать! Мы свое дѣло дѣлаемъ, и по мѣрѣ силъ своихъ дѣйствуемъ изъ орудій: но если есть возможность помѣшать непріятельскимъ работамъ, предположа даже потерю въ тысячу человѣкъ нашихъ, то все-таки вылазка гораздо лучше. Во первыхъ, потому что здѣсь шансы одинаковы съ обѣихъ сторонъ, и если у насъ будетъ большая потеря, то и у непріятеля нашего неменьше: тогда какъ позволивъ имъ выстроить батареи и открыть бомбардировку, всѣ выгоды на ихъ сторонѣ; потому что мы ожидая штурма ежеминутно, должны держать войско около орудій, а каждой бомбой вырываетъ нѣсколько человѣкъ: тогда какъ непріятель, будучи вполнѣ увѣренъ, что отъ насъ не будетъ нападенія, можетъ свои войска отвести внѣ пушечнаго выстрѣла. Вотъ тебѣ доказательство, какъ всѣ солдаты разсуждаютъ объ этихъ вещахъ: вчера передъ вечеромъ было замѣтно въ трубу, что англичане на свою батарею ввезли до 9 полевыхъ орудій, и внесли до 30 штурмовыхъ лѣстницъ; я, обратясь къ солдатамъ, находившимся въ

прикрытіи на моей батареѣ, сказалъ: „кажется, намъ ребята опять скоро придется дѣйствовать штыками и прикладами, потому что непріятель опять готовится идти на приступъ“. Они всѣ отвѣчали: „что-жъ, ваше благородіе, хоть два раза въ день пускай идетъ, мы только этого и желаемъ, а то не дай Господи бомбардировки; сильно она насъ смущаетъ, и слишкомъ много выбываетъ изъ нашихъ рядовъ“. Такъ вотъ видишь, мой другъ, всякій изъ нихъ готовъ хоть сейчасъ же двинуться впередъ, и можно навѣрно сказать, что не устоять бы французамъ. Въ день отбитія штурма мы могли еще болѣе увѣнчать нашу побѣду, вотъ какимъ образомъ: наши войска стоятъ на позиціи около Черной рѣчки, и тамъ находится самъ князь Горчаковъ; когда мы отбили штурмъ, то сардинскія войска, занимающія наблюдательный корпусъ и стоявшія не болѣе какъ въ 15-ти тысячномъ составѣ по другую сторону рѣчки, т. е. противъ нашихъ войскъ, послали сказать Пелисье, что они боятся движенія русскихъ войскъ впередъ, и что поэтому они, если имъ не будетъ приказа отступить, то сами уйдутъ, и вмѣстѣ съ этимъ рѣшились дѣлать отступленіе слѣдующимъ образомъ: выдвинувъ два батальона впередъ, какъ будто хотятъ дѣлать наступленіе (при этомъ передовыя наши войска, видя, что непріятель двигается впередъ, начали отступать, желая вѣроятно заманить ихъ подъ батареи), сардинцы поворотили остальныя свои колонны назадъ, и быстро стали отступать, а потомъ за ними и эти два батальона. Когда наши образумились, то

непріятель былъ уже далеко; и доказательствомъ того, что они торопились, служитъ то, что непріятель оставилъ на мѣстѣ часть своихъ обозовъ. Черезъ нѣсколько дней одинъ передавшійся сардинецъ говорилъ, что если бы наши двинулись впередъ, то они непремѣнно положили бы оружіе. И видишь! Богъ благословляетъ насъ и помогаетъ намъ, но мы не умѣемъ пользоваться этимъ и ожидаемъ разставя руки, какъ къ намъ пойдутъ цѣлыя тысячи безъ всякого боя. Вотъ тебѣ, другъ мой Надя, дѣла, въ которыхъ мы находимся въ настоящее время. Согласись теперь со мной и вообще со всѣми нами, что грустно находиться въ такомъ положеніи, и что невольно вырвутся такія слова, которыя не слѣдовало бы произносить. Съ тѣхъ поръ какъ князь здѣсь, наши не сдѣлали еще ни одной удачной вылазки. Я не спорю съ тобой, можетъ быть и есть какіе нибудь великолѣпные планы,—но когда они осуществятся! Между тѣмъ какъ съ каждымъ часомъ непріятель къ намъ все ближе и ближе; и потому нужно не терять по пустому времени. Да и русскій человѣкъ созданъ такъ, что скорѣе пойдетъ впередъ, чѣмъ выжидать непріятеля и исполнять трудную гарнизонную службу, работая день и ночь надъ валами, которые отъ своего грунта осыпаются. Вообще, другъ мой Надя, всѣ мы находимся въ такомъ положеніи, въ какомъ ты сама можешь заключить изъ этого письма моего, гдѣ я тебѣ подробно объяснилъ всѣ наши дѣйствія. Про то, что намъ всѣмъ надоѣло, нечего и говорить. 9 мѣсяцевъ одно и тоже

изо дня въ день яснѣе всего могутъ доказать, съ какимъ бы удовольствіемъ мы бросили все это; конечно, только съ тѣмъ, чтобы это не повело къ безчестію Россіи. Знаешь-ли, что другой разъ приходятъ такія мысли, что желаешь быть раненнымъ для того только, чтобъ избавиться отъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ тревогъ. Конечно, когда успокоишься, то сознаешься, что это глупо; но всетаки заключеніе ты можешь вывесть то, что мы сдѣлались какими-то деревяжками. На всѣхъ нашихъ начальниковъ нашла какая-то апатія ко всему, и видя это, и у самого всякая энергія пропадаетъ. Вообще, пора бы кончить эту ужасную, кровопролитную войну. Теперь изъ-за нее, многія вещи оказались въ другомъ видѣ совершенно, въ какомъ мы сперва ихъ видѣли; и нужно много времени, чтобъ исправить ихъ. Однимъ словомъ, другъ мой Надя, грустно и грустно, видя, что не все оказалось такъ, какъ мы ожидали....

Севастополь 1855 г. іюня 23-го дня.

Ко дню своего рожденія, дорогіе друзья мои, т. е. къ завтрашнему, я получилъ отъ начальства довольно большой подарокъ, а именно: мнѣ дали „золотую саблю съ надписью „за храбрость“, за вторую бомбардировку. Можетъ быть съ слѣдующей почтой, или черезъ почту, я попрошу васъ поздравить меня съ наградой за отбитіе штурма 6-го числа. Та награда будетъ такая, что вы никакъ не ожидаете ее, и вамъ

даже и въ голову не придетъ что нибудь подобное. Одно только скажу вамъ, что не чинъ капитанъ-лейтенанта, а что-то другое. Я теперь прошелъ уже тѣ степени, въ которыхъ даютъ небольшія награды, и теперь мнѣ пойдутъ или крупныя, или ничего. Впрочемъ, Богъ съ ними, со всѣми наградами! Остаться бы только живымъ; вотъ лучшая награда въ настоящее время; по крайней мѣрѣ изъ флотскихъ большая часть такъ разсуждаетъ. Конечно, что говорить, пріятно имѣть отличія; но если впереди предстоитъ еще много такихъ случаевъ, въ которые и не захочешь подумать о наградахъ, то и призадумаешься. Я не говорю, лестно въ 23 года отъ роду имѣть такія награды, какими я отличенъ, но не менѣе того, какъ бы ни легко они доставались, все-таки хочется пожить безъ всякихъ треволненій, съ спокойною душою и спокойнымъ тѣломъ. Послѣднее я привелъ къ тому, что вотъ въ продолженіе почти мѣсяца, я спалъ всего только двѣ ночи; а то живешь совершенно противно законамъ природы; днемъ спишь, а ночью бодрствуешь. Но главное то, что въ военное время, и именно въ такое, въ какомъ находимся мы въ настоящее время, состарѣешься гораздо скорѣе своихъ лѣтъ; потому что бываютъ такія минуты, въ которыя перечувствуешь столько, сколько другому не удается испытать и во всю свою жизнь. Напримѣръ, въ тотъ день, когда была бомбардировка передъ штурмомъ, столько испыталъ я, и такъ болѣло мое сердце, что, я думаю, не одна морщина, которой бы не слѣдовало еще открываться, уже положила свое

начало. Вообще ощущенія бываютъ такія сильныя, что выразить ихъ нельзя, и можетъ ихъ понять только тотъ, кто самъ испыталъ. По крайней мѣрѣ пріятно хоть то, что питаешь себя надеждою, что всему есть начало, и всему конецъ. Такъ и на нашу долю должно разсчитывать; вѣдь не всегда же непріятель будетъ подъ стѣнами Севастополя. Вѣдь перваго числа будетъ 10 мѣсяцевъ, какъ они высадились на нашъ берегъ. До сихъ поръ Господь благословлялъ наше оружіе, и есть надежда, что мы не поддадимся нашимъ врагамъ. Впрочемъ. на все воля Божья! Мы разсчитываемъ такъ, а выходитъ иначе совершенно. Какъ справедливо то, что все что ни дѣлается, то къ лучшему. Еслибъ я выѣхалъ изъ дому нѣсколькими днями позже, и не такъ торопился бы въ дорогѣ, то тогда не попалъ бы ко второй бомбардировкѣ и, слѣдовательно, не получилъ бы золотой сабли; и теперь, за отбитіе штурма, былъ бы представленъ къ этой наградѣ, тогда какъ въ настоящее время я ожидаю себѣ слѣдующей, довольно важной. Не могу никакъ объяснить себѣ чувство, какое я питалъ къ кресту, который ношу на своей груди; вы вѣроятно помните его; это было благословеніе бабушки, когда у меня нога была сломана, и потомъ папаши, когда я ѣхалъ на службу въ Севастополь. Мнѣ кажется, что пока этотъ крестъ на мнѣ, то я огражденъ отъ всѣхъ несчастій; и это убѣжденіе во мнѣ такъ сильно, что когда я даже бываю занятъ дѣломъ, то вдругъ схватываюсь рукою за грудь, чтобъ удостовѣриться не спалъ ли какъ

нибудь крестъ, т. е. не оборвался ли шнурокъ. Мнѣ самому пріятно, что я имѣю такое убѣжденіе, и оно явилось у меня послѣ Синопскаго сраженія. У насъ на каждой батареѣ есть свой образъ; эти образа достаются матросами же, и каждый день вечеромъ передъ ними теплятся лампады и свѣчи. И что всего умилительнѣе смотрѣть, это какъ наши солдаты матросы, не смотря на изрядно-летающія бомбы и пули, съ полнымъ усердіемъ молятся передъ изображеніемъ ликъ Святыхъ, и конечно хоть у нихъ нѣтъ глубокаго смысла въ молитвахъ, потому что всѣ молитвы они соединяютъ въ одну, но тѣмъ не менѣе они молятся искренно, и ихъ молитва всегда доступнѣе. Мы съ каждымъ часомъ ожидаемъ бомбардировки и потомъ штурма. Если бы они пошли на штурмъ безъ бомбардировки, то тогда имъ не обошлось бы дешево; но эта ужасная, губительная бомбардировка до того убиваетъ духъ въ войскахъ, что трудно себѣ представить. Говорятъ, что во французскомъ лагерѣ послѣ отбитія штурма было нѣчто въ родѣ бунта; собрались огромными массами и кричали: долой Пелисье! Но на бѣду кто-то закричалъ сзади: долой Наполеона! Да здравствуетъ республика! Всѣ и пристали къ этому голосу; а главнокомандующій въ это время собравъ тѣхъ, которые вѣрны ему, усмирилъ бунтующуюся толпу. Есть по крайней мѣрѣ пріятная надежда, что въ случаѣ вторично неудачнаго приступа, у французиковъ въ лагерѣ случится какое нибудь препорядочное дѣло; кому нибудь они да свернутъ голову, а намъ-бы только этого и нужно. На дняхъ умеръ

ть холеры Рагланъ. Вы представить себѣ не можете, что большая часть въ Севастополѣ жалѣютъ объ немъ; говорятъ, что назначутъ какого нибудь урода, который не будетъ такъ умѣючи распоряжаться своими англичанами, т. е. не будетъ такъ легко подводить ихъ подъ наши выстрѣлы; а кромѣ того, много еще значитъ то, что Рагланъ съ самаго начала былъ подъ Севастополемъ. Притомъ говорятъ, что нашъ штуцерной убилъ какого-то важнаго французскаго генерала, когда тотъ, придя на Камчатскій редутъ, вздумалъ осматривать нашъ курганъ. Это оказалось вотъ какимъ образомъ: штуцерной замѣтилъ, что на Камчаткѣ высунулась чья-то голова, и нисколько не мѣшкая свернулъ ее; въ это время видно было какъ бросилось къ этой несчастной жертвѣ большая свита; штуцерной объявилъ офицеру, что онъ убилъ или ранилъ какого-то важнаго франта, но ему сперва не повѣрили; на его счастье, черезъ нѣсколько дней передался одинъ французъ и объявилъ, что именно въ это время былъ убитъ штуцерной пулей генералъ на Камчатскомъ редутѣ; сейчасъ-же отыскали этого солдата, дали ему Георгіевскій крестъ, и кромѣ того главнокомандующій прислалъ ему 25 рублей серебромъ. Вотъ, подумаешь, времена пришли; за то, что убиваютъ людей. платятъ деньги совершенно какъ въ древнія времена. Противъ насъ французы ведутъ свои земляныя работы, и подобрались уже довольно близко; но это ничего; если у насъ за тѣмъ что выбудетъ изъ строя отъ бомбардировки, останется столько, сколько было при первомъ штурмѣ,

то тогда мы надѣемся его отбить. Нашъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ такой молодецъ, что чудо! Постарѣлъ немного, но это не бѣда; лишь бы остался живъ и не раненъ; а то если и онъ выбудетъ изъ нашей семьи, то тогда мы останемся совершенно одни; теперь только онъ одинъ и есть у насъ. Вѣрно въ Россіи дурныя дороги, потому что почта опаздываетъ два дня; говорятъ, сильная грязь; у насъ же погода просто чудо; лѣто такое, какого давно не было; нѣтъ этихъ страшныхъ жаровъ, какіе бывали въ прежніе годы.

Севастополь 1855 г. іюня 27 дня.

Вотъ черезъ три дня будетъ ровно 10 мѣсяцевъ, какъ первая нога непріятеля вступила на нашу землю; неужели дотянемъ мы до цѣлаго года? Вѣдь это цѣлая вѣчность, считая по севастопольскому календарю, т. е. мѣсяцъ за годъ. Теперь вышелъ циркуляръ, что Георгіевскіе кресты не будутъ давать за 25 лѣтъ, такъ что я потерялъ надежду имѣть его чрезъ нѣсколько лѣтъ, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Къ намъ войска все идутъ и идутъ, а движенія съ нашей стороны не дѣлается никакого, и Богъ знаетъ, будетъ ли дѣлаться. Французы усердно работаютъ надъ своими подступами, не смотря на то, что мы имъ мѣшаемъ постоянно своими выстрѣлами. На дняхъ нашъ секретъ схватилъ одного изъ французскаго секрета, и какъ мы ни старались выпытать у него что.нибудь, онъ рѣшительно ничего не сказалъ; ужасно хитрая ка-

налья! Должно быть изъ умныхъ. Впрочемъ, въ секретъ всегда высылаются люди надежные. Ужъ чего съ нимъ ни дѣлали; сперва ласкали, потомъ грозили, а наконецъ и напоили; но и въ пьяномъ видѣ онъ ничего не сказалъ. Вчера передъ заходомъ солнца 15 человѣкъ охотниковъ съ нашего кургана полѣзли, по балкѣ, чтобъ какъ только смеркнется захватить нѣсколькихъ французовъ, которые съ самаго утра подобравшись подъ батареи и залегши въ ямкахъ, цѣлый день тревожили насъ ружейными выстрѣлами. Какъ только стемнѣло и наша цѣпь тоже начала вступать въ свои мѣста, охотники бросились впередъ, за ними цѣпь, и вытѣснили изъ трехъ ложементовъ французовъ; дѣло не обошлось безъ потери, но она слава Богу, незначительна: всего 2 чел. убито и нѣсколько ранено. Французамъ при этомъ случаѣ досталось больше, потому что ихъ застали врасплохъ. Они собирались на работу. Трофеями этой схватки были кирки, лопаты, мѣшки и другіе инструменты. Послѣ этого ночью послали двѣ роты разрыть эти ложементы, что и удалось какъ нельзя лучше; по крайней мѣрѣ хоть на нѣсколько дней замедлили имъ работу; а то не по днямъ, а по часамъ подвигалась у нихъ работа впередъ. На другихъ укрѣпленіяхъ ничего не было въ это время. На дняхъ Кернъ узналъ, что Государь утвердилъ ему аренду на 12 лѣтъ, въ 800 рублей серебромъ въ годъ; онъ былъ чрезвычайно радъ этой наградѣ, тѣмъ болѣе, что у него есть сынъ, а слѣдовательно капиталъ этотъ можетъ всегда пригодиться, особенно, если хорошо имъ распорядиться,

то помощь большая для семейства его. И дѣйстви-
тельно, для семейнаго человѣка лучше этой награ[д]
нѣтъ ничего; никакой крестъ не доставитъ ему столь
существеннаго, сколько аренда. Про все это хлопо-
четъ Константинъ Николаевичъ. Сюда, недѣлю то[му]
назадъ Онъ прислалъ и другого еще чиновника, кото-
рый былъ бы въ помощь Мансурову, чтобъ непре-
мѣнно всѣ раненные чины морскаго вѣдомства не
нуждались бы ни въ чемъ. Досадно, что онъ далеко
отъ насъ, и что мы не можемъ лично принести ему
свою благодарность. Что-то дѣлается въ Балтійскомъ
флотѣ? Кажется и въ этотъ годъ у нихъ не будетъ ни-
какихъ серьезныхъ дѣйствій. Воображаю досаду офи-
церовъ, что они не могутъ отличиться, чтобъ хоть на
нѣсколько ступеней догнать насъ; потому что срав-
няться имъ нельзя; такъ какъ эта осада еще первая
подобнаго рода, и врядъ-ли будетъ когда нибудь по-
добная. Здѣсь уже пало съ обѣихъ сторонъ не менѣе
250 т. Я не считаю ихъ всѣхъ убитыми; нѣтъ; но
вѣдь безъ руки, или безъ ноги все равно что убитый.
если даже не хуже. Мы такъ, съ позволенія сказать,
осабачились за это время, что право поглупѣли всѣ:
да оно и не мудрено, когда умъ однимъ только и за-
нятъ; когда не только на яву, но и во снѣ тѣ-же пред-
меты, такъ то: сраженія, бомбардировки не оставляютъ
ни на минуту. Вѣдь рѣшительно въ голову ничего не
лѣзетъ. Передъ глазами все одни и тѣ-же предметы:
это батарея съ выглядывающими оттуда пушками:
просто бѣда, какъ надоѣло все это намъ; и сказать
ужъ нельзя! Жара настала у насъ препорядочная:

вслѣдствіе этого воздухъ сдѣлался чрезвычайно тяжелъ. Въ госпиталяхъ такъ ужасно! Рѣшительно нѣтъ средствъ тамъ лежать; и поэтому изъ пустой раны дѣлается серьезная. Сколько можно замѣтить, то зимой операціи переносятся гораздо легче чѣмъ лѣтомъ; да оно и понятно: человѣкъ въ силахъ. Иванъ мой какъ-то на дняхъ заболѣлъ холерой, но теперь ему гораздо легче; онъ почти каждую недѣлю ходитъ ко мнѣ на батарею, хотя я ему и приказывалъ, чтобъ онъ выбиралъ удобные моменты, когда, во первыхъ, пальбы меньше, а во вторыхъ, если есть что нибудь особенное, т. е. или письма, или что нибудь другое. Я готовъ пари держать, что нигдѣ нѣтъ столько мухъ, сколько у насъ на курганѣ; я въ первый разъ вижу такое количество; просто міріады. Вѣстовые наши то и дѣло занимаются тѣмъ, что выгоняютъ ихъ; но это нисколько не помогаетъ. Не правда ли, Надя, что уже изъ этого письма замѣтно какъ я поглупѣлъ, коли занимаюсь разговорами объ мухахъ; скажу правду, что рѣшительно ничего въ голову не лѣзетъ. Кажется, мирные переговоры кончились; а сперва было говорили, что Австрія и Пруссія объявили войну западнымъ державамъ. Можетъ быть, тогда они рѣшились бы снять осаду Севастополя. Неужели всѣ умныя головы, засѣдающія въ конференціяхъ, не въ состояніи избавить сотни тысячъ людей отъ погибели. Я такъ давно не читалъ газетъ, что рѣшительно не знаю, что дѣлается въ политическомъ свѣтѣ. Говорятъ, интересна была переписка графа Валевскаго съ нашими газетами, гдѣ

онъ намекаетъ, что во всемъ сошлись переговоры, но только одна задержка, это—въ числѣ русскаго флота; а въ нашихъ газетахъ отвѣчаютъ: что неужели какіе нибудь 14 кораблей русскихъ могутъ устрашить двѣ морскія державы, содержащія огромный флотъ. Вчера въ Севастополѣ служилъ Иннокентій, котораго прозвали златоустомъ за его проповѣди; но тутъ онъ кажется большихъ проповѣдей не говорилъ. Какъ говорятъ, онъ хотѣлъ обойдти бастіоны и благословить, но его главнокомандующій не пустилъ; а видѣть престарѣлаго старца съ крестомъ въ рукахъ, произвело бы большое впечатлѣніе на войска. Впрочемъ, и теперь духъ въ войскахъ у насъ превосходный, и всѣ жаждутъ идти впередъ, и пошли бы хорошо, если бы пустили. До свиданія, друзья мои; цѣлую васъ всѣхъ.

Севастополь 1855 г. іюня 30-го дня.

Грустно мнѣ писать это письмо, дорогіе мои друзья, но что-же дѣлать; и вы, вѣроятно еще прежде полученія этого письма, знали о незамѣнимой потерѣ, которую испыталъ нашъ Черноморскій флотъ. 28-го числа, въ 6 часовъ вечера, раненъ штуцерной пулей Павелъ Степановичъ Нахимовъ, и раненъ въ голову, такъ что рана чрезвычайно опасна; но что грустнѣе для меня, это то, что онъ раненъ на моей батареѣ. Вотъ подробности этого несчастія. 28-го числа, вечеромъ, мы служили вечерню передъ праздникомъ, и во время нашего служенія намъ дали знать, что

пріѣхалъ Павелъ Степановичъ и отправился на мою батарею. Кернъ и я сейчасъ-же побѣжали его встрѣтить, и застали его, осматривающаго непріятельскія работы. Я помню еще, какъ онъ узнавъ, что Кернъ былъ на молитвѣ, сказалъ ему: „зачѣмъ вы пришли? „я васъ вовсе не безпокою“. Осмотрѣвши работы непріятеля съ одной стороны, и такъ какъ моя батарея расположена полукругомъ, онъ пошелъ на другую сторону и, взойдя на барбетъ, устроенный для полевыхъ орудій, началъ осматривать работы, и хотя его предупреждали, чтобы не высовывался слишкомъ, но онъ, какъ и постоянно 10 мѣсяцевъ, не поберегъ себя и продолжалъ осматривать работы, совершенно высунувъ изъ за мѣшковъ голову; нѣсколько пуль просвистало мимо, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и продолжалъ смотрѣть; наконецъ какая-то проклятая ударила его въ голову, и ударъ былъ такъ силенъ, что Павелъ Степановичъ моментально упалъ на взничь, безъ чувствъ. Всѣ окружавшіе такъ и охнули, и у всѣхъ опустились руки. Я побѣжалъ поскорѣе за носилками, и потомъ уже увидѣлъ, какъ его сносятъ съ моей батареи. Между прочимъ, кровь изъ раны струится, я схватилъ свой носовой платокъ и перевязалъ имъ голову Павла Степановича. Когда его принесли на перевязочный пунктъ, устроенный на курганѣ, то тамъ сдѣлала ему настоящую перевязку сестра милосердія, которая живетъ у насъ на батареѣ. Оттуда Павла Степановича отвезли на сѣверную сторону въ домъ; и къ этому времени успѣли собраться доктора, которые, перевязавъ рану, увидѣли, что

кость черепа повреждена и черепъ вдался до мозга. Вотъ положеніе, въ какомъ находится Павелъ Степановичъ въ настоящее время: смотритъ на всѣхъ пристально, ни слова не можетъ выговорить, должно быть языкъ отнялся; одна рука разбита параличемъ, но сознаніе бываетъ порою; это можно заключить изъ того, что ему предлагали напиться морсу,— онъ отодвинулъ стаканъ рукой; потомъ ему хотѣли снять примочку съ головы, думая что она согрѣлась,— онъ рукой придержалъ ее, а черезъ ¼ часа самъ сталъ тащить ее; видно, бѣдный чувствуетъ себѣ облегченіе когда, примочка холодна. Формально ничего не ѣстъ и не пьетъ. Рана его вотъ какая: пуля ударила выше праваго глаза, и вышла позади виска. Страданіе должно быть очень сильно. Доктора говорятъ, что они не надѣются, но что бываютъ чудеса; а вообще эти раны чрезвычайно трудныя. Вы, конечно, можете себѣ представить все наше горе, когда всѣми любимый, какъ отецъ родной, и уважаемый, какъ хорошій и справедливый начальникъ, уже не въ состояніи распоряжаться нами; а мы безъ него сироты; онъ одинъ только у насъ и остался, который заботился о насъ и поддерживалъ духъ. Матросы жалѣютъ его какъ отца роднаго; они знаютъ его давно, и знаютъ какъ онъ объ нихъ всегда заботился; все свое довольствіе онъ раздавалъ имъ. Курганъ нашъ,—это проклятое мѣсто, гдѣ былъ убитъ Корниловъ, раненъ Павелъ Степановичъ; и убитъ тоже Истоминъ, хоть и не на этомъ самомъ курганѣ,—но онъ былъ начальникомъ на немъ все время.

И такъ, мы лишились всѣхъ трехъ адмираловъ, на которыхъ имѣли огромную надежду. Теперь изъ адмираловъ, которые были главными дѣйствующими лицами при оборонѣ Севастополя, остался только одинъ, это контръ-адмиралъ Панфиловъ, бывшій все время начальникомъ 3-го бастіона. Воображаю какъ огорчило Константина Николаевича извѣстіе о ранѣ Павла Степановича; онъ его чрезвычайно какъ любилъ и уважалъ. Дай Господи, чтобъ Павелъ Степановичъ выздоровѣлъ, тогда можетъ быть деревенскій воздухъ ему и помогъ бы нѣсколько. Но только, кажется, надежды питать нечего; рана слишкомъ тяжела; да и лѣта его не молодыя. А жаль его старика всѣмъ; даже солдаты, которые почти совсѣмъ его не знаютъ, и тѣ интересуются объ немъ и приходятъ съ участіемъ спрашивать объ его здоровьѣ. Теперь у насъ во флотѣ нѣтъ никого, ктобъ могъ замѣнить Павла Степановича. Ужъ не говорю про то, что добрыхъ и благородныхъ людей, какъ онъ, трудно и поискать на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Панфиловъ пока занялъ мѣсто Нахимова, но вѣроятно пріѣдетъ изъ Николаева Новосильскій. Но и десять адмираловъ не сдѣлаютъ того, что дѣлалъ одинъ Павелъ Степановичъ. Будемъ надѣяться, что авось Господь сжалится надъ нами и пошлетъ ему облегченіе; по крайней мѣрѣ хоть еще нѣсколько бы времени прожилъ. Да, признаться сказать, никто изъ насъ не думалъ, что Павелъ Степановичъ будетъ раненъ прежде насъ; всѣ какъ-то твердо вѣрили въ его счастливую звѣзду, потому

что съ самаго начала осады онъ нисколько не берегъ себя, и являлся всегда тамъ, гдѣ больше опасности. Сію секунду прислали намъ сказать, что Павелъ Степановичъ умеръ. Миръ праху твоему, добрый нашъ начальникъ, и вѣчная память! Вотъ какъ скоро переходитъ человѣкъ въ вѣчность. Пожалуйста, друзья мои, отслужите по немъ панихиду. Хоть вы его и не знали, но должны были любить, во первыхъ потому, что онъ былъ вѣрный слуга Царю и отечеству; а во вторыхъ, и человѣкъ такой благородной души, какихъ мало. Оно можетъ быть и къ лучшему, что онъ скончался; по крайней мѣрѣ не будетъ страдать. Жаль, что я не буду на похоронахъ; нельзя отлучиться съ батареи; но помолюсь за него одинъ искренно. Грустно, друзья мои, потерять такого человѣка, какъ Павелъ Степановичъ; повѣрите-ли, что при одной мысли объ этомъ, слезы навертываются на глазахъ. Вы, вѣроятно, помните, что вчера былъ день моего ангела. Я, конечно, не располагалъ его праздновать, да и какое веселье въ подобное время,—но вышло иначе. Только что кончилась обѣдня, меня подходитъ поздравлять мой Иванъ, пришедшій нарочно для этого, и объявляетъ, что онъ принесъ мнѣ пирогъ. Въ самомъ дѣлѣ, пирогъ былъ огромный и превкусный, но такъ какъ я не разсчитывалъ на него, то и вина не было, такъ что гг. офицеры питались сухояденіемъ, а кто хотѣлъ, тотъ запивалъ водой. Третьяго дня англичане ни съ того ни съ сего открыли бомбардировку по 3-му бастіону, и бросили чрезвычайно много

мортирныхъ бомбъ, что всего хуже; потеря на 3-мъ бастіонѣ была до 200 чел. И чортъ ихъ знаетъ! съ чего они это вздумали; по всей линіи тишина, а они тамъ валяютъ страшно. Мы думали, что вѣроятно послѣ этой бомбардировки они вздумаютъ двинуться на приступъ; но все прошло спокойно. Каждую минуту мы ожидаемъ, что начнется или бамбардировка, или приступъ; и по словамъ передавшихся непріятелей, нужно быть всегда готовымъ. Помоги намъ Господи отбить такъ-же удачно этотъ штурмъ, какъ и предыдущій; но все въ рукахъ Всевышняго. Ты пишешь, что носятся слухи у васъ, будто какой-то старикъ ходилъ по траншеямъ, и никто этого не замѣтилъ; можетъ и было это, но я что-то не слышалъ, по крайней мѣрѣ на нашей дистанціи этого не было; за это я могу тебѣ твердо поручиться. У насъ дѣла находятся все въ томъ же застоѣ какъ и были, мы сидимъ и ждемъ у моря погоды; князь Горчаковъ ничего не предпринимаетъ, дѣлалъ, правда, нѣсколько демонстрацій, но безъ всякихъ результатовъ. До свиданья, мои безцѣнные, дорогіе друзья.

Севастополь 1855 г. іюля 7-го дня.

Сегодня одинъ изъ нашихъ офицеровъ меня обрадовалъ; онъ ѣздилъ въ гарнизонный штабъ и говоритъ, что ему тамъ сказали, что за отбитіе штурма вышли награды, и я получилъ Анну 2-й ст.; это

значитъ на шею. Я вамъ писалъ уже, друзья мои, что мнѣ будетъ большая награда, но вы вѣроятно никакъ не ожидали, чтобъ вашъ маленькій братишка заслужилъ на 23 году отъ роду крестъ на шею, который дается въ мирное время только штабъ-офицерамъ. Теперь я на всякомъ мѣстѣ имѣю знакъ отличія какъ то: на шеѣ крестъ, на груди крестъ, а съ боку золотая сабля съ георгіевскимъ темлякомъ. Приказъ объ наградахъ еще не вышелъ, но выйдетъ, завтра, или сегодня вечеромъ. Теперь мнѣ больше нѣтъ наградъ, которыя заслуживаютъ въ оберъ-офицерскомъ чинѣ. Да; въ военное время можно заслужить такія награды, о которыхъ сперва и не мечталъ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли я думать, что буду имѣть крестъ на шеѣ на седмой годъ своей службы, тогда какъ мои товарищи въ томъ флотѣ недавно только что произведены въ лейтенанты и не имѣютъ никакого креста. Оттого то всѣ они такъ и завидуютъ намъ; а такъ какъ человѣкъ всегда недоволенъ своимъ настоящимъ, то и мы съ своей стороны завидуемъ имъ,—впрочемъ, наше дѣло другое, хочется нѣсколько отдохнуть, вѣдь быть постоянно въ тревогѣ чрезвычайно трудно и несносно, а мы ни днемъ, ни ночью не знаемъ покоя и должны ежеминутно ожидать или бомбардировки, или приступа, а главное—если бы знать, что эта попытка французовъ будетъ послѣдняя, то это еще куда ни шло, а то пожалуй вздумаютъ еще нѣсколько разъ пробовать удачи. Конца рѣшительно не видишь и знаешь, что еще много прольется

крови. Какъ къ непріятелю, такъ и къ намъ безпрестанно подходятъ подкрѣпленія. На дняхъ ожидаемъ прихода ополченцевъ и двухъ дивизій 2-го корпуса. Это составитъ порядочный резервъ, и если только тогда не двинутся наши впередъ, то можно будетъ окончательно назвать нашего главнокомандующаго нерѣшительнымъ; тѣмъ болѣе, что, какъ по всему видно, французы плохо отстаиваютъ свои траншеи, и если только передовые двинутся назадъ, то уже войско превращается въ стадо барановъ, которое ничѣмъ не остановишь, хоть и употребляютъ французскіе офицеры вспомогательныя средства, какъ-то: палки и кнуты; но и тогда ихъ не заставишь и этимъ двинуться впередъ. Наши-же солдатики съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дѣлаются обстрѣленными; а кромѣ того русскіе знамениты своимъ движеніемъ впередъ; ужъ если пойдутъ, то ихъ ничѣмъ не остановишь. То-то и бѣда, что въ маленькихъ вылазкахъ мы терпимъ больше потери, чѣмъ было бы, еслибъ солдаты не уходили слишкомъ впередъ; хоть и твердятъ имъ это, но ничего не помогаетъ. Какъ только непріятель начнетъ отступать, то они, не разсуждая, хорошо-ли это, худо-ли,—а идутъ впередъ. Съ такимъ войскомъ, при хорошихъ распоряженіяхъ, можно дѣлать чудеса; да Суворовъ это и доказалъ. Но, конечно, если сидѣть у моря, да ждать погоды, то всякая энергія пропадетъ; особенно, когда дуютъ со всѣхъ сторонъ и бомбами, и ядрами, такъ что и вздохнуть некогда. Непріятели наши раздѣлились,

и французы взяли себѣ Малаховъ курганъ, а англичане 3-й бастіонъ. Послѣдніе, какъ говорятъ, заготовляютъ страшное количество мортиръ и бомбъ. Эта бомбардировка, будетъ одна изъ ужаснѣйшихъ, потому что пальба будетъ на близкое разстояніе, и съ удвоеннымъ почти числомъ мортиръ. Сію секунду 4-й бастіонъ открылъ жесточайшую пальбу; причиной тому, кажется, было то, что показалось достаточное количество непріятельскихъ повозокъ на горѣ; на нашемъ-же флангѣ все тихо и спокойно; за то мы отдуваемся ночью, потому что стрѣляемъ изъ маленькихъ мортирокъ по ихъ работамъ, а они валяютъ намъ въ отвѣтъ. Вчерашній день нѣсколькими выстрѣлами они поранили у насъ человѣкъ до 20 на моей батареѣ; но это еще слава Богу, потому что пальба довольно сильная, и я думалъ, что потеря будетъ гораздо значительнѣе. Я писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ о смерти П. С. Нахимова, а теперь скажу какъ его хоронили. Онъ умеръ на Сѣверной сторонѣ, въ безпамятствѣ; и его въ тотъ-же день перевезли въ городъ на квартиру. Когда тѣло везли мимо флота, то онъ приспускалъ свои флаги до половины; этимъ у насъ отдается честь покойнику. Пока онъ лежалъ на квартирѣ, то надъ его тѣломъ читали постоянно монахи въ полномъ облаченіи, по собственному ихъ желанію. Въ парадѣ участвовали сводный флотскій батальонъ, одинъ армейскій при 6-и полевыхъ орудіяхъ. Панихиду въ церкви служили 14 священниковъ, изъ коихъ большая часть Синопскихъ монаховъ. Потомъ всѣ

матросы, бывшіе на парадѣ, прощались съ покойникомъ, почему и продолжалась церемонія долго. При опусканіи тѣла изъ этихъ батальоновъ и орудій сдѣланы были залпы, а когда тѣло покойнаго выносили изъ дома въ церковь, то тогда наши корабли приспускали флаги и салютовали тѣмъ числомъ выстрѣловъ, какое ему полагалось при жизни. Жаль было разстаться съ нимъ, друзья мои! Тѣмъ болѣе, что въ военное время онъ у всѣхъ у насъ былъ въ мысляхъ постоянно, какъ единственная наша надежда и опора. На его похоронахъ мы увидѣлись другъ съ другомъ и встрѣтились послѣ долгой разлуки; меня многіе считали изъ нашихъ офицеровъ убитымъ во время приступа на Камчатскій редутъ, и чрезвычайно удивились, видя меня цѣлымъ и невредимымъ. Нахимова положили вмѣстѣ съ тремя его товарищами: Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Въ короткое время мы лишились нашихъ самыхъ славныхъ адмираловъ, украшавшихъ собой Русскій флотъ. Тоска страшная; однѣ и тѣже физіономіи на курганѣ ужасно какъ надоѣли. Впрочемъ, мы вполнѣ пріучаемся къ долготерпѣнію. До свиданія; благословите.

Севастополь 1855 г. іюля 14-го дня.

Не знаю, передалъ ли тебѣ папаша, безцѣнный мой другъ, Надя, то письмо, въ которомъ я писалъ по прошедшей почтѣ, какъ меня страшнымъ обра-

зомъ надули въ полученіи ордена Св. Анны на шею. Это случилось оттого, что вышли награды за штурмъ только нѣкоторымъ, а именно: адъютантамъ; а такъ какъ моя фамилія стояла рядомъ съ адъютантомъ нашего отдѣленія, то офицеры въ генеральномъ штабѣ думали, что и я получилъ тоже, а на повѣрку оказалось совершенно противное. Но это ничего,— теперь по крайней мѣрѣ я узналъ къ чему представленъ, и вѣроятно въ скоромъ времени выйдутъ общія награды за штурмъ; и если только главнокомандующій не вздумаетъ перемѣнить представленіе это, то я и получу крестъ на шею. Скажу тебѣ откровенно, мой другъ, что мнѣ крѣпко хочется этого ордена; здѣсь поневолѣ сдѣлаешься немного честолюбивъ; но дѣло въ томъ, что честолюбіе это развивается вслѣдствіе своихъ трудовъ и опасностей жизни, поэтому оно и не можетъ считаться порокомъ. Не знаю, справедливы ли въ этомъ отношеніи мои сужденія, но мнѣ кажется, что подобное честолюбіе вещь позволительная, тѣмъ болѣе, если оно служитъ не столько для собственной своей цѣли, сколько для доставленія удовольствія своимъ роднымъ, которые могли бы гордиться своимъ родственникомъ. Что касается до всѣхъ моихъ желаній, то у меня только есть одно, это поскорѣе воротиться въ кругъ своего семейства, чтобъ пожить человѣческой жизнью, а не собачьей. Для насъ теперь всякая перемѣна въ нашемъ положеніи будетъ уже служить эпохой во всей жизни. Мы такъ свыклись съ настоящимъ положеніемъ, что намъ ка[illegible]

конечно, и что единственное средство избавиться отъ всего этого—когда или убьютъ, или ранятъ; потому что конца не видишь никакого. Всѣ наши предположенія останавливаются на томъ, что опять будутъ бомбардировка и штурмъ; болѣе же ожидать нечего. Французовъ Горчаковъ не выгонитъ, хоть прислать сюда еще болѣе войска. Наше дѣло сидѣть у моря и ждать погоды. Единственная наша надежда, это Господъ Богъ, который только Одинъ нашъ Помощникъ и Покровитель. Ты мнѣ писала, что будто у васъ носятся слухи о томъ, что Горчаковъ разбилъ на Черной 28 т. непріятеля; это вздоръ, и ты вѣроятно уже разувѣрилась въ этомъ изъ моихъ писемъ, въ которыхъ я постоянно упоминалъ были ли какія движенія на Черной, или нѣтъ. Скажи пожалуйста куда двигается наше смоленское ополченіе; дай Господи, чтобы только не къ Севастополю.... Теперь непріятель на самомъ носу и допекаетъ штуцерными пулями; напримѣръ, на моей батареѣ есть одно орудіе, противъ котораго въ близкомъ разстояніи сидятъ въ ложементахъ стрѣлки, и какъ только это орудіе выстрѣлитъ, то сейчасъ-же въ амбразуру летитъ цѣлый градъ пуль. Положимъ, что у насъ люди и закрыты отъ нихъ щитами, но другая пуля бьетъ съ страшной силой и, пробивая щитъ насквозь, убиваетъ человѣка наповалъ. Нужно отдать справедливость непріятельскимъ стрѣлкамъ: превосходно стрѣляютъ; можетъ быть и они похваливаютъ наши, но намъ не видать своихъ выстрѣловъ, и мы не можемъ судить о нихъ. Моціону

рѣшительно нѣтъ никакого, такъ что ходишь постоянно по своей батареѣ, и отъ нечего дѣлать пострѣливаешь въ непріятеля; впрочемъ, мое положеніе еще лучше другихъ, потому что я большую часть времени провожу у нашего начальника отдѣленія Ф. С. Керна; онъ постоянно кормитъ меня на убой; когда только не спишь дома, то сидишь у него. Превеселый и предобрый человѣкъ! Только у роднаго своего можно найдти такое радушіе какъ у него; отъ души желалъ бы ему всего лучшаго; чѣмъ онъ особенно мнѣ нравится, такъ это своей прямотой: онъ всѣмъ въ глаза говоритъ правду, и его начинаютъ понемногу называть безпокойнымъ человѣкомъ; но это ничего. Вотъ если бы отправить его въ Петербургъ, онъ тамъ поразсказалъ бы кое что, что говорится въ нѣкоторыхъ хорошихъ мѣстахъ. Ахъ, Надя, Надя! Когда кончится эта ужасная, кровопролитная война; сколько уже пало на полѣ храбрыхъ, и сколько еще падетъ впереди, просто волосъ дыбомъ становится. И кто это надоумилъ французовъ идти въ Севастополь! Какъ намъ, такъ и имъ нехорошо. Богъ знаетъ, кто находится въ лучшемъ состояніи! Какъ гарнизонная, такъ и траншейная службы чрезвычайно тяжелы. Намъ бы дождаться только зимы, а тамъ все будетъ легче; французы и англичане не привыкли къ нашимъ холодамъ, и если провели здѣсь зиму, то еще не можетъ служить доказательствомъ, что они въ состояніи будутъ выдержать и другую. Прошедшая зима была совсѣмъ не такая, какъ бываютъ обыкновенно у насъ въ Крыму. Сѣвер-

ныхъ вѣтровъ, самыхъ губительныхъ для здоровья, совсѣмъ не было; а у нихъ хоть и есть бараки, но всетаки нужно будетъ ходить въ траншеи на цѣлые сутки. Посмотримъ, что будетъ послѣ этой бомбардировки и приступа. Если Господь благословитъ намъ выдержать ихъ хорошо, то тогда, можетъ, быть и обстоятельства перемѣнятся въ нашу пользу. Я кажется тебѣ писалъ, что французамъ прислали латы для охотниковъ, которые пойдутъ впередъ на приступъ; поэтому у насъ есть распоряженіе, чтобы солдаты кололи штыками не въ грудь, а въ животъ, но больше-бы всего старались расколотить морду, на которой ужъ вѣроятно не будетъ латъ. Солдатики наши только посмѣиваются надъ этой защитой; т. е. съ каждымъ днемъ видишь все больше и больше, что съ этакими войсками можно не имѣть никакихъ препятствій. И что-же? Такіе золотые люди просто таятъ отъ бомбъ. Сердце болитъ, видя, что совершенно безъ всякой пользы погибаютъ цѣлыя тысячи просто золотыхъ людей. Мой Иванъ просто чудо! Онъ, не смотря на кучу летающихъ ядеръ, приходитъ довольно часто ко мнѣ на батарею. Я съ каждымъ днемъ все больше и больше люблю его. Благословите любящаго васъ всей душой брата.

Севастополь 1855 г. іюля 21-го дня.

...Къ намъ, сюда, пришли уже передовыя колонны [illegible]го ополченія, но я еще не видѣлъ ихъ, потому

что они не вошли въ самый Севастополь, а остановились на Сѣверной сторонѣ; хотѣлось бы посмотрѣть на это войско, и спросить: какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ первое ядро, просвиставшее надъ ихъ головами. Вѣдь мужички наши ничего еще даже подобнаго этому не только не слышали, но даже не предполагали. Ихъ бы слѣдовало бы пустить прямо на франйузовъ, т. е. сдѣлать движеніе впередъ и приказать непремѣнно занять какую нибудь батарею; тогда они, не видѣвшіе еще всѣхъ ужасовъ войны, и дѣйствуя сами, непремѣнно будутъ двигаться впередъ такъ сильно и твердо, что будетъ трудно держаться хоть любому обстрѣленному войску. Нѣсколько примѣровъ было такихъ, что полкъ, не обстрѣленный и никогда не слышавшій свиста пуль, дѣлалъ чудеса, тогда какъ другой полкъ, уже бывшій въ дѣлахъ, но испытавшій хоть разъ неудачу, идетъ въ бой съ меньшею увѣренностью, чѣмъ первый. Съ полками, занимающими гарнизонъ Севастополя, этого не можетъ случиться, потому что эти полки испытали столько, стоя во время бомбардировки у орудій въ прикрытіи, что теперь ихъ никакая непріятельская колонна не остановитъ, если только они уже пошли впередъ. Дай-то Господи, чтобы въ случаѣ движенія нашихъ впередъ, была бы намъ удача, или лучше сказать, благословеніе Бога. Пора-бы наконецъ намъ избавиться отъ этихъ докучливыхъ непріятелей, хоть Наполеонъ и говоритъ, что онъ употребитъ всѣ свои средства лишь бы только взять Севастополь; но это еще неизвѣстно, кто останется въ выигрышѣ: мы,

или они.... Награды за штурмъ еще не вышли, но въ штабѣ гарнизона говорили, что онѣ скоро должны выйти и тогда я васъ увѣдомлю, и то извѣстіе уже можете считать вѣрнымъ. Кернъ на дняхъ уѣхалъ въ Николаевъ на нѣсколько дней для свиданія съ своей женой. А славный человѣкъ этотъ Федоръ Сергѣевичъ, веселый, какихъ мало и безъ него на курганѣ ужасно скучно, особенно для меня, потому что все свободное время я проводилъ у него въ блиндажѣ.

Севастополь 1855 г. августа 1-го дня.

Что тебѣ сказать про себя, безцѣнный другъ мой, Надя; развѣ то, что я въ настоящее время нахожусь въ такомъ гадкомъ расположеніи духа, что наврядъ-ли ты, когда-нибудь увидишь меня въ подобномъ; это потому, что меня страшно бѣсятъ наши саперы и инженеры, которые формально ничего не хотятъ дѣлать по своей части; вѣроятно вслѣдствіе того, что Тотлебенъ боленъ, и надъ ними нѣтъ никакого начальства. Они рѣшительно никого знать не хотятъ, и я уже рѣшительно нѣсколько разъ открыто съ ними ругался. Въ самомъ дѣлѣ, возьми напримѣръ то: я батарейный командиръ и моя прямая обязанность та, чтобъ смотрѣть собственно за своею частью, т. е. за орудіями, и за мѣткой стрѣльбой; а исправленіе земляныхъ работъ лежитъ прямо на саперахъ; вѣдь въ газетахъ-же не пишутъ, что флотскіе исправляютъ валы и амбразуры, а пишутъ—что русскіе инженеры одни изъ лучшихъ инженеровъ, и всю честь обороны

отдаютъ имъ; но на дѣлѣ выходитъ вотъ что: — что мы, батарейные командиры заботимся о своихъ батареяхъ, не потому чтобъ намъ весело было работать, а потому что намъ приходится стоять за этими валами и наши лбы отвѣтятъ, ежели ядрами будетъ пробивать брустверъ насквозь; а между прочимъ видя прямую необходимость въ исправности бруствероvъ, — иначе непріятель можетъ сдѣлать брешь и тогда отбитіе штурма сдѣлается вдвое труднѣе, — мы не довѣряемъ никому и сами слѣдимъ за исправностью работъ. Что-же изъ этого вышло? То, что саперы ничего не дѣлаютъ, и надѣются на батарейныхъ командировъ; но мало того — не исполняютъ требованій послѣднихъ; напримѣръ: мнѣ нужно дѣлать исправленія и я принужденъ просить и умолять, чтобъ мнѣ дали рабочихъ людей, тогда какъ я могу прямо требовать и, въ случаѣ, если не исправятъ, то, что я считаю важнымъ — то: или жаловаться начальству, или-же подать рапортъ. Но на послѣднее на врядъ кто изъ флотскихъ рѣшится, потому что тогда всякій протрубитъ, что безпокойный человѣкъ. Саперы-же не хотятъ этого понимать, и поэтому формально ничего не дѣлаютъ *). Напримѣръ, вотъ случай, который со мною случился сегодня, и вслѣдствіе котораго я взбѣшенъ страшнымъ образомъ: на

*) Съ такою характеристикою всѣхъ вообще саперъ нельзя согласиться и авторъ очевидно писалъ это подъ живымъ впечатлѣніемъ кипучей дѣятельности гарнизона и съ живѣйшимъ желаніемъ, чтобы работы по исправленію укрѣпленій были столь же быстры, какъ быстро было ихъ разрушеніе.

моей батареѣ находится пороховой погребъ, который нѣсколько дней назадъ тому ночью, былъ нѣсколько поврежденъ непріятельскими бомбами, т. е. не самый погребъ, а насыпь на погребѣ. Я, зная всю важность пороховаго погреба, послалъ за саперным офицеромъ, но пока его нашли прошло болѣе часа; не ставши дожидаться этого господина, я самъ началъ исправлять поврежденія. На другой день я сказалъ, что поврежденіе это исправлено на скорую руку, и что его нужно исправить хорошенько. Что-жъ ты думаешь? Прошло два дня, а рабочихъ людей не назначаютъ для этой работы; наконецъ вчера я посылаю своего унтеръ-офицера сказать, чтобъ были рабочіе люди. Ихъ опять нѣтъ. Сегодня тоже самое. А если только еще попадетъ непріятельская бомба, то насыпь совершенно обрушится и завалитъ входъ въ погребъ такъ, что будетъ почти невозможно достать картузовъ для орудій. Во-первыхъ, саперный офицеръ обязанъ каждый вечеръ передъ закатомъ солнца обойдти все укрѣпленіе и осмотрѣть какъ работы должны быть произведены ночью; а офицера я уже не вижу нѣсколько дней; между тѣмъ какъ рабочихъ людей назначаетъ онъ. Поэтому ты можешь судить, каково мнѣ смотрѣть на такую убійственную хладнокровность этихъ господъ; тогда какъ самъ бьешся изо всѣхъ силъ, чтобъ только сдѣлать лучшее. А вѣдь какъ они кричатъ о себѣ: — что мы то и то; однимъ словомъ, они совершенно подобны „гусямъ“ въ баснѣ Крылова. И я вобѣшенъ на нихъ и громко кричу о нихъ, ни[redacted] не боясь, что мнѣ могутъ дать прозваніе:

„безпокойнаго"; но зная свое справедливое требованіе, я хоть сейчасъ готовъ идти съ любыми изъ нихъ на судъ. Спросите у всякаго батарейнаго командира, и онъ тоже самое подтвердитъ что и я, потому что все это дѣйствительно правда. Въ началѣ осады еще много изъ нихъ было дѣльныхъ офицеровъ, но теперь, чѣмъ дальше тѣмъ хуже. Особенно наше несчастье, что заболѣлъ Тотлебенъ; съ его болѣзни, они окончательно не хотятъ ничего дѣлать. У насъ новаго рѣшительно ничего нѣтъ; повидимому французы хотятъ задать намъ бомбардировку, какой еще подобной не было во все время осады. Они ставятъ страшное количество мортиръ. Посмотримъ, что они сдѣлаютъ этой бомбардировкой. Положимъ, убыль у насъ будетъ огромная, но все-таки на штурмъ имъ нужно будетъ идти; а когда дѣло завяжется штыковое, то тогда наши постоятъ за себя. Дай Господи вамъ, дорогіе мои, всего лучшаго.

Севастополь 1855 г. августа 8-го дня.

Это письмо мое, другъ мой безцѣнный, Надя, будетъ короткое; потому что вотъ уже 4 дня какъ нашъ курганъ бомбардируютъ. Эта бомбардировка—пятая, которую я выдерживаю, и довольно сильная, потому что французы выстроили на нашемъ Камчатскомъ редутѣ въ два ряда батареи, и кромѣ того чрезвычайно много мортиръ, огонь которыхъ есть самый губительный. Первый день бомбардировки открылся 5-го августа, и открылся съ разсвѣтомъ, сперва на

3-мъ бастіонѣ, а чрезъ полчаса накинулись и на наше отдѣленіе. На городовой-же сторонѣ всѣ эти дни было чрезвычайно тихо; развѣ изрѣдка противъ 4-го бастіона сдѣлаетъ кто-нибудь взрывъ. Про бомбардировку писать тебѣ нечего, потому что всякому извѣстно, что ужаснѣе этого ничего нѣтъ; а тѣмъ болѣе теперь, когда непріятельскія батареи совершенно на носу. Главная непріятность это то, что днемъ нельзя дѣлать исправленій: штуцерныя пули не позволяютъ нетолько высунуть головы, но даже руки. Съ каждымъ часомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе. Такъ все опротивѣло, что ей, ей—силъ нѣтъ! и готовъ-бы былъ пойдти сейчасъ-же на каторжную работу въ Сибирь, хоть на цѣлый вѣкъ, лишь-бы выйдти изъ Севастополя; потому что видѣть е ж е м и н у т н о передъ собою страданія людей, — нѣтъ средствъ! И кромѣ того, знаешь почти навѣрно, что непріятель не держитъ большихъ войскъ на батареѣ, и поэтому у него и урона нѣтъ такого какъ у насъ. Но досаднѣе всего это то, что на каждый нашъ выстрѣлъ они отвѣчаютъ десятью. Наши заводы не успѣваютъ дѣлать такого количества снарядовъ, какое нужно выпускать, чтобъ нанести хоть небольшой вредъ непріятелю; и кромѣ того подвозъ на телѣгахъ гораздо неудобнѣе, чѣмъ подвозъ на пароходахъ, на которыхъ непріятель доставляетъ все, что только ему нужно. Нѣсколько дней тому назадъ мы всѣ были вполнѣ увѣрены, что все скоро кончится, и въ нашу пользу; потому что Горчаковъ рѣшился начать наступательныя дѣйствія, и 4-го августа дѣй-

что они не вошли въ самый Севастополь, а остановились на Сѣверной сторонѣ; хотѣлось бы посмотрѣть на это войско, и спросить: какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ первое ядро, просвиставшее надъ ихъ головами. Вѣдь мужички наши ничего еще даже подобнаго этому не только не слышали, но даже не предполагали. Ихъ бы слѣдовало бы пустить прямо на франйузовъ, т. е. сдѣлать движеніе впередъ и приказать непремѣнно занять какую нибудь батарею; тогда они, не видѣвшіе еще всѣхъ ужасовъ войны, и дѣйствуя сами, непремѣнно будутъ двигаться впередъ такъ сильно и твердо, что будетъ трудно держаться хоть любому обстрѣленному войску. Нѣсколько примѣровъ было такихъ, что полкъ, не обстрѣленный и никогда не слышавшій свиста пуль, дѣлалъ чудеса, тогда какъ другой полкъ, уже бывшій въ дѣлахъ, но испытавшій хоть разъ неудачу, идетъ въ бой съ меньшею увѣренностью, чѣмъ первый. Съ полками, занимающими гарнизонъ Севастополя, этого не можетъ случиться, потому что эти полки испытали столько, стоя во время бомбардировки у орудій въ прикрытіи, что теперь ихъ никакая непріятельская колонна не остановитъ, если только они уже пошли впередъ. Дай-то Господи, чтобы въ случаѣ движенія нашихъ впередъ, была бы намъ удача, или лучше сказать, благословеніе Бога. Пора-бы наконецъ намъ избавиться отъ этихъ докучливыхъ непріятелей, хоть Наполеонъ и говоритъ, что онъ употребитъ всѣ свои средства лишь бы только взять Севастополь; но это еще неизвѣстно, кто останется въ выигрышѣ: мы,

или они.... Награды за штурмъ еще не вышли, но въ штабѣ гарнизона говорили, что онѣ скоро должны выйти и тогда я васъ увѣдомлю, и то извѣстіе уже можете считать вѣрнымъ. Кернъ на дняхъ уѣхалъ въ Николаевъ на нѣсколько дней для свиданія съ своей женой. А славный человѣкъ этотъ Федоръ Сергѣевичъ, веселый, какихъ мало и безъ него на курганѣ ужасно скучно, особенно для меня, потому что все свободное время я проводилъ у него въ блиндажѣ.

Севастополь 1855 г. августа 1-го дня.

Что тебѣ сказать про себя, безцѣнный другъ мой, Надя; развѣ то, что я въ настоящее время нахожусь въ такомъ гадкомъ расположеніи духа, что наврядъ-ли ты, когда-нибудь увидишь меня въ подобномъ; это потому, что меня страшно бѣсятъ наши саперы и инженеры, которые формально ничего не хотятъ дѣлать по своей части; вѣроятно вслѣдствіе того, что Тотлебенъ боленъ, и надъ ними нѣтъ никакого начальства. Они рѣшительно никого знать не хотятъ, и я уже рѣшительно нѣсколько разъ открыто съ ними ругался. Въ самомъ дѣлѣ, возьми напримѣръ то: я батарейный командиръ и моя прямая обязанность та, чтобъ смотрѣть собственно за своею частью, т. е. за орудіями, и за мѣткой стрѣльбой; а исправленіе земляныхъ работъ лежитъ прямо на саперахъ; вѣдь въ газетахъ-же не пишутъ, что флотскіе исправляютъ валы и амбразуры, а пишутъ—что русскіе инженеры одни изъ лучшихъ инженеровъ, и всю честь обороны

отдаютъ имъ; но на дѣлѣ выходитъ вотъ что: — что мы, батарейные командиры заботимся о своихъ батареяхъ, не потому чтобъ намъ весело было работать, а потому что намъ приходится стоять за этими валами и наши лбы отвѣтятъ, ежели ядрами будетъ пробивать брустверъ насквозь; а между прочимъ видя прямую необходимость въ исправности бруствероvъ, — иначе непріятель можетъ сдѣлать брешь и тогда отбитіе штурма сдѣлается вдвое труднѣе, — мы не довѣряемъ никому и сами слѣдимъ за исправностью работъ. Что-же изъ этого вышло? То, что саперы ничего не дѣлаютъ, и надѣются на батарейныхъ командировъ; но мало того — не исполняютъ требованій послѣднихъ; напримѣръ: мнѣ нужно дѣлать исправленія и я принужденъ просить и умолять, чтобъ мнѣ дали рабочихъ людей, тогда какъ я могу прямо требовать и, въ случаѣ, если не исправятъ, то, что я считаю важнымъ — то: или жаловаться начальству, или-же подать рапортъ. Но на послѣднее на врядъ кто изъ флотскихъ рѣшится, потому что тогда всякій протрубитъ, что безпокойный человѣкъ. Саперы-же не хотятъ этого понимать, и поэтому формально ничего не дѣлаютъ *). Напримѣръ, вотъ случай, который со мною случился сегодня, и вслѣдствіе котораго я взбѣшенъ страшнымъ образомъ: на

*) Съ такою характеристикою всѣхъ вообще саперъ нельзя согласиться и авторъ очевидно писалъ это подъ живымъ впечатлѣніемъ кипучей дѣятельности гарнизона и съ живѣйшимъ желаніемъ, чтобы работы по исправленію укрѣпленій были столь же быстры, какъ быстро было ихъ разрушеніе. Ред.

моей батареѣ находится пороховой погребъ, который нѣсколько дней назадъ тому ночью, былъ нѣсколько поврежденъ непріятельскими бомбами, т. е. не самый погребъ, а насыпь на погребѣ. Я, зная всю важность пороховаго погреба, послалъ за саперным офицеромъ, но пока его нашли прошло болѣе часа; не ставши дожидаться этого господина, я самъ началъ исправлять поврежденія. На другой день я сказалъ, что поврежденіе это исправлено на скорую руку, и что его нужно исправить хорошенько. Что-жъ ты думаешь? Прошло два дня, а рабочихъ людей не назначаютъ для этой работы; наконецъ вчера я посылаю своего унтеръ-офицера сказать, чтобъ были рабочіе люди. Ихъ опять нѣтъ. Сегодня тоже самое. А если только еще попадетъ непріятельская бомба, то насыпь совершенно обрушится и завалитъ входъ въ погребъ такъ, что будетъ почти невозможно достать картузовъ для орудій. Во-первыхъ, саперный офицеръ обязанъ каждый вечеръ передъ закатомъ солнца обойдти все укрѣпленіе и осмотрѣть какъ работы должны быть произведены ночью; а офицера я уже не вижу нѣсколько дней; между тѣмъ какъ рабочихъ людей назначаетъ онъ. Поэтому ты можешь судить, каково мнѣ смотрѣть на такую убійственную хладнокровность этихъ господъ; тогда какъ самъ бьешся изо всѣхъ силъ, чтобъ только сдѣлать лучшее. А вѣдь какъ они кричатъ о себѣ: — что мы то и то; однимъ словомъ, они совершенно подобны „гусямъ“ въ баснѣ Крылова. И я взбѣшенъ на нихъ и громко кричу о нихъ, нисколько не боясь, что мнѣ могутъ дать прозваніе:

„безпокойнаго“; но зная свое справедливое требованіе, я хоть сейчасъ готовъ идти съ любыми изъ нихъ на судъ. Спросите у всякаго батарейнаго командира, и онъ тоже самое подтвердитъ что и я, потому что все это дѣйствительно правда. Въ началѣ осады еще много изъ нихъ было дѣльныхъ офицеровъ, но теперь, чѣмъ дальше тѣмъ хуже. Особенно наше несчастье, что заболѣлъ Тотлебенъ; съ его болѣзни, они окончательно не хотятъ ничего дѣлать. У насъ новаго рѣшительно ничего нѣтъ; повидимому французы хотятъ задать намъ бомбардировку, какой еще подобной не было во все время осады. Они ставятъ страшное количество мортиръ. Посмотримъ, что они сдѣлаютъ этой бомбардировкой. Положимъ, убыль у насъ будетъ огромная, но все-таки на штурмъ имъ нужно будетъ идти; а когда дѣло завяжется штыковое, то тогда наши постоятъ за себя. Дай Господи вамъ, дорогіе мои, всего лучшаго.

Севастополь 1855 г. августа 8-го дня.

Это письмо мое, другъ мой безцѣнный, Надя, будетъ короткое; потому что вотъ уже 4 дня какъ нашъ курганъ бомбардируютъ. Эта бомбардировка—пятая, которую я выдерживаю, и довольно сильная, потому что французы выстроили на нашемъ Камчатскомъ редутѣ въ два ряда батареи, и кромѣ того чрезвычайно много мортиръ, огонь которыхъ есть самый губительный. Первый день бомбардировки открылся 5-го августа, и открылся съ разсвѣтомъ, сперва на

3-мъ бастіонѣ, а чрезъ полчаса накинулись и на наше отдѣленіе. На городовой-же сторонѣ всѣ эти дни было чрезвычайно тихо; развѣ изрѣдка противъ 4-го бастіона сдѣлаетъ кто-нибудь взрывъ. Про бомбардировку писать тебѣ нечего, потому что всякому извѣстно, что ужаснѣе этого ничего нѣтъ; а тѣмъ болѣе теперь, когда непріятельскія батареи совершенно на носу. Главная непріятность это то, что днемъ нельзя дѣлать исправленій: штуцерныя пули не позволяютъ нетолько высунуть головы, но даже руки. Съ каждымъ часомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе. Такъ все опротивѣло, что ей, ей—силъ нѣтъ! и готовъ-бы былъ пойдти сейчасъ-же на каторжную работу въ Сибирь, хоть на цѣлый вѣкъ, лишь-бы выйдти изъ Севастополя; потому что видѣть ежеминутно передъ собою страданія людей, — нѣтъ средствъ! И кромѣ того, знаешь почти навѣрно, что непріятель не держитъ большихъ войскъ на батареѣ, и поэтому у него и урона нѣтъ такого какъ у насъ. Но досаднѣе всего это то, что на каждый нашъ выстрѣлъ они отвѣчаютъ десятью. Наши заводы не успѣваютъ дѣлать такого количества снарядовъ, какое нужно выпускать, чтобъ нанести хоть небольшой вредъ непріятелю; и кромѣ того подвозъ на телѣгахъ гораздо неудобнѣе, чѣмъ подвозъ на пароходахъ, на которыхъ непріятель доставляетъ все, что только ему нужно. Нѣсколько дней тому назадъ мы всѣ были вполнѣ увѣрены, что все скоро кончится, и въ нашу пользу; потому что Горчаковъ рѣшился начать наступательныя дѣйствія, и 4-го августа дѣй-

ствительно двинулся чрезъ Черную рѣчку. Наши пошли впередъ молодцами, взяли нѣсколько батарей, но французы собравшись въ огромныхъ силахъ, вытѣснили нашихъ обратно. Въ этомъ дѣлѣ были убиты 3 нашихъ генерала: корпусный командиръ Реадъ, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; генералъ-адъютантъ Вревской; и артиллерійскій генералъ Гагеманъ. Подробностей этого дѣла я еще самъ не знаю, потому что на другой-же день открылась бомбардировка на нашемъ отдѣленіи, и продолжалась до сего времени; но теперь намъ будто нѣсколько легче. Потеря въ этомъ дѣлѣ кажется была довольно значительная, и теперь, посуди каково наше положеніе, — когда мы видимъ, что надежды наши не сбылись. Главное что непріятно, такъ это то, что французы чрезвычайно окуражены и духъ ихъ опять поднялся; такъ что они забыли про отбитый штурмъ 6-го іюня. Видно Господь прогнѣвался на русскій народъ, что не даетъ намъ побѣдъ, и съ каждымъ днемъ наше положеніе дѣлается все хуже и хуже; непріятель подвигается все ближе и ближе, и строитъ новыя батареи. Но мнѣ кажется, что скоро все это разыграется, потому что зима подходитъ уже. Ни въ одну войну не пролито столько крови, сколько въ эту. Вѣдь съ 5-го октября прошлаго года не было ни одного дня, въ который-бы не хоронили нѣсколько десятковъ жертвъ. Но, что про это толковать! Всякій давно это понялъ; потому что мнѣ кажется, что всякій имѣетъ или имѣлъ здѣсь родственниковъ, которыхъ теперь не стало. Боже

лось сиротъ, и сколько родителей потеряло своихъ дѣтей! Обнимаю тебя отъ всего сердца и прошу— благослови.

Севастополь 1855 г. августа 25-го дня.

Ты не повѣришь, другъ мой Надя, какъ мнѣ досадно, что наше Смоленское ополченіе направили тоже на Севастополь. Ужь лучше-бы я одинъ здѣсь страдалъ! Кто говоритъ, конечно для меня будетъ огромное удовольствіе встрѣтиться со своими родными, но я готовъ лишиться-бы этого удовольствія, лишь-бы всѣ мои дорогіе друзья и братья не подходили близко къ Севастополю. Севастополь — это бездонная кадка! Сколько ни шли сюда войска, всѣмъ мѣсто найдется. Мнѣ такъ опротивѣлъ Севастополь, что я тебѣ и выразить не могу. Скоро будетъ годъ какъ уже началась эта кровопролитная война на нашей сторонѣ; а теперь становится съ каждой минутой все труднѣе; и Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится! Каждый день все убываетъ и убываетъ людей, а французы своими работами подходятъ все ближе. Самое близкое разстояніе отъ насъ есть 100 шаговъ. Неправда ли, что подобное сосѣдство неслишкомъ-то пріятно? А тѣмъ болѣе, когда поддерживаютъ постоянно ружейный огонь. Рѣшительно нельзя смотрѣть въ дырочку: сейчасъ же нѣсколько пуль ударитъ въ мѣшки кругомъ. Ну, Надя! Теперь это ужъ

вѣрно, что я получилъ за штурмъ Анну 2-й степени и третьяго дня, съ крестомъ на шеѣ, отправился благодарить начальство. До Хрулева я дошелъ благополучно, но до князя Васильчикова не въ состояніи былъ, потому что на пути нужно было зайдти къ знакомымъ, и вездѣ были представлены законныя причины, по которымъ слѣдовало в ы п и т ь; такъ что вмѣсто князя Васильчикова я завернулъ къ его адъютанту, и тамъ пролежалъ вплоть до вечера; а вечеромъ уже неприлично было идти къ его сіятельству. Вотъ, подумаешь, въ какое короткое время и какихъ почестей дослужился, сперва мнѣ казалось, что я никогда не достигну того чтобы имѣть крестъ на шеѣ, а теперь уже щеголяю по своей батареѣ; но меня не радуютъ всѣ эти награды, потому что Богъ знаетъ прійдется ли ихъ всѣхъ разомъ носить. Когда это кончится? Мы начинаемъ терять всякое терпѣніе; да и не мудрено! Вѣдь каждый день одно и тоже, да и впереди не видишь ничего. Кромѣ того досадно видѣть, что противники наши обладаютъ такими средствами, какими мы — не въ состояніи. Оно, конечно, бѣдной нашей Россіи трудно, но все-таки отъ людей, которые имѣютъ вѣсъ, зависитъ поправить многое, и этимъ конечно значительно облегчить положеніе гарнизона. Видно мы прогнѣвали Бога, что наше дѣло 4-го августа не удалось. Всякій солдатъ шелъ впередъ какъ сумасшедшій, и готовъ былъ положить свою жизнь, чтобъ уже однимъ разомъ покончить съ Севастополемъ; но къ несчастью, послѣ того намъ пришлось еще многое испытать, и потерять отличныхъ офице-

ровъ и солдатъ вслѣдствіе бомбардировокъ, которыя теперь постоянно поддерживаются. Откуда у французовъ берется такое огромное количество снарядовъ, это рѣшительно намъ непонятно. Можно навѣрное сказать, что они выпускаютъ въ десять разъ болѣе нашего снарядовъ, и конечно вредъ, приносимый нами имъ нельзя сравнить съ тѣмъ, какой они дѣлаютъ намъ. Солдаты наши просто молодцы, и желаютъ только одного: чтобы французы шли поскорѣе на приступъ. Какъ-то Богъ намъ поможетъ отбить этотъ разъ! Если-жъ мы только отобьемъ, то право не совѣстно будетъ французамъ отступиться отъ насъ и уйдти во свояси. Вѣдь и имъ не слишкомъ-то весело здѣсь; особенно, если и второй приступъ не удастся. Досадно только то, что дѣло 4-го автуста сильно подняло духъ у нашихъ непріятелей, тогда какъ на нашихъ оно подѣйствовало совершенно обратно. Вѣдь какое горькое разочарованіе! Думали, что все скоро кончится, и опять вдругъ приходится претерпѣвать Богъ знаетъ что... Неужели за все наше терпѣніе, намъ не удастся ни одного разу побить хорошенько французовъ; и неужто Наполеонъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой кутерьмы; вѣдь онъ заварилъ всю эту кашу. Недѣлю тому назадъ я былъ на отдыхѣ, и воспользовался этимъ временемъ, чтобъ объѣздить позиціи, гдѣ росположены наши войска. Признаюсь, мнѣ чрезвычайно хотѣлось пробыть на отдыхѣ еще нѣсколько дней, но нельзя было; потому что былъ отпущенъ всего на нѣсколько дней. Да! Севастополю пришлось испытать столько, сколько можетъ быть никогда не

придется никакому городу въ мірѣ; потому что современемъ не будетъ войны; средства къ уничтоженію людей съ каждымъ днемъ все усиливаются; и не мудрено, если выдумаютъ какую-нибудь машину, которая однимъ разомъ будетъ уничтожать тысячу людей. Когда я пишу это письмо, то идетъ сильная перестрѣлка на городской сторонѣ; это уже второй день, что они усилили пальбу и производятъ бомбардировку. Это значитъ, что нужно ожидать чего-нибудь особеннаго, тѣмъ болѣе что сегодня и завтра: два дня бородинскихъ сраженій; и такъ какъ французы считаютъ, это знаменитое дѣло выиграннымъ, то не мудрено, что попробуютъ сдѣлать что-нибудь и съ Севастополемъ. Обнимаю тебя отъ души, и прошу благослови.

Николаевъ 1855 г. сентября 23-го дня.

Вотъ уже три дня, какъ я въ Николаевѣ, другъ мой, Надя! И съ первой-же отходящей почтой пишу къ тебѣ. Если ты получила мое письмо изъ Симферополя, то вѣроятно знаешь, что я адъютантомъ въ экипажѣ; а у насъ адъютантъ тоже что и казначей, т. е. полный хозяинъ экипажа по письменной части, исключая конечно денежной; поэтому ты можешь судить, сколько мнѣ дѣла, особенно послѣ того, какъ мы вышли изъ Севастополя бросивши все, и не зная даже сколько людей въ экипажѣ, потому что всѣ

люди были по разнымъ батареямъ, и ихъ трудно было собрать. Давно не былъ я одинъ, всегда было нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ, и конечно развлекался, но теперь я сижу совершенно одинъ на квартирѣ и ничто не можетъ помѣшать мнѣ, потому что товарищъ, съ которымъ я живу уже спитъ непробуднымъ сномъ. Я хочу описать тебѣ все какъ было съ 27 числа прошлаго мѣсяца. Нужно тебѣ сказать, что за три дня передъ этимъ, французы открыли сильную бомбардировку по городской нашей части. Бомбардировка эта была ужасная; пальба все разрывными снарядами, и надъ нашими батареями постоянно стоялъ столбъ пыли, отъ взрыва этихъ бомбъ, или въ траверзѣ, или въ брустверѣ. На нашей-же сторонѣ она была легче; но за два часа передъ штурмомъ они открыли тоже со всѣхъ своихъ батарей имѣющихъ мортиры; и такъ какъ у насъ укрѣпленія еще до этого были почти разрушены, то непріятелю и легко было засыпать намъ амбразуры, и тѣмъ уничтожить дѣйствіе нашей артиллеріи. Кромѣ того, передъ нашимъ Малаховымъ курганомъ они взорвали три каменометные фугаса, и тѣмъ соединили свою передовую траншею съ этими большими ямами, образовавшимися отъ этихъ взрывовъ. Эти ямы они наполнили людьми, которые находились отъ насъ не болѣе какъ въ 15-ти саженяхъ; всего значитъ 40 шаговъ. Мы, конечно, ожидали приступа, но не могли держать большаго гарнизона открыто, потому что потеря отъ бомбардировки была огромная. Въ 1-мъ часу по полудни, по третьему залпу съ батарей, французы бросились на

приступъ, и такъ какъ разстояніе было не большое, то они очень скоро очутились на нашемъ валу. У насъ-же на банкетахъ не было достаточно людей, чтобы отбить ихъ первый напоръ; а войска бывшія на курганѣ, были не изъ числа хорошо обстрѣленныхъ, то и отступили. Конечно, тревога разошлась повсюду, и тотчасъ-же начали подходить къ намъ резервы подъ командою генерала Хрулева, который молодцомъ, на конѣ впереди, велъ въ атаку резервы. Первое, что онъ сдѣлалъ, это то, что опрокинулъ французовъ съ лѣвой стороны Малахова кургана, гдѣ французы уже прорвались за вторую линію. Прогнавши тамъ, онъ проѣхалъ на курганъ, и тамъ, въ серединѣ кургана, гдѣ было жарко на порядкахъ, онъ начиналъ брать перевѣсъ, и уже наши подавались впередъ, какъ, къ несчастью, въ это время ранило Хрулева въ руку пулей. Такъ какъ здѣсь не случилось генерала могущаго принять тотчасъ-же команду, то войска наши нѣсколько потерялись, и французамъ удалось вытѣснить нашихъ за курганъ ко второй линіи, (оборонительной), которая отдѣляется отъ Малахова кургана рвомъ. И на этомъ-то маленькомъ пространствѣ, до самаго разсвѣта слѣдующаго дня была жаркая ружейная перестрѣлка. Бѣда наша та, что Малаховъ курганъ сзади гораздо неприступнѣе, чѣмъ спереди, и потому намъ выбивать изъ него непріятеля было гораздо труднѣе, чѣмъ ему брать его. Князь Горчаковъ, зная это, и не хотѣвши терять много людей, не рѣшался снова его атаковать, и приказалъ держаться за второй оборонительной

линіей. Дѣло подходило къ вечеру и французы вездѣ были опрокинуты, кромѣ Малахова кургана, куда и поведена была главная ихъ атака. Главнокомандующій рѣшилъ бросить южную сторону, и потому съ закатомъ солнца, когда все стемнѣло, войска наши начали отступать черезъ мостъ. Отступленіе было сдѣлано въ порядкѣ; и по мѣрѣ того какъ войска уходили съ бастіоновъ, тамъ взрывались пороховые погреба и зажигался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ городъ. Къ разсвѣту всѣ наши войска переправились на Сѣверную сторону, мостъ разобрали, а городъ находился весь въ пламени. Ночью потопили всѣ наши корабли, свезя съ нихъ одну только команду. Про картину тебѣ нечего писать; она была великолѣпно-ужасная.

Грустно было оставлять Севастополь такъ долго нами защищаемый; но съ другой утѣшался тѣмъ, что уже не будетъ проливаться столько крови, сколько въ послѣднее время. Повѣришь-ли, что въ эту бомбардировку выбывало изъ строя каждодневно около двухъ съ половиною тысячъ. Это ужасно! Не знаю, какъ Богъ сохранилъ меня, но судьбы Его неисповѣдимы. Мы еще тверже въ этомъ увѣрились, послѣ двухъ примѣровъ, а именно: одинъ нашъ штабъ-офицеръ всю осаду прослужилъ на Сѣверной сторонѣ, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, и во время самаго штурма поѣхалъ на батарею, куда за все время очень мало попадало непріятельскихъ бомбъ; и что-же! Туда ихъ было пущено всего нѣсколько, и одной бомбой ему оторвало обѣ ноги.

Другой примѣръ: офицеръ съ нашего корабля все время прослужилъ на 4 бастіонѣ, и былъ тамъ безсмѣнно, и въ день штурма пріѣхалъ на корабль обѣдать и во время обѣда ему оторвало обѣ ноги. Ну не судьба ли это? Послѣ отступленія, было сдѣлано распоряженіе чтобъ флотскіе чины собирались за 5 верстъ, въ долину Бельбека; гдѣ мы и расположились лагеремъ, т. е. на бивакахъ. Черезъ нѣсколько дней главнокомандующій рѣшилъ отправить половину экипажей въ Николаевъ; и нашъ попалъ въ это число. Такимъ образомъ 3-го сентября мы выступили изъ Севастополя. Никогда я не предполагалъ, что мнѣ придется идти пѣшкомъ съ своимъ экипажемъ. Больныхъ у насъ было слава Богу не много; такъ что нашъ командиръ рѣшилъ идти безъ дневокъ, и 17-го сентября мы были въ Херсонѣ, а въ Николаевъ прибыли 19-го числа; однимъ словомъ, мы предупредили нашъ маршрутъ 5-ю днями. Когда подходили къ мѣсту своихъ квартиръ, насъ догналъ Государь; мы остановились; Государь, поздоровавшись съ матросами, благодарилъ ихъ за службу, сказалъ очень много любезнаго, и приказалъ вести насъ на квартиры. Послѣ Него, пріѣхалъ къ намъ Генералъ-Адмиралъ, который тоже обходя фронтъ, разговаривалъ съ матросами, распрашивалъ кто-гдѣ получилъ Георгія. Какой странный видъ имѣли матросы, это просто хохотъ! Кто съ французскимъ ружьемъ, кто съ англійскимъ, у кого бутылка вмѣсто манерки; однимъ словомъ, это была толпа кочующихъ цыганъ. Сзади на телѣгахъ слѣдовали матросскія жены съ

дѣлъ: рѣшительно какое нибудь селеніе кочующей орды. Но оно иначе и быть не могло, потому что матросы съ бастіона ушли въ чемъ они тамъ были, и не имѣя никакихъ средствъ, какія имѣетъ сформированный полкъ, не могли имѣть съ собой багажа, кромѣ того только, что могли положить на данныя намъ казенныя подводы, которыхъ было очень недостаточно. Въ Николаевѣ въ настоящее время, живетъ Государь со всѣми Своими Братьями, и здѣсь каждый день на бульварѣ играетъ музыка, куда и Государь приходитъ. А какой Онъ внимательный ко всѣмъ, это просто чудо! Вчера неожиданно пріѣхалъ къ намъ въ казармы, и опять благодарилъ матросовъ за ихъ службу. По случаю нахожденія здѣсь Царской Фамиліи, при которой чрезвычайно много свиты, квартиры здѣсь чрезвычайно дороги; да и кромѣ того, жители изъ Севастополя, Керчи и Симферополя почти всѣ переѣхали въ Николаевъ, такъ что я съ трудомъ нашелъ себѣ квартиру. Намъ, пока Государь далъ отдыхъ, а потомъ какъ кажется насъ размѣстятъ по здѣшнимъ батареямъ; и какъ нѣкоторые говорятъ, часть экипажей пошлютъ на зимовку по деревнямъ; а пока ничего не извѣстно. Я до сихъ поръ не могу опомниться и привыкнуть къ этой жизни, послѣ трудной бастіонной, и все какъ-то не вѣрится. Я здѣсь узналъ будто Кернъ уѣхалъ въ отпускъ; если это правда, то ты вѣроятно будешь съ нимъ видѣться, передай ему отъ меня поклонъ и скажи, что дурно что не сдержалъ слова, взять меня съ собой въ отпускъ; мы съ нимъ все мечтали какъ поѣдемъ вмѣ-

стѣ въ тарантасѣ. Если Пьеръ въ Кіевѣ, то передай ему поцѣлуй и скажи чтобъ онъ переговорилъ со мной по электрическому телеграфу. До свиданія мой другъ, обнимаю тебя и твоихъ дѣтокъ.

Дозв. цена. 17 Октября 1872 г. Тип. А. Траншеля. Влад. пр. 1.

КН. ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о Севастополѣ

бывшаго командира 1-й карабинерной роты Александропольскаго Егерскаго полка

Валеріана Зарубаева.

ВОСПОМИНАНІЯ
о Севастополѣ

бывшаго командира 1-й карабинерной роты Александропольскаго Егерскаго полка

Валеріана Зарубаева.

послѣ снятія осады крѣпости Силистріи, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1854 года, Александропольскій егерскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить, переправился благополучно обратно черезъ рѣку Дунай. Оставивъ достаточное количество падшихъ товарищей, особенно на неудачномъ штурмѣ укрѣпленія Арабъ-Табіасы, полкъ слѣдовалъ черезъ Валахію и Молдавію. Остановившись на австрійской границѣ, мы выжидали, не придпримутъ ли чего наши благопріятели австрійцы, за которыхъ въ 1849 году, во время венгерской кампаніи, мы потеряли столько людей, достойныхъ лучшей участи, заслуживъ названіе наемщиковъ. Простояли въ Кишиневѣ, и лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ добрались до Одессы. Вѣсть объ альминскомъ сра-

женіи и о томъ, что въ Крыму мало войска, давно дошла до насъ. Въ Одессѣ на ночь выставляли цѣпь по берегу моря, ожидая высадки непріятеля. Въ январѣ 1855 года вступили въ Крымъ и заняли Перекопъ и Армянскъ. Оставались здѣсь около мѣсяца. Доходили слухи, что союзники страшно терпятъ отъ стужи и сырости, не имѣя ни бараковъ, ни госпиталей, ни даже теплой одежды. Говорили, что можно ихъ живьемъ перебрать или загнать въ морѣ,— да у насъ войска мало. А мы все стояли, да стояли, теряя напрасно людей отъ тифозной горячки. 3-го февраля подошли къ Евпаторіи, а 4-го вечеромъ отслужили молебенъ, въ присутствіи генерала Хрулева. Генералъ сказалъ солдатамъ, что завтра нужно взять Евпаторію, и онъ надѣется, что мы охулки на руки не положимъ. У каждаго солдата на штыкѣ былъ пукъ соломы для зажиганія города, заготовлены были лѣстницы и назначены комендантъ и полиціймейстеръ.

Съ вечера, 1-й батальонъ нашего полка долженъ былъ идти впередъ и приготовить ложементы для стрѣлковъ и артиллерійской прислуги. Кучеръ мой, прощаясь со мной, сказалъ: „прощайте, ваше благородіе, не увидимся болѣе, я видѣлъ во снѣ, что мазалъ повозку, да подоска отломилась, значитъ вы не вернетесь, а будете убиты.“ Къ батальону прибыли два офицера отъ 8-й артиллерійской бригады: поручики Новицкій и Лысенко, съ линейными унтеръ-офицерами, для занятія линіи для орудій. По случаю, я командовалъ батальономъ. Ночь была

темная, передъ глазами точно черная стѣна. Батальонъ тронулся ротными колоннами, имѣя между ротами цѣпь, чтобы не растеряться. При движеніи соблюдалась мертвая тишина, шли очень долго. Наконецъ въ потемкахъ кто-то подъѣзжаетъ и спрашиваетъ: кто это?

По голосу, я узналъ нашего начальника дивизіи, князя Урусова: 1-й батальонъ Алексопольскаго егерскаго полка, отвѣтилъ я.

„Вы не туда идете, нужно идти на этотъ огонекъ, это на непріятельскомъ кораблѣ“.

Въ потьмахъ и въ степи мы измѣнили плечо и пошли въ другую сторону. Нужно было перемѣнить фронтъ, что и исполнили скоро и молча.

„Вы отлично распоряжаетесь, сказалъ мнѣ князь, я буду имѣть васъ въ виду“.

Продолжая двигаться на огонекъ, я часто останавливалъ батальонъ, и самъ съ артиллерійскими офицерами выбѣгалъ впередъ прислушаться, и потомъ снова подвигались. Наконецъ, впереди раздался выстрѣлъ. Скоро подъѣхалъ казакъ и сказалъ, что далѣе идти нельзя, что сейчасъ турецкіе секреты. Остановивъ батальонъ, я выслалъ рабочихъ. На разсвѣтѣ выѣхала на позицію 4-я батарея 8-й артиллерійской бригады. Когда разсвѣло, увидѣли Евпаторію подъ самымъ носомъ. Поручикъ Новицкій крикнулъ отъ орудій: „прикажи и ротамъ приготовиться, изъ Евпаторіи выходитъ кавалерія“. Поручикъ Самсоновъ просилъ придвинуться къ его ротѣ, потому что кавалерія направлялась на его

флангъ. Но турки, посовавшись передъ нами, ушли обратно въ городъ. Въ это время сзади показались наши войска. Вся 8-я пѣхотная дивизія, 2 батальона Азовскаго мушкетерскаго полка, греческіе волонтеры и сзади кавалерія. Артиллерія двигалась развернутымъ фронтомъ, кажется, слишкомъ 100 орудій. Изъ Евпаторіи раздался первый выстрѣлъ, и ядро просвистало черезъ наши головы. Артиллерія снялась съ передковъ и разомъ открыла огонь. Евпаторія изчезла въ дыму. Но какъ только дымъ пронесся, турки снова начали стрѣлять; въ кавалерію посылали ракеты. Мы подошли такъ близко, что картечъ переносило черезъ головы; въ ротѣ одинъ солдатъ былъ раненъ; убитъ прапорщикъ Каменскій. Мнѣ съ ротою такъ было удобно, что не охотно началъ отступать къ полку по приказанію князя Урусова. Князь ѣхалъ около роты, какъ теперь помню, на бѣлой лошади. Храбрость и неустрашимость князя были намъ знакомы еще съ Силистріи. Чѣмъ далѣе отходили, тѣмъ ядра чаще свистали надъ головами, нѣкоторые прыгали за ротой. Солдаты начали кланяться. Чтобы пріучить болѣе къ выстрѣламъ, я за каждый поклонъ останавливалъ роту, поворачивалъ роту лицомъ къ непріятелю, и заставлялъ смѣлѣе смотрѣть въ глаза смерти. Князь Урусовъ, видя это, сказалъ мнѣ: „ведите, ведите роту, а вы, ребята, не кланяться, стыдно“. Генералъ Хрулевъ съ батальонами Азовскаго полка, греками и спѣшенными московскими драгунами началъ штурмъ. Но рвы оказались такъ глубоки и широки, что лѣстницы

наши совершенно не годились. Мы отступили, потерявъ 800 человѣкъ. Говорили, что турки понесли большой уронъ отъ нашей бомбардировки, и начали готовиться уходить на корабли.

На другой день наступилъ сильный морозъ съ мятелью, и насъ развели по ауламъ. Терпѣніе наше начало истощаться. Солдаты громко роптали, что насъ приведутъ въ Севастополь къ шапочному разбору. Но Богъ не безъ милости, досталось и на нашу долю. Алексопольцы успѣли въ 5 мѣсяцевъ принести хорошую жертву отечеству, что и гласитъ черная, мраморная доска на церкви севастопольскаго кладбища. Убитыхъ Алексопольскаго егерскаго полка: нижнихъ чиновъ 2,608 человѣкъ. Сколько офицеровъ, не помню, но достаточно. А сколько умерло потомъ отъ ранъ, неизвѣстно, потому что всѣ неявившіеся изъ госпиталей были исключены изъ списковъ.

20 февраля, сначала съ непріятельскихъ аванпостовъ, а потомъ и официальнымъ путемъ, мы получили горестное извѣстіе о потерѣ возлюбленнаго Императора. Извѣстіе это страшно насъ поразило. Тотчасъ полкъ былъ собранъ къ присягѣ новому Императору. Положительно весь полкъ плакалъ. Думалось намъ: что будетъ съ нами, не падетъ ли армія духомъ, какой ходъ приметъ кампанія.

На страстной недѣлѣ отговѣли и пріобщились Св. Тайнъ Христовыхъ. Свѣтлый Праздникъ встрѣтили въ аулѣ Тюкъ-Сабя, имѣли куличи и красные яички. На 2-й день услышали непрерывные раскаты грома. Это союзники громили Севастополь. Вече-

ромъ зашелъ ко мнѣ священникъ, и сказалъ, что съ горы видѣлъ полетъ бомбъ въ Севастополѣ. Мы взобрались на гору и дѣйствительно увидѣли массу летающихъ огненныхъ звѣздъ, не смотря на сорокаверстное разстояніе. 2 апрѣля получили, наконецъ, радостное и давно ожидаемое извѣстіе о выступленіи въ Севастополь. 3-го числа выступили, переночевали въ аулѣ Эфенди-Кой, на р. Качѣ. Прошли черезъ мѣсто, на которомъ происходило альминское сраженіе. Поле представляло еще слѣды побоища. Изрытая ядрами земля, разсыпанные патроны, гранатные осколки, брошенные русскіе ранцы и французскіе густые эполеты. Развалины аула уныло смотрѣли на насъ. Обломки оружія и свѣжія песчаныя могилы свидѣтельствовали, что бой былъ упорный. Утромъ, 4 апрѣля, когда поднялись мы на гору, передъ нами открылась живописная картина. Красивый Севастополь въ дыму и рейдъ, съ лѣсомъ мачтъ громаднаго союзнаго флота. Полкъ расположился въ палаткахъ на сѣверной сторонѣ, близъ бухты. Непріятель, завидя палатки, началъ посылать къ намъ ракеты и очень удачно. Одна ракета ударила въ землю около знамени 1-го батальона, взрыла землю, но часовой остался невредимъ и не тронулся съ мѣста. Мальчики кучами съ крикомъ налетали на ракету. Ракеты ихъ забавляли, но объ опасности дѣти едва-ли понимали. Офицеры отправились подкрѣпиться въ маркитантскій шатеръ. Здѣсь впервые услышали объ ужасахъ севастопольской службы. Какой-то словоохотливый офицеръ 4-го бастіона разсказывалъ разныя страсти,

чтобы пуще подѣйствовать на новичковъ. Но, мы немного обстрѣленные на Дунаѣ, подъ Силистріею и Евпаторіею, думали про себя: не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ. Непріятельскія ракеты не давали всю ночь покоя, всю ночь слышались разрывы около палатокъ. Непріятно было подумать, что пройдя такое громадное разстояніе отъ Силистріи до Севастополя, и на завѣтной чертѣ пункта, къ которому стремилось столько народу съ различными надеждами и побужденіями, могутъ убить соннаго въ палаткѣ. На другой день приказано было лагерь нашъ отодвинуть назадъ. Начались наряды на работу по возведенію сѣверныхъ укрѣпленій, а для укрѣпленія нашихъ нервовъ назначили копать громадной величины могилы и хоронить убитыхъ, которыхъ каждый день транспортами привозили на татарскихъ арбахъ, съ какимъ-то особенно заунывнымъ скрипомъ. Но эта, по истинѣ печальная картина, не производила на насъ грустнаго настроенія. Клали въ могилу по 50 труповъ, въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ, головами къ краямъ могилы, ногами вмѣстѣ, или другъ къ другу. Первый рядъ засыпали землею и известкой, потомъ клали второй рядъ и такъ до верху. Впослѣдствіи, эти могилы названы братскими, и составили большой мертвый городъ. Сгарая нетерпѣніемъ скорѣе вблизи увидѣть Севастополь, я на яликѣ переправился на южную сторону, и, по Екатерининской улицѣ, добрался до 4-го бастіона, на который въ то время было обращено все вниманіе осаждавшаго. Бастіонъ этотъ выносилъ

невѣроятные труды и опасности. Тутъ-то я впервые встрѣтилъ черноморскаго моряка, и такимъ, какимъ зналъ его потомъ до конца осады. Это идеалъ храбрости, отваги и веселости. Не забуду никогда, — я шелъ за тремя матросами, поднимавшимися на бастіонъ. Одинъ наигрывалъ на балалайкѣ и всѣ трое, приплясывая, припѣвали: „на 4-й бастіонъ, на 4-й бастіонъ“. Повстрѣчалось нѣсколько носилокъ съ убитыми и ранеными, припѣвавшіе сняли шапки, перекрестились и снова запѣли: „на 4-й бастіонъ“. Наконецъ, давно ожидаемая минута настала. 9-го апрѣля, подъ вечеръ, на пароходѣ, полкъ переправился на южную сторону. 1-й батальонъ расположился въ неоконченномъ соборѣ, офицеры на хорахъ. Въ ночь получено приказаніе, что рано утромъ, съ командой изъ 500 человѣкъ, я долженъ задѣлать брешь въ стѣнѣ, правѣе люнета Бѣлкина. Стѣнка была разрушена, французы осыпали пулями разбитое пространство. Нужно было какъ можно скорѣе ставить большія бочки и засыпать ихъ землею. Работа окончена благополучно; раненъ въ ногу одинъ рядовой Ѳедотовъ. Итакъ, я первый изъ своего полка былъ окрещенъ французскими пулями; съ теплой молитвой возвратился къ товарищамъ, благодаря Бога, что наши солдатики на первый разъ не ударили лицемъ въ грязь; а это была у каждаго изъ насъ главная забота. Страшно казалось не за жизнь, которая, съ поступленіемъ на кадетскую скамейку, отдана уже отечеству, а страшно было осрамиться передъ другими полками. 11-е и 12-е апрѣля полкъ бивуакировалъ

на Николаевской площадкѣ. Стоянка была порядочная, площадка обстрѣливалась не сильно. 12 апрѣля, вечеромъ, два батальона нашего полка назначены въ прикрытіе работъ, по возведенію ложементовъ передъ редутомъ Шварца. Не успѣли войска занять свои мѣста, какъ французы бросились на ложементы,— завязался, мѣстами, рукопашной бой. Войсками командовалъ генералъ Хрущовъ. Оружейный огонь былъ ужасный, надъ головами неслась какая-то сплошная масса. Я долго пріискивалъ съ чѣмъ-бы можно сравнить этотъ густой полетъ пуль, и нашелъ, что если бы рѣка съ шумомъ текла надъ головой, то было бы похоже на этотъ полетъ. Темнота ночи скрывала число жертвъ и не слышалось ни крика, ни стона раненыхъ. Надо сказать, что мы всѣми силами старались отучать раненыхъ кричать и даже стонать; приходилось иногда выбранить изувѣченнаго за то, что онъ закричитъ; не бывшему въ такой ужасной передрягѣ, это покажется безчеловѣчнымъ. Но взявши во вниманіе, то ужасное впечатлѣніе, какое производилъ крикъ раненыхъ на оставшихся невредимыми, которые могли бы этого и не замѣтить, особенно ночью, это покажется вполнѣ непонятнымъ. Къ тому же, въ послѣднее время, когда непріятель очень приблизился къ намъ, крикъ нашихъ раненыхъ ободрялъ непріятеля и онъ учащалъ пальбу, что дѣлали и мы, слыша крикъ въ ихъ траншеяхъ. Вотъ почему мы и пріучали нашихъ раненыхъ или молчать, или стонать тихо. До какой степени не щадили и офицеровъ насмѣшками, приведу примѣръ: осколокъ гра-

наты, ударивъ одного офицера въ подбородокъ отскочилъ и повредилъ ключицу; офицеръ закричалъ; я былъ рядомъ и замѣтилъ: что ты кричишь. Въ это время поручикъ Сабуровъ началъ искать что-то на землѣ и, найдя крохотную соломенку, поднесъ къ раненому, говоря: вѣдь вотъ тебя чѣмъ ударило, а ты кричишь. Всѣ окружающіе засмѣялись и раненый тоже. Поручику Самсонову рядомъ же со мной, осколкомъ переломило руку, онъ только ахнулъ, и безъ помощи носилокъ пѣшкомъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ отправился на перевязочный пунктъ.

Ложементы остались за нами, на день оставлены были въ нихъ штуцерные, а на ночь назначены 2 батальона нашего полка, для ихъ прикрытія.

Передъ сумерками, батальонъ нашъ втиснулся въ тѣсный редутъ Шварца, при чемъ мы потеряли нѣсколько человѣкъ солдатъ, а прапорщику Кочеповскому гранатой оторвало обѣ ноги. Когда смерклось, приказано было идти въ ложементы. Въ потьмахъ, не зная ни мѣстности, ни вида ложементовъ, какъ командиръ 1-й карабинерной роты, я пошелъ первымъ. Выйдя изъ редута, соблюдая мертвую тишину, и направляясь на огоньки ружейныхъ выстрѣловъ, наткнулся на какую то яму и думая, что это ложементъ, положилъ роту лицемъ къ огонькамъ. За мной вышелъ командиръ 1-й Егерской роты поручикъ Самсоновъ и расположился съ ротою въ такой же ямѣ.

Въ это время я замѣтилъ какого то солдата, въ бѣлой аммуниціи, подходящаго къ ротѣ.

— Гдѣ это стрѣляютъ, спрашиваю я.

„На четвертомъ бастіонѣ.“

— Гдѣ же непріятель?

„Вонъ тамъ.“

Оказалось, что я сталъ лицемъ къ 4-му бастіону, а правымъ плечомъ къ непріятелю. Перевернулъ фронтъ и снова положилъ роту. Удивляюсь, какъ намъ не дали, на первый разъ, проводника. А французы дремали или боялись вторично напасть на ложементы, которые оставались впереди не занятыми. Черезъ нѣсколько времени, услышали чей-то голосъ, спрашивающій, гдѣ роты и отчего не заняты ложементы?

Наконецъ, пластуны указали намъ мѣста. Въ ложементахъ нашли много французскихъ труповъ. Въ эту же ночь пришелъ сюда, не помню, Екатеринбургскій или Суздальскій мушкетерскій полкъ съ турами, на работу. Французы, точно предувѣдомленные, открыли по ложементамъ убійственный огонь. Мы не отвѣчали, а занимались утолщеніемъ и возвышеніемъ бруствера. Мушкетерамъ досталось хуже, они должны были соединять ложементы, слѣдовательно работать открыто, пока не поставятъ первый рядъ туровъ. Ружейный огонь былъ такъ частъ, и такъ освѣщалъ мѣстность, что можно было видѣть каждаго солдата. Мушкетеры, ожидая, что огонь перемежится, остановились за моимъ ложементомъ. Командиръ роты, Святогоръ-Штепинъ, какъ теперь вижу, въ сѣрой шинели, съ ружьемъ и патронной сумой черезъ плечо, началъ понукать солдатъ ста-

вить туры. Но какъ огонь не уменьшался и пули сыпались градомъ, то солдаты какъ то вяло принимались за работу. Святогоръ-Штепинъ, котораго я видѣлъ первый разъ, началъ вырывать у солдатъ туры и бѣгомъ уставлять ихъ. Можно было полюбоваться на этого молодца. За поставленными имъ турами засѣли ободренные солдаты и работа закипѣла. Но воодушевивъ солдатъ, ротный командиръ занялся не своимъ дѣломъ. Прикрытый по грудь турами, онъ началъ стрѣлять изъ своего ружья, и послѣ второго выстрѣла, былъ убитъ на повалъ пулею въ лобъ. Солдаты, не смотря на пули, собрались около храбраго, и должно быть, любимаго ротнаго командира. Много услышалъ я теплыхъ словъ отъ этихъ простыхъ и добрыхъ натуръ. Носильщики молча положили своего командира на носилки и понесли туда, гдѣ уже не одна сотня была наложена для отправки на сѣверную сторону. Нашему полку пришлось занимать эти ложементы нѣсколько ночей. Нужно было много бдительности, чтобы не прозѣвать нападенія.

Ложементы, усиливаемые каждую ночь, мѣшали французамъ. Каждую ночь охотники извѣщали, что французы собираются. Мы не дремали. По направленію, указанному охотниками, дѣлали частые залпы. Залпы дѣлали и по амбразурамъ. Послѣ выстрѣла непріятельскаго орудія, примѣчали мѣсто огня, направляли туда десятокъ ружей, а послѣ слѣдующаго выстрѣла тотчасъ на огонь дѣлали залпъ. Можно предполагать, что все-таки нѣсколько пуль

попадали въ амбразуру. Каждую минуту ожидали нападенія, и потому были въ чрезвычайно напряженномъ состояніи.

Темнота ночи не позволяла ничего видѣть, шороху за постоянною канонадою не услышишь, а потому и руководились только указаніями охотниковъ. Многіе изъ нихъ были убиты нашими пулями. Помню, въ одну ночь охотникъ доложилъ, что половина охотниковъ перебита своими. Гдѣ рубятъ—тамъ и щепки летятъ, отозвался кто-то съ банкета. Много и горя вынесли мы въ эти ночи. Ружья у насъ были гладкоствольныя; французскія пули Минье, введенныя у насъ во время осады, послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ, не входили въ дуло. Солдаты загоняли пулю, ударяя камнемъ по шомполу; шомполъ гнется въ дугу, а пуля не подается. Колотили какъ въ кузницѣ. Солдаты приносили сальные огарки, смазывали пулю, но все не помогало. Ружья, передѣланныя на нарѣзныя, раздирались по нарѣзамъ. Не мудрено, что въ такомъ положеніи офицеры приходили въ отчаяніе, а солдаты бредили измѣной.

На разсвѣтѣ уходили, оставляя на день штуцерныхъ. Отступленіе было неудобно. Траншеи, соединяющей ложементы съ редутомъ Шварца, не было. Приходилось уходить по площадкѣ, подъ выстрѣлами французовъ, которые насъ сторожили. Въ первое же утро, я получилъ ударъ въ поясницу пулею. Пробило шинель, бѣлье, кожу, но кости не тронуло. Благодареніе Богу, отстояли благополучно.

Французы, видя нашу бдительность, не рѣшились напасть. Передъ 20-мъ апрѣля, полкъ былъ переведенъ на Корабельную сторону. Насъ замѣнилъ Углицкій Егерскій полкъ, который 20-го апрѣля потерялъ ложементы безвозвратно. Кто виноватъ? *).

На корабельной сторонѣ полкъ разбивался на разныя батареи и бастіоны для работъ, именно: на Камчатскій редутъ, въ ложементы передъ нимъ которые были такъ неудобны, что до вечера нельзя было выносить раненыхъ и приносить обѣдъ. Въ то время на Корабельной сторонѣ собралась вся 8-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ князя Урусова. Для облегченія солдатъ князь раздѣлилъ полкъ на 5 батальоновъ и стрѣлковую команду. Такъ, 4 карабинерныя роты составили одинъ батальонъ, егерскія роты составили 4 батальона, по 3 роты въ каждомъ, и всѣ штуцерные и вооруженные нарѣзными ружьями составили стрѣлковую команду, которая на день становилась по банкетамъ, а на ночь уходила на отдыхъ, въ Корабельную слободку.

Мѣра эта облегчила, повидимому, службу, но ослабила силу работъ и на первое время защиту. На работу требовались батальоны; а не извѣстное число людей, слѣдовательно, чѣмъ менѣе въ батальонѣ

*) Поставивъ послѣдній вопросъ авторъ тѣмъ самымъ какъ бы обвиняетъ Углицкій полкъ въ потерѣ ложементовъ, но упускаетъ изъ виду, что свою оплошность полкъ этотъ искупилъ кровью въ дѣлѣ съ 10 на 11 мая. Въ эту ночь полкъ ворвавшись въ непріятельскія траншеи оказалъ чудеса храбрости. Изъ цѣлаго батальона возвратилось здоровыхъ только 80 человѣкъ и небыло ни одного офицера, который бы вышелъ изъ дѣла невредимымъ.

ротъ и въ нихъ людей, тѣмъ и работа шла не такъ успѣшно. Помнится, на это роптали инженеры. Карабинерныя роты занимали болѣе Малаховъ курганъ (Корнилова бастіонъ) и Доковъ оврагъ. Въ это время, на Малаховомъ курганѣ было очень сносно, и потери были не особенно большія, во первыхъ потому, что атака велась на 4-й бастіонъ, громимый и день и ночь; во вторыхъ, далеко впереди были выдвинуты редуты, съ ихъ ложементами. При входѣ на бастіонъ, сидѣли даже торговки съ булками, квасомъ и селедками. Доковъ оврагъ считался пунктомъ довольно серьезнымъ. Съ непріятельской стороны онъ спускается въ Корабельную, проходя между Камчатскимъ редутомъ и Малаховымъ курганомъ съ одной стороны, и 3-мъ бастіономъ съ другой. Каждый вечеръ за нами являлся знаменитый есаулъ Даниленко,—солдаты говорили: „за нашими душами“, и велъ очередную роту въ оврагѣ, а самъ съ пластунами отправлялся впередъ къ непріятельскимъ траншеямъ. Гдѣ онъ шнырялъ цѣлыя ночи, Богъ его знаетъ, и подивиться только, какъ его не уложили свои или чужіе. Рота становилась поперегъ оврага, почти на равнѣ съ Камчатскимъ редутомъ. Съ непріятельской стороны Доковъ оврагъ былъ перерѣзанъ траншеей, съ нашей же стороны рота не была ничѣмъ прикрыта, а потому и терпѣла отъ непріятельскихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Ротные командиры согласились, не прося разрѣшенія, устроить поперегъ оврага траншею. Для того, проходя мимо татарскаго кладбища, мы забирали камни и памятники, сдѣлали стѣнку и засыпали землею.

Ночи въ три укрѣпились отлично. Обязанность роты была удерживать непріятеля, въ какихъ бы онъ силахъ ни былъ, до прибытія подкрѣпленія. Въ одну ночь на моей очереди, мы услышали въ непріятельскихъ траншеяхъ сначала какія то команды, потомъ крикъ и сигналы на рожкахъ. По всѣмъ вѣроятіямъ передъ нами были турки. Подъ Силистріею мы привыкли къ такимъ ночнымъ крикамъ. Вслѣдъ за сигналами открылся убійственный ружейный огонь, а за нимъ артиллерійская канонада. До времени, я не приказалъ солдатамъ становиться на банкетъ, самъ же высматривалъ что будетъ. Мимо головы роями летѣли пули. Удалось замѣтить, что линія огня не подвигается, а остается на мѣстѣ, слѣдовательно, просто фальшивая тревога. Не будь стѣнки, могло бы порядочно выбыть изъ строя, потому что оврагъ сильно обстрѣливался продольно. Закрытые же стѣнкой, отстояли благополучно. Раненъ былъ пулею въ грудь одинъ подпоручикъ Левашовъ, и то пуля залетѣла съ боку, со стороны 3-го бастіона. Днемъ оврагъ занимали штуцерные.

Пришлось мнѣ съ ротою продолжать начатую Забалканскую батарею, подъ руководствомъ молодого сапернаго офицера Ѳедорцова; работа производилась днемъ. Батарея эта начата Забалканскимъ полкомъ, почему и получила названіе полка. Она расположена на горѣ, за Киленъ-балочной бухтой, впереди 1-го бастіона и позади Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Работа была видна французамъ, потому они и старались мѣшать. Не смотря на довольно частый

ружейный и пушечный огонь, работа шла успѣшно. Вообще въ это время, вслѣдствіе вышеупомянутаго дѣленія на батальоны, мы имѣли маленькій отдыхъ, могли выкупаться въ бухтѣ подъ выстрѣлами, перемѣнить бѣлье и обчиниться. Корабельная слободка была на половину уже разрушена. Въ маѣ же мѣсяцѣ. вступилъ въ Севастополь Муромскій мушкетерскій полкъ, въ полномъ 4-хъ батальонномъ составѣ, превосходно одѣтый, люди молодцы, кровь съ молокомъ. Музыка этого полка каждый вечеръ играла на площадкѣ. Думалось ли Муромцамъ, что черезъ нѣсколько дней изъ этаго здороваго, цѣлаго полка останется лишь половина. Сначала Муромцевъ ставили на банкетахъ между нашими солдатами, чтобы дать осмотрѣться и освоиться съ бастіонной службой. Мы уже попривыкли и знали какая бомба летитъ къ намъ, которая перелетитъ или не долетитъ. По дыму знали какой полетитъ снарядъ. Новички часто даже удивлялись нашимъ успѣхамъ. И дѣйствительно, новые полки всегда болѣе теряли людей и отъ незнанія мѣстности, неумѣнія пользоваться траверзами и много отъ излишней суетливости.

Въ ночь 10-го мая, мы услышали на южной сторонѣ ужасную грозу. При темнотѣ ночи небо освѣщалось, а громъ гремѣлъ, не умолкая. Но скоро дошла вѣсть, что французы напали на нашу новую траншею, впереди 6-го бастіона. Доносилась сильная канонада съ батарей нашихъ, французскихъ и союзнаго флота. Ружейные выстрѣлы казались

щелканьемъ, сравнительно съ ревомъ громадныхъ орудій. Это былъ дебютъ маршала Пелисье и французской гвардіи. Съ нашей стороны, кромѣ другихъ полковъ, участвовалъ только что вступившій въ Севастополь 9-й дивизіи Эриванскій егерскій полкъ. Этотъ полкъ въ ночь потерялъ изъ 4-хъ батальоновъ половину и на утро былъ сведенъ въ двухъ батальонный составъ. Всю ночь бой былъ рукопашный, въ потьмахъ били ощупью. Говорили, что почти вся французская гвардія легла. Траншея осталась ни кѣмъ не занятою. На другой день на рынкѣ солдаты продавали французскіе штуцера и синіе плащи. Потомъ приказано было всѣ штуцера представлять начальству, и.за каждый платили представившему 5 р. Передовые редуты Карабельной стороны, съ ихъ выдвинутыми впередъ ложементами, отдаляли французовъ отъ Севастополя; смѣлость нашихъ работъ изумляла ихъ. Изъ осаждающихъ они обращались въ осажденныхъ. Атака велась противъ атаки. Понятно, что редуты Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій очень страдали, и рано или поздно должны были пасть. Идти на эти пункты значило идти на вѣрную смерть. Но всѣ ходили туда смѣло и весело, хотя послѣ смѣны многихъ не досчитывались. Мнѣ страшно не нравилась одна французская батарея, прилепившаяся на краю горы у бухты, такая противная, желтая. Какъ только поднимешься къ Забалканской батареѣ, она и смотритъ на тебя своими амбразурами, точно желтыми глазами, и вотъ-вотъ брызнетъ картечью.

Многіе, смѣясь, говорили, что на нее какъ то совѣстно смотрѣть и хочется глаза понурить. Французы почти каждую ночь пытались овладѣть редутами, но охотники не зѣвали. Въ одну ночь, занимая ложементы передъ Камчатскимъ редутомъ, мы услышали тревогу на лѣвомъ флангѣ. Приготовились, надѣли капсюли и твердо ждали нападенія. Любо было смотрѣть какъ взъѣлись бастіоны: Корниловъ, № 2-й и № I, Камчатскій редутъ и другія батареи, посылая въ ту сторону бомбы, гранаты и ядра. Темное небо изпещрилось огненными линіями. Вообще взаимная помощь была развита до чрезвычайности. Если какой нибудь бастіонъ начнетъ страдать отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, тогда сосѣдніе бастіоны, какъ по командѣ, начнутъ громить противника. Любо смотрѣть на отчаянныхъ моряковъ, съ какимъ азартомъ они примутся за дѣло, какъ внимательно и безстрашно слѣдятъ за выстрѣломъ, и какъ скоро и съ умѣніемъ исправляютъ ошибки. На этотъ разъ попытка французовъ была не рѣшительная. Кажется въ половинѣ мая полкъ нашъ былъ переведенъ обратно на 5-й бастіонъ и съ этихъ поръ, до оставленія Севастополя въ ночь на 28 августа, не сходилъ съ бастіоновъ и не зналъ отдыха; мы не знали, что значитъ раздѣться и снять сапоги. Мухи и другія насѣкомыя изтязали насъ. Блохи немилосердно кусали наши ноги. Чтобы избавиться отъ нихъ, мы насыпали въ голенища персидскаго порошку и затѣмъ крѣпко стягивали ихъ ремнями пониже колѣнъ. Немилосердный врагъ по-

гибалъ въ сапогахъ, а новый черезъ ремни не могъ туда забраться. 26 мая редуты были взяты французами. И такъ, полкъ нашъ второй разъ ушелъ отъ катастрофы.

Полкъ занялъ 5-й бастіонъ, а нашъ 1 батальонъ люнетъ Бѣлкина, составлявшій правый флангъ 5-го бастіона. Сюда два раза въ день приносилъ намъ свѣжія булки какой-то кучеръ, всегда пьяный, а съ нимъ дочка его, премиленькій десятилѣтній ребенокъ. Она отбирала у отца деньги. Какая бы ужасная пальба ни была, а онъ обходитъ бастіонъ въ свое время, и съ нимъ безстрашная дѣвочка. Подъ конецъ осады она была убита. Началось отбываніе службы безсмѣнно и безъ отдыха. Каждая рота получила опредѣленное мѣсто. Офицеры расположились вмѣстѣ съ солдатами на банкетахъ: тутъ и столовая и спальня. Моряки, эта душа обороны, съ переходомъ на бастіоны перенесли и обычаи. Часто казалось, что мы на кораблѣ. Напримѣръ: послѣ отката орудія, командовали: орудіе къ борту; матросовъ изъ землянокъ вызывали командою: на палубу; были вахтенные и какъ на кораблѣ били склянки. У насъ, пѣхотныхъ, завелись своего рода склянки. Ротные командиры всегда имѣли при себѣ ординарца, въ случаѣ подстрѣлятъ, чтобы не остаться незамѣченнымъ. Ординарецъ носилъ черезъ плечо сумку, въ которой помѣщались закуски, бутылка водки и двѣ бутылки вина; это для всѣхъ офицеровъ роты. Такъ какъ ни днемъ, ни ночью спать было нельзя, а сонъ невольно одолѣвалъ, то

водкой и виномъ только и разгоняли его, но на минуту, потомъ сонъ болѣе одолѣвалъ. Обходя роту, встрѣчаясь съ сосѣднимъ ротнымъ командиромъ, взаимно угощались. Иной спроситъ: которая стклянка?

«Третья, т. е. допивается третья бутылка, значитъ разсвѣтъ скоро».

Были и такіе, у которыхъ часы спѣшили, т. е. запасъ кончался въ полночь. Но когда разсвѣтетъ, попробуй предложить кому нибудь водки, и получишь отвѣтъ: „что ты съ позаранку-то, я еще чаю не пилъ“. На каждомъ бастіонѣ, гдѣ нибудь въ углу, помѣщались образа, и передъ ними и день и ночь горѣло множество свѣчей. Картина эта, особенно ночью, во время страшной трескотни, разтерзанныхъ труповъ, вздоховъ изувѣченныхъ страдальцевъ, какъ то особенно дѣйствовала успокоительно. Сюда сносили всѣхъ перебитыхъ впродолженіе ночи, клали на землю въ одну шеренгу, каждому убитому почему то солдаты давали свѣчку въ руки. Убитые лежали до утра. Утромъ пріѣзжали фурштатскія фуры тройками, накладывали трупы и удирали отъ выстрѣловъ, теряя по дорогѣ мертвецовъ. Привозили ихъ на берегъ бухты, куда направляли всѣхъ перебитыхъ съ южной стороны. Унтеръ-офицеръ, прозванный Харономъ, переправлялъ ихъ на сѣверную сторону на баркасахъ. Тамъ ожидалъ обозъ изъ татарскихъ, несмазанныхъ арбъ, наваливалъ трупы и съ мучительнымъ и жалобнымъ скрипомъ везъ на кладбище. И такъ каждый день. Офицеровъ въ гробахъ ставили въ церковъ такъ тѣсно,

что невозможно было пройти; хоронили сначала съ музыкою. Звуки похороннаго марша раздавались съ ранняго утра до поздняго вечера. Потому ли что эта пріятная музыка вымотала намъ душу или инструменты раздулись, только эта церемонія скоро была прекращена. Каждую субботу и въ воскресенье утромъ являлся на бастіонъ священникъ служить вечерню и обѣдню. Да! кто въ Севастополѣ не былъ, тотъ Богу не маливался, стали у насъ поговаривать. Мѣсто, на которомъ лежали убитые; утромъ вычищалось и посыпалось известкой. Но когда во время богослуженія станешь на колѣни, запахъ мертвечины давалъ себя чувствовать. Съ полнымъ разсвѣтомъ работы прекращались и солдатамъ позволялось на банкетахъ заснуть. Выставлялись часовые. Пальба становилась лѣнивѣе, солдаты говорили, что французы пьютъ кофе. Для отдыха во рву 5-го бастіона, подъ контръ-эскарпомъ выкопали землянки. Проходя по рву ночью, освѣщенныя землянки и минные колодцы казались похожими на кіевскія пещеры. Часовъ въ 10 приносили обѣдъ и водку. Часто на дорогѣ разбивало и обѣдъ и несущихъ. Говядина страшно надоѣла и опротивѣла отъ того, что передъ глазами постоянно была человѣчья. Послѣ обѣда начинались работы менѣе видныя непріятелю: внутри бастіоновъ, во рвахъ, расплетеніе негодныхъ туровъ и дѣланіе изъ нихъ фашинъ. Работой этой завѣдывалъ отчаянно-храбрый старикъ, саперный унтеръ-офицеръ Лазовскій. Въ турахъ былъ большой недостатокъ, а потому часто

приходилось добывать ихъ воровствомъ. Въ дѣло шли: бочки, боченки и цистерны. Для платформъ выбирали изъ домовъ полы и балки. Канонада усиливалась до полдня. Въ 12 часовъ опять затихала. Къ вечеру приносили ужинъ и опять водку. Часто офицеръ имянинникъ приглашалъ на пирогъ, во время тостовъ бастіонъ салютовалъ, посылая смерть непріятелю. Къ 6 часамъ вечера пальба ожесточалась. Матросы говорили, что это непріятель наводитъ орудія къ ночи. Послѣ ужина солдаты немного отдыхали. Въ сумерки выходили охотники и залегали впереди на всю ночь. Съ темнотой, снова, на всю ночь, на работу. Что поправимъ, то и разобьютъ, мы снова поправимъ—и такъ безъ конца. Откуда брались силы и терпѣніе. Ни одного слова ропота, одна покорность судьбѣ и безукоризненное усердіе къ работѣ, чтобы не отдать гнѣзда, съ которымъ мы такъ свыклись. Презрѣніе къ опасности до такой степени овладѣло всѣми, что мало обращали вниманія на выстрѣлы. Въ нѣкоторыхъ батареяхъ были маленькія трехъ фунтовыя мортирки, изъ которыхъ, по большей части, стрѣляли мальчики — матросы. И эти дѣти удивляли своею неустрашимостью. Какъ бережно они обращались съ своими мортирками; во время дождя надѣвали на нихъ шерстяные чехолки. Солдаты прозвали эти мортирки старушками въ чепчикахъ. Сначала солдаты кивали и кланялись пулямъ. Насмѣшками и разными побужденіями заставляли отвыкать отъ этой глупой привычки, но потомъ солдаты и сами

поняли, что эти поклоны ни къ чему не ведутъ. Когда почувствовался недостатокъ въ свинцѣ, было дозволено солдатамъ собирать непріятельскія пули, и, за доставленный пудъ свинцу, платили 4 рубля. Говорили, что въ первый день было представлено 200 пудовъ. Гдѣ болѣе ложились пули, туда болѣе и лезли солдаты, чтобы подхватить горяченькую. Но когда пули стали самихъ подхватывать, тогда и запретили эту рискованную торговлю. Съ наступленіемъ темноты, начиналась усиленная работа. Приходили батальоны на работу, и на бастіонахъ становилось тѣснѣе. Вмѣстѣ съ этимъ и начиналась ужасная бойня. Непріятель, видя что днемъ разбито, и зная что будетъ поправка, усиливалъ огонь до свѣта. Солдаты безъ говору снуютъ взадъ и впередъ съ мѣшками на плечахъ, работа безъ понуканій идетъ быстро, а стоитъ крикнуть: „по банкетамъ“, какъ все опрометью, безъ шуму, ринется на свои мѣста. Вмигъ матросы при орудіяхъ, пѣхота въ ружьѣ, готовые встрѣтить непріятеля. Днемъ солдаты ходили въ рубашкахъ, съ патронной сумой черезъ плечо, у кого были бѣлые ремни ихъ перевернули и вымазали ваксой, потому что бѣлое и днемъ и ночью замѣтнѣе. Съ боку тесакъ на веревкѣ и фуражка въ бѣломъ чехлѣ, который на ночь снимали. На ночь надѣвали шинель. На груди отъ плечъ до пояса были пришиты сѣраго сукна, патронташи, изъ которыхъ торчали патроны. Послѣ взятія Малахова кургана, многіе ставили въ вину генералу фонъ-Вуссау, что онъ взять бы [redacted] въ рубашкѣ,

съ чашкою кофе въ рукахъ. Но это могли говорить только тѣ, которые знали о Севастополѣ по разсказамъ своихъ нянекъ. Всѣ мы днемъ ходили въ рубашкахъ и пили не только кофе, но и другіе напитки. Выстрѣлы не отнимали у насъ апетита. Алексопольскій егерскій полкъ съ генераломъ фонъ-Буссау дѣлалъ венгерскую и турецкую кампаніи, подъ его начальствомъ вступилъ въ Севастополь. Полкъ всегда гордился своимъ командиромъ. Такой генералъ, по честности, распорядительности и храбрости былъ украшеніемъ русской арміи. Это былъ строгій начальникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ товарищъ полка. Несчастіе, что онъ сдалъ полкъ, который съумѣлъ бы отстоять его. Найдется ли хоть одинъ Алексополецъ, который скажетъ иначе.

Часто охотники давали знать, что французы начинаютъ новую батарею или траншею. Тотчасъ пускаютъ свѣтящееся ядро, которое впрочемъ мало освѣщаетъ. Французы бросаются на него съ лопатами, чтобы засыпать, а мы угощаемъ ихъ картечью и залпами. Солдатамъ очень нравилась эта забава. На люнетѣ Бѣлкина было нѣсколько каронадъ, которыя помѣщались у горжи люнета и стрѣляли черезъ люнетъ. Вѣроятно они очень досаждали французамъ, потому что послѣдніе осыпали ихъ гранатами, особенно ночью. Моя рота стояла на лѣвомъ фасѣ, примыкающемъ ко рву 5-го бастіона. Гранаты неумолкаемо [redacted] черезъ наши головы. Въ одну ночь сидѣли [redacted] я, поручикъ Раевскій и молоденькій прапор[redacted]Кошевской. Гранаты ложились и разрывались

около насъ. Осколки съ непріятнымъ трескомъ летѣли мимо. Я и Раевскій наклонялись за кучу туровъ, осколки ударялись въ нихъ. Кошевской же, сидя на банкетѣ, флегматически потягивалъ изъ коротенькой трубочки. Не смотря на наши совѣты и просьбы по пусту не молодечиться, онъ не хотѣлъ прикрываться турами. Въ эту же ночь осколокъ вырвалъ ему изъ плеча руку, а на другой день онъ умеръ. Не будь онъ упрямый хохолъ, какъ его называли, могъ бы хоть на этотъ разъ остаться живымъ. Впрочемъ, на жизнь мы уже и не разсчитывали. Видя, какъ сегодня вырвало изъ рядовъ нѣсколько товарищей, готовишься завтра отправиться за ними. Прошелъ завтрашній день, остался цѣлъ, и думаешь: ну если, сегодня не убили, то завтра непремѣнно, не святой же я. Итакъ постоянное ожиданіе смерти сдѣлало насъ равнодушными къ опасностямъ. Но напрашиваться на смерть все таки было безразсудно. Солдаты на банкетахъ преспокойно занимались своимъ дѣломъ, кто чинилъ сапоги, рубашку, другой приготовлялъ завтракъ, размачивая сухари, тамъ какой нибудь балагуръ смѣшилъ народъ. А смерть летаетъ, да летаетъ кругомъ и вырываетъ очередныхъ. На разсвѣтѣ начинали распѣвать надъ траншеями птички, какъ бы напоминая намъ какъ хорошъ міръ Божій, но уже не нашъ. Какъ ихъ не разогнали выстрѣлы!... Случалось, что какой нибудь сумасшедшій заяцъ забѣжитъ между траншеями, и тогда начинается на него охота съ обѣихъ сторонъ. Водились на бастіонахъ и собачки; у насъ на люнетѣ Бѣлкина была сучка Васька,

съ перебитой ногой и оторваннымъ ухомъ. По сигналу бомба или пушка, она стремглавъ удирала подъ какое нибудь закрытіе. Передъ штурмомъ 6 іюня, батальонъ нашъ былъ снятъ съ люнета Бѣлкина и поставленъ въ резервѣ въ блиндажахъ Чесменскаго редуда, нѣсколько позади каземата 5-го бастіона. Въ офицерскомъ блиндажѣ въ углу былъ образъ, передъ которымъ и день и ночь теплилась лампадка. Деньги на масло собирались съ офицеровъ и лежали у образа. Иной разъ передъ обѣдомъ не доставало денегъ на вино, тогда занимали у образа съ обязательствомъ заплатить съ процентомъ. Когда бомба садилась на блиндажъ, тогда отъ сотрясенія потухали и лампадка и свѣчи. Случалось, что бомбы проваливались въ блиндажи, а осколки влетали въ ворота. Бомбы, разрываясь, наполняли воздухъ удушливымъ запахомъ. Солдатамъ казалось, что французы этимъ запахомъ хотятъ задушить насъ, потому и говорили: насъ вонью не удивишь. Мухи въ несмѣтномъ количествѣ покрывали убитыхъ, валились въ пищу и жестоко кусались. Вечеромъ потолокъ блиндажа покрывался черною массою. Для уничтоженія, мы подводили подъ нихъ мины, насыпая на доску пороху, и поднося подъ потолокъ, поджигали. Пропасть мухъ сгарало, но черезъ нѣсколько минутъ убыль снова пополнялась. Солдаты, желая подшутить надъ товарищами, разъ притащили пустую бомбу, вставили въ нее трубку, подожгли и вкатили въ блиндажъ. Солдаты, видя такую непріятную гостью съ горящею трубкою и не желая быть разтерзанными, начали

перескакивать чурезъ нее изъ блиндажа. Сколько было тогда смѣху! Долго удивлялись мои солдаты, какъ одна бомба, дѣлая маленькіе рикошеты, подкатилась къ невысокому фундаменту старыхъ казармъ, какъ кошка начала карабкаться и, перевалясь черезъ фундаментъ, разорвалась.

Матросы, наблюдая за непріятельскими батареями, замѣтили, что амбразуры открылись, значитъ быть бомбардировкѣ. И дѣйствительно, 5-го іюня открылся такой адскій огонь, такой громъ, что словъ разслышать было невозможно. Отъ дыму и взвиваемаго снарядами песку помрачилось небо. Мѣшки съ брустверовъ, щиты съ амбразуръ, камни, фашины, человѣческіе члены, все полетѣло въ какомъ то хаосѣ. На 5-мъ бастіонѣ не осталось ни одной цѣлой амбразуры. Вечеромъ отъ нашего батальона потребовали роту для исправленія амбразуръ. Очередь была моей ротѣ. Бомбардировка не ослабѣвала. Выводя роту, я невольно сказалъ товарищамъ: прощайте, чего никогда прежде не говорилъ. Уходилъ на работу всегда со словомъ до свиданья. Но теперь было мало шансовъ вывернуться изъ рукъ смерти. На площадкѣ за казематомъ 5-го бастіона свирѣпствовалъ ураганъ. Ядра, бомбы и гранаты летѣли сюда со всѣхъ сторонъ, сталкиваясь между собою и часто разбивались. Снарады сбивали остатки каменныхъ фундаментовъ, поднимая страшную пыль и неся массу каменьевъ, которые били людей, какъ и пули. Въ воздухѣ раздавался какой то нестройный гулъ, визгъ и шипѣніе. Бомбы при-

свистывали. Солдаты находили въ этомъ присвистываніи сходство въ вопросомъ: чьи вы, чьи вы, чьи вы, и разбѣгаясь за траверзы приговаривали: не тронь, мы дѣти Романова. Чтобы не терять людей, я повелъ роту около бруствера Чесменскаго редута, останавливаясь у каждаго траверза. Пришелъ на бастіонъ, не потерявъ ни одного человѣка. Бастіонъ былъ почти разрушенъ, стрѣльба не переставала. Непріятельскій флотъ цѣлыми бортами, залпами громилъ городъ. Глядя на огненныя линіи и массу снарядовъ летѣвшихъ въ городъ, нашъ полковой командиръ только приговаривалъ: „ахъ варвары, ахъ варвары.“ Розведя роту по амбразурамъ я, въ какомъ то раздумьи, сѣлъ спиной къ разбитой и совершенно открытой амбразурѣ и такъ сладко забылся. Изнуреніе, безсонныя ночи и постоянное нервное напряженіе такъ одолѣли, что вся эта перепалка слышалась мнѣ какъ то далеко. Можетъ быть и не всталъ бы съ этого мѣста, если бы поручикъ Елинскій не толкнулъ меня, говоря: „что вы такъ сѣли, удивляюсь какъ до сихъ поръ не насыпали вамъ цѣлую голову пулями.“ Не помню сколько было убитыхъ въ эту ночь. Ряды наши очень стали рѣдѣть. Для пополненія прибыли рекруты Тамбовской и Воронежской губерній, молодые и смѣлые ребята. Не понимая, что выставлять голову опасно, они съ любопытствомъ вылѣзали посмотрѣть, гдѣ располагается непріятель.

6-го іюня утромъ, изъ непріятельскихъ траншей, [redacted] Корабельной стороной, взвилась ракета и

начался штурмъ, за который французы и англичане такъ дорого заплатили. Оторванные отъ 8-й пѣхотной дивизіи, мы не участвовали въ славномъ отбитіи штурма, а только издали, съ завистью смотрѣли на нашихъ товарищей, прибавившихъ такую славную страницу къ исторіи ихъ полковъ. 8-го іюня французы просили перемирія для уборки тѣлъ. Съ появленіемъ бѣлыхъ флаговъ, какъ изъ подъ земли выросли на брустверахъ массы народу. Водворилась тишина, отъ которой мы давно отвыкли, ни одного выстрѣла. Съ нашей и непріятельской сторонъ выставили цѣпи. Почистивъ свою сѣрую шинель, я пошелъ посмотрѣть. Между цѣпями было нейтральное пространство и здѣсь собралось множество офицеровъ нашихъ, французскихъ и англійскихъ; сардинцевъ и турокъ не видѣлъ. Наши офицеры въ сѣрыхъ шинеляхъ, иностранцы щегольски одѣтые въ мундирахъ. Поле усѣяно было трупами французовъ, а передъ 3-мъ бастіономъ англичанами. Издали казалось садомъ, наполненнымъ красными и синими цвѣтами. Трупы отъ жары сильно раздулись. На глазъ казалось уложенныхъ до десяти тысячь. Наши носильщики доносили трупы до непріятельской цѣпи и сдавали ихъ носильщикамъ. Наши за непріятельскую цѣпь и они за нашу входить не имѣли права. Нельзя сказать, чтобы наши носильщики вели себя хорошо. Прежде чѣмъ взять убитаго, многіе обшаривали карманы, и, не найдя ничего, отправлялись къ другому. Такимъ образомъ уборка затягивалась. Объ этомъ доложили генералу Хрулеву и

тогда начали подгонять носильщиковъ. Къ вечеру флаги сняли и всѣ спѣшили занять свои мѣста и снова ждать своей участи. Батареи опять загудѣли. 29-го іюня осколокъ бомбы такъ треснулъ меня по головѣ, что я свѣта не взвидѣлъ, но остался при ротѣ. Зашедши разъ на перевязочный пунктъ, въ казематъ 5-го бастіона, чтобы примочить голову свинцовою примочкою, я увидѣлъ раздирающую картину. Два какихъ-то негра катались, по холодному полу каземата въ ужасныхъ мученіяхъ. На вопросъ мой: что это такое? мнѣ объяснили, что отъ какого-то взрыва, на этихъ двухъ несчастныхъ солдатахъ сгорѣла одежда, и кожа отъ обжога почернѣла а глаза залились кровью. На перевязочный пунктъ они прибѣжали голые. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, полкъ снова былъ переведенъ на корабельную сторону и занялъ 2-й бастіонъ и куртину, между этимъ бастіономъ и Корниловымъ. 2-й бастіонъ страшно страдалъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и ряды наши такъ начали уменьшаться, что черезъ нѣсколько дней полкъ изъ 4-хъ батальоновъ былъ сведенъ въ 2 батальона. Занимая въ одну ночь куртину, изъ цѣпи охотниковъ явился подпоручикъ Авксентьевъ и сказалъ, что большія колонны французовъ выходятъ изъ траншей. Солдаты услыша это, безъ приказанія открыли батальный огонь, который распространился по всей куртинѣ. Не видя ничего серьезнаго я, успокоивъ свою роту, побѣжалъ вдоль куртины приказывая перестать стрѣлять. Добѣжавъ до 3-й роты я засталъ командира этой роты сидящимъ на брустверѣ.

Съ трудомъ могъ успокоить роту. Солдаты вскочили на валъ и поражали темное пространство. Когда пальба прекратилась я приказалъ подпоручику Авксентьеву, отправиться въ цѣпь и высмотрѣть, что дѣлается впереди. Черезъ нѣсколько времени получилъ извѣстіе, что французы убрались. Скажу кое-что о командирѣ 3-й роты. Офицеру, этому ужасно хотѣлось быть раненымъ. Часто онъ ложился на валъ поднимая ноги къ верху и крича: „валяй на полный пенсіонъ". Часто уходилъ за бастіонъ къ непріятельскимъ траншеямъ и всегда что нибудь оттуда притаскивалъ. Никогда, до самаго конца, не былъ даже оцарапанъ. Между тѣмъ, стоило только на штыкѣ выставить фуражку, какъ она вмигъ прострѣлена нѣсколькими пулями. Ни одна голова, неосторожно высунутая, не оставалась цѣлою. Штуцерные, не могли слѣдить за выстрѣломъ изъ своей бойнички, потому, что на дымокъ слѣдовалъ тотчасъ отвѣтъ и часто попадалъ въ бойничку и въ лице стрѣлка, такъ зорко слѣдили другъ за другомъ. Былъ у этого офицера деньщикъ Кузьма, прегорькій пьяница: за пьянство и другія неисправности, баринъ часто выставлялъ его на банкетъ. Не смотря на то, что кругомъ все валилось, деньщикъ вышелъ невредимъ изъ Севастополя.

2-й бастіонъ, такъ былъ обстрѣливаемъ и такъ разрушался, что съ трудомъ успѣвали поправлять. Убыль въ людяхъ была громадная а работа увеличивалась. По бастіону трудно было пройти, все развалилось; докопались до камня и недоставало земли

для насыпки на пороховые погреба. Не смотря на ужасную бойню, солдаты не падали духомъ, были веселы и шуткамъ не было конца. Были въ ротахъ балагуры, очень полезные въ столь трудное время. Они-то придумывали разныя забавы. Ни одна пуля не пролетитъ, что бы надъ ней не подтрунили: сирота пролетѣла. Про ядра изъ ланкастерскихъ пушекъ говорили: жеребцы полетѣли. Ходитъ бывало кто нибудь и кричитъ: признавайся чья рука, не то на перевязочный отправлю. Разъ снесло матросу голову съ бакенбардами, голова пролетѣла нѣсколько, а солдаты тотчасъ подхватили: „берегись — лахматка.“ Лахматкой называли гранату, которая ночью во время полета оставляетъ за собою какъ бы огненныя косы. Выстрѣлъ изъ мортиры называли маркела; ядро — холодное. Сигналисты кричали: пушка, берегись, и ядро проносилось съ визгомъ, маркела, къ намъ, тутъ не зѣвай. Въ одно утро, поручикъ Ланевскій и прапорщикъ Барковъ сидѣли у бруствера за самоварчикомъ. Сигналистъ прокричалъ: бомба берегись. Но оба офицера зазѣвались. Бомба прямо сѣла на Баркова, углубилась въ землю и разрѣшилась (разорвалась). Лишь мокренько стало. Отъ Баркова осталось нѣсколько кусочковъ, которые солдаты собрали въ сухарный мѣшочекъ, и отправили въ церковь. Ланевскаго отбросило на нѣсколько шаговъ. Не смотря на господство смерти, жизнь брала свое. На бульварѣ Казарскаго, каждый вечеръ играла музыка и все [illegible]щее въ городѣ выходило гулять. Являлось

много дамъ и иногда плѣнные французскіе офицеры. Не смотря на то что бомбы, ядра и даже пули залѣтали сюда, гулянье не разстраивалось и обстрѣленныя дамы не робѣли. Городъ уже обратился въ развалины, но до августа еще оставались и магазины и жители. Были гостинницы и кандитерская. Одинъ разъ я зашелъ въ гостинницу Шнейдера. Доктора, съ главнаго перевязочнаго пункта прибѣгали сюда въ своихъ клеенчатыхъ фартукахъ, съ запекшеюся кровію, и присохшими кусками мяса, руки точно въ перчаткахъ, отъ засохшей крови, и лоснятъ. На скоро уничтожали какого нибудь курченка этими же руками и, облизывая окровавленныя пальцы, снова спѣшили за свою ужасную работу. Безнадежныхъ раненыхъ съ главнаго перевязочнаго пункта отправляли въ домъ Гущина. Каждый изъ насъ зналъ, что отправленный туда и неудостоенный докторскаго ножа, исключенъ за живо изъ списковъ. Пріятно отправляться въ этотъ домъ человѣку въ памяти, какъ напримѣръ, прапорщику Коченовскому, которому граната вырвала обѣ ноги, и онъ въ полной памяти прожилъ три дня надѣясь еще выздоровѣть. Въ то время, какъ я обѣдалъ у Шнейдера, бомба сѣла на крышу, прошла этажи и разорвалась въ гостинницѣ причинивъ не малый безпорядокъ. Это былъ послѣдній мой визитъ въ городъ. Не хотѣлось быть убитымъ не на бастіонѣ. Намъ казалось страннымъ распоряженіе давать награды только раненымъ. Были офицеры, которые не сходили съ бастіоновъ, не были ранены и не

удостоивались наградъ. Были такіе, которые съ сѣверной стороны забирались не далѣе гостинницъ Шнейдера или Томаса, были въ нихъ ранены и получали награды. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, 1-й батальонъ былъ уже на 2-мъ бастіонѣ. Не помню какого числа моей ротѣ назначено было поправлять снаружи передній брустверъ, совершенно обвалившійся. Ровъ 2-го бастіона былъ такъ не глубокъ, что днемъ нельзя было ходить. Для прикрытія себя отъ стрѣлковъ наложили на контръ-эскарпѣ каменную стѣнку. Ядра, попадая въ нее разбивали и камнями били людей. Унтеръ-офицеръ Анисимовъ, былъ посланъ за полученіемъ шанцеваго инструмента. Анисимовъ, подъ Силистріею во время ночного штурма укрѣпленія Арабъ-Табіасы вынесъ изъ непріятельскаго рва смертельно раненыхъ подполковника Науменко и капитана Чуйкова, при этомъ былъ самъ раненъ но не оставилъ своихъ начальниковъ, за что былъ награжденъ знакомъ военнаго ордена. Когда я построилъ роту для выхода въ ровъ, унтеръ-офицеръ Анисимовъ, съ какою то злостію, передъ ротою объявилъ, что тамъ работать нельзя, перебьютъ всю роту. Какое впечатлѣніе могли произвесть на роту подобные слова, при тѣхъ ужасахъ, которые сносилъ севастопольскій гарнизонъ. Можетъ быть, я слишкомъ круто поступилъ порядочно оборвавъ георгіевскаго кавалера. Но крутая мѣра была необходима, чтобы моментально уничтожить дурное впечатлѣніе. Объявивъ солдатамъ, что могъ же Севастополь вырости и укрѣпиться подъ выстрѣлами, слѣдовательно, и намъ нѣтъ

невозможнаго, я повелъ роту въ ровъ. Работа была трудная, брустверъ обсыпался гранатами. Солдаты замялись. Нужно было самому лѣзть на брустверъ и ставить туры. Солдаты зашевелились, работа пошла быстро по указанію сапернаго офицера Товянскаго. Вдругъ, одна граната упала около меня и углубилась въ валъ. Мгновенно кто-то повалилъ меня и прикрылъ собою. Когда граната разорвалась и осколки пролетѣли мимо, я увидѣлъ, что тотъ же Анисимовъ, опять жертвовалъ собою, чтобы спасти своего командира. Къ разсвѣту брустверъ былъ готовъ и бастіонъ открылъ огонь. Въ приказѣ графа Сакена, была отдана благодарность Алексопольцамъ а я, какъ говорили, былъ представленъ къ Владиміру 4-й степени, но не получилъ, вѣроятно, потому, что не былъ раненъ. Очень важно, постоянное и неусыпное бодрствованіе офицеровъ надъ своими солдатами, и солдаты охотно и смѣло исполняютъ свое дѣло, видя передъ собой офицеровъ. Но Боже сохрани, еслибы въ такія важныя минуты, какія бывали въ Севастополѣ, офицеры оставили своихъ солдатъ. Слава Богу, случаи эти не встрѣчались. Что возбудило такой изумительно геройскій духъ въ защитникахъ Севастополя, какъ ни постоянное присутствіе офицеровъ, между солдатами: на тѣхъ же банкетахъ, тѣже лишенія, тѣже труды, да еще пожалуй болѣе. Солдатамъ позволялось заснуть, а ротный командиръ, какъ насѣдка надъ своими цыплятами, постоянно долженъ бодрствовать. Постоянныя обращенія къ солдатамъ, что вся Россія ждетъ отъ

насъ побѣдъ, что Европа смотритъ на насъ съ удивленіемъ, что намъ нѣтъ отступленія, не топитвся же въ бухтѣ а лучше умереть до единаго на банкетахъ, или ломить впередъ, электризовали ихъ. Каждый изъ насъ считалъ священною обязанностію, каждый день внушать эти мысли и солдаты охотно слушали. Какъ терялись солдаты, не видя передъ собою офицеровъ, приведу примѣръ не называя полка. Стоялъ я съ ротою лѣвѣе 2-го бастіона, у прохода въ ровъ. Вечеромъ пришла въ ровъ рота на работу. Полкъ этотъ только что вступилъ въ Севастополь. Роту провелъ въ ровъ саперный унтеръ-офицеръ а ротный командиръ и два офицера остались при моей ротѣ. Черезъ нѣсколько времени выходитъ изъ рва саперъ и обращаясь ко мнѣ какъ къ старожилу, говоритъ, что рота сбилась въ кучу и не работаетъ, иду на бастіонъ сказать командиру. Подожди, сказалъ я и обратясь къ ротному командиру совѣтывалъ пойти въ ровъ къ ротѣ. Ротный командиръ приказалъ идти офицеру, который и собрался, но на несчастіе въ это время сигналистъ крикнулъ: бомба. Всѣ три офицера легли ницъ. Это повторилось нѣсколько разъ, не смотря на то что я каждый разъ успокоивалъ, говоря, что это бомба не къ намъ. Солдаты мои смѣялись. Видя, что время уходитъ, оставивъ роту поручику Елинскому, я взялъ сапера и пошелъ самъ въ ровъ. Рота дѣйствительно стояла въ кучѣ ничего не дѣлая. Что братцы, боязно, сказалъ я. Боязно, ваше благородіе, отвѣчали они жалобно. Что дѣлать ребята, сто-

ять въ кучѣ хуже, да завтра, вѣдь ошельмуютъ по всей арміи въ приказѣ, на всю жизнь пятно, лучше принимайтесь по маленьку за работу, вотъ такъ; зашевелились и сработали что нужно. На другой день, командиръ полка и нѣсколько офицеровъ пришли благодарить меня. А полкъ былъ всегда, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный, но новички необстрѣленные. О названіи полка и фамиліи ротнаго командира позволяю себѣ умолчать, тѣмъ болѣе, что послѣдній подъ конецъ, какъ я слышалъ, былъ раненъ. Часто, нашимъ ротамъ приходилось занимать куртину, между 2-мъ и 1-мъ бастіонами. Становились сюда только ночью. Куртина обстрѣливалась продольно и, кромѣ того, бомбы падающія въ Ушакову балку осколками своими били насъ. Днемъ по этой причинѣ, на куртину никого не ставили. Въ одну ночь мнѣ что-то вздумалось особенно приберечься. Становясь на куртину я принесъ два тура. Одинъ, изъ нихъ поставилъ, а другой, положилъ на него, прикрывъ себя такимъ образомъ сзади отъ Ушаковой балки. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ большой осколокъ ударилъ въ верхній туръ, съ такою силою, что онъ слетѣлъ сваливъ меня на подпоручика Левашова. Не будь тура, осколокъ врѣзался бы въ меня. Незнаю вѣрить-ли въ предчувствіе, но о себѣ скажу, что куда бы я ни шелъ, никогда во мнѣ ни на минуту не являлось грустнаго настроенія. Всегда казалось, что я не буду убитъ. Былъ у меня въ ротѣ молоденькій прапорщикъ Кашкаровъ. Разъ я уволилъ его,

на сѣверную сторону, и къ вечеру просилъ явиться. Кашкаровъ явился, но признался что страшно не хотѣлось идти на бастіонъ, что сердце его ужасно болитъ. Если сегодня буду убитъ, отправьте моего человѣка Аксена, къ матушкѣ, Тамбовской губерніи, Елатемскаго уѣзда въ село Петъ; за тѣмъ онъ ушелъ на свое мѣсто и заснулъ на банкетѣ. Черезъ часъ мнѣ доложили что Кашкаровъ убитъ. Бомба упала около него, разорвалась, отбросивъ его на сажень. Бѣдный мальчикъ и не проснулся. Когда я осмотрѣлъ его, не было ни одной кровинки, но черепъ хрустѣлъ какъ сухари въ мѣшкѣ. Было у меня въ ротѣ нѣсколько такихъ мальчиковъ. Сначала, еще подъ Силистріею я приберегалъ ихъ, и не таскалъ во всѣ опасности. Но командиръ полка генералъ фонъ-Буссау замѣтилъ мнѣ: „отчего вы ихъ не берете, вы ихъ зайцами сдѣлаете“. Никто изъ нихъ не вышелъ. Другой примѣръ. Былъ у насъ ротный командиръ, развеселый человѣкъ, звали его бѣлый шутъ. Въ Севастополѣ онъ присмирѣлъ, сдѣлался грустенъ и все говорилъ мнѣ потихоньку: „дядинька, отдать бы имъ Севастополь, чортъ ли намъ въ немъ, ей-Богу убьютъ не за грошъ“. 27 августа, во время послѣдняго штурма разбило ему черепъ. Веселый былъ человѣкъ, а пѣсенниковъ не любилъ. Часто говорилъ мнѣ: „дядинька уничтожь ты этихъ крикуновъ, я ихъ уже уничтожилъ; когда вызываютъ пѣсенниковъ у меня, выходитъ только одинъ съ бубномъ“. Не помню, кажется, въ концѣ іюля полкъ нашъ совершенно разбитый перевели на 1-й бастіонъ. Мы знали, что 4 августа

предполагалось наступленіе со стороны Черной рѣчки и изъ Севастополя, да горе что знали объ этомъ и французы. Насталъ разсвѣтъ 4 августа. Была мертвая тишина. Обѣ стороны съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали чего-то. Вотъ вдали загудѣли орудія, всѣ мы перекрестились, что-то Богъ пошлетъ! Противъ насъ кажется ни души не оставалось въ траншеяхъ, потому, что свободно стояли на банкетахъ, и ни одна пуля къ намъ не прилетала. Къ вечеру узнали, что дѣло не удалось, что войска пошли превосходно, быстро перешли Черную рѣчку, да кто-то перевралъ. Говорятъ, во время отступленія одинъ солдатъ остался далеко сзади и все стрѣлялъ. Князь Горчаковъ велѣлъ привесть его и спросилъ: „что ты тамъ дѣлалъ?“ „Прикрывалъ отступленіе, ваше сіятельство“. За 4 августа досталось же севастопольскому гарнизону. Въ городѣ не было безопаснаго мѣста, а потому жители и магазины были высланы на сѣверную сторону. Улицы баррикадированы и вооружены карронадами. Цѣлый августъ продолжалась непрерывная бомбардировка, и непріятельскія траншеи подошли совершенно близко. Съ замираніемъ сердца чувствовалось, что развязка близится, но ни кто не допускалъ мысли о сдачѣ Севастополя. Убыль въ людяхъ началась громадная. На Малаховъ курганъ залпомъ сыпались бомбы. 2-й бастіонъ развалился, всюду видно было какое то страшное опустошеніе, солдаты, говорили: осенью пахнетъ. Не смотря на то, что мы уже до совершенства примѣнились къ полету бомбъ, одна, сбила меня съ толку.

Обходя ночью роту, я увидѣлъ, что прямо на меня спускается бомба, я увеличилъ шаги, она, проклятая, все надо мной; побѣжалъ назадъ глядя на нее, а она ближе надъ головой. Помнится, что я успѣлъ совершить нѣсколько такихъ маневровъ, какъ надъ головой раздался оглушительный разрывъ и въ правое плечо впился небольшой осколокъ. Отлегло отъ сердца, еще разъ вывернулся. Здоровье мое въ это время пошатнулось. Отъ контузіи, или отъ всего вмѣстѣ, разболѣлась голова, началось горячечное состояніе съ бредомъ. Гдѣ приткнешся, тамъ задремлешь и забредишь. Но своихъ оставлять не хотѣлось. Мушки на затылокъ и лѣкарства получалъ на бастіонѣ. Чуть забредишь, цырульникъ Николаевъ ткнетъ въ ротъ ложку какой-то кислятины. Царство небесное, убитъ. Труднѣе всего было въ этомъ состояніи ходить на работы, особенно ночью. Разъ, такъ сдѣлалось худо, а нужно было идти на 2-й бастіонъ, я и говорю командиру присоединенной ко мнѣ роты: „сходите-ка съ ротой а я полежу въ казематѣ“. „Я прежде подумалъ, нельзя ли мнѣ остаться“, сказалъ онъ. „А! если вы прежде подумали, то останьтесь“. На другой день, онъ уже самъ предложилъ мнѣ остаться, но я отвѣтилъ, что прежде подумалъ идти вмѣстѣ. Словами: „прежде подумалъ“, я долго донималъ этого славнаго офицера, съ которымъ всю кампанію прожили душа въ душу. Къ концу августа, во время самой сильной бомбардировки, привели къ намъ ополченскую дружину. Генералъ Сабашинскій, приказалъ мнѣ размѣстить ратниковъ между моими сол-

датами. Трудъ былъ не малый устроить команду не привыкшую къ строю и подъ выстрѣлами, когда въ виду ихъ такъ и косило людей. Когда я приказалъ одному ротному командиру размѣстить его ратниковъ на указанномъ банкетѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ ужъ извините, я туда не полѣзу, мы пришли стоять въ резервѣ“. Бѣдняга, кажется, думалъ, что я посылаю его за брустверъ. Къ довершенію несчастія сигналистъ закричалъ: бомба. Ратники сбились въ кучу и подобрали подъ себя моего барабанщика. Бомба прямо сѣла на эту кучу и разорвалась. Раздался вопль. Когда разнесся дымъ, глазамъ представилась масса растерзанныхъ труповъ, и на верху голова съ бородой. Уложило человѣкъ 18. Я приказалъ ополченскимъ носильщикамъ разбирать перебитыхъ, никто не трогался, а только плакали, нужно было своими носильщиками ихъ замѣнить. Доложивъ генералу Сабашинскому, я просилъ какъ нибудь ободрить ратниковъ. Генералъ обошелъ дружину, выбралъ себѣ ординарцевъ и нѣкоторымъ далъ георгіевскіе кресты. Съ каждымъ днемъ мы болѣе и болѣе уничтожались и къ намъ подсылали новенькихъ: такъ появились на работахъ Олонецкій и Бѣлозерскій полки. Чтобы придержать раненыхъ во фронтѣ, тѣмъ которые съ перевязочнаго пункта возвращались на бастіонъ, выдавали изъ пожертвованныхъ денегъ: унтеръ-офицерамъ 5 рублей, а рядовымъ 3 рубля. Спасибо, Россія насъ не забывала. Присылали деньги, образки, крестики, рубашки, сапоги, башмаки, полушубки и проч. Но по бездорожью и по неуря-

дицѣ, вещи приходили гнилыми, годныя для лѣта, приходили зимой, и на оборотъ. Много мы потеряли товарищей, но болѣе всѣхъ досталось поручику Губчицу. Послѣ обѣда онъ прилегъ въ блиндажикъ, собственнаго издѣлія, который могъ прикрывать только отъ солнца. Граната сѣла на блиндажикъ, повалила на Губчица и разорвалась. Насчитали до сорока ранъ, все тѣло было изшпиговано деревянными осколками и одинъ глазъ вытекъ. Когда его уносили, онъ просилъ не оставить его собачку, Альмочку. Для перевязки ранъ каждый имѣлъ при себѣ бинты и корпію, а я еще и полотенце, на случай, чтобы заткнуть, если пробьютъ большую дыру. Къ концу августа, бомбардировка сдѣлалась положительно, не выносимою. Мерлоны и траверзы развалились, орудія не могли дѣйствовать, исправлять не хватало ни рукъ, ни земли.

По недостатку-ли бомбъ, или по близости непріятельскихъ траншей, откуда возвращались наши осколки и били своихъ, мы собирали осколки, клали въ жестянки и заряжали мортиры. Пущенные такимъ образомъ, осколки осыпали непріятельскія траншеи. Были у насъ своего рода, ланкастерскія пушки. Чугунныя, бомбическія пушки съ отбитыми цапфами, мы вкапывали подъ угломъ въ землю, давали желаемый уголъ возвышенія, подкладывая клинъ. Пущенныя изъ этихъ орудій бомбы залетали въ непріятельскій лагерь, но чаще разрывались въ высотѣ, по неимѣнію трубокъ для дальняго полета. Были частые разрывы чугунныхъ

пушекъ, что наносило большой вредъ прислугѣ. Для встрѣчи штурмующихъ, клали въ орудіе ядро и большой холщевой мѣшокъ наполненный разными пулями. Такіе выстрѣлы хорошо осыпали противника; пѣхота разсѣкала пулю на 4 части, и шесть такихъ частей и цѣлую пулю клали въ ружье. Французы претендовали на это, но примѣръ показали они сами. У плѣнныхъ мы находили крупную дробь, завязанную въ тряпочкахъ. Разъ мнѣ пришлось примѣнить навѣсный огонь изъ ружей. Занимая съ ротой самый лѣвый флангъ 1-го бастіона, въ лунную ночь я замѣтилъ большое движеніе французовъ, на краю горы, за Килинъ-балочной бухтой. Сравнительно съ нами это было очень высоко. Можно было ясно видѣть, что французы закладываютъ батарею для дѣйствія по бухтѣ и по мосту. Я пошелъ къ командиру Святославской батареи и просилъ стрѣлять, но онъ отказался, по не имѣнію зарядовъ. Тогда я приказалъ ротѣ прицѣлиться вверхъ. Послѣ залпа движеніе прекратилось. Когда работа снова началась, я опять далъ залпъ. Вѣроятно, пули долетали, потому что черезъ нѣсколько времени непріятель началъ посылать намъ бомбы. Въ концѣ августа, разнеслась вѣсть, что французы будутъ идти на штурмъ въ металлическихъ нагрудникахъ, а потому мы и предупредили нашихъ солдатъ, колоть болѣе въ животъ. Послѣ штурма, у плѣнныхъ не оказалось ни какихъ нагрудниковъ. Любимый всѣми генералъ Хрулевъ, часто обходилъ бастіонъ ободряя солдатъ. При его поя-

вленіи, мы приказывали прекратить пальбу, чтобы не навлекать отвѣтныхъ выстрѣловъ. Намъ казалось, что мы такимъ образомъ, убережемъ столь нужнаго и дорогаго для насъ боевого генерала. 27 августа бомбардировка еще усилилась, дулъ сильный вѣтеръ и несъ съ бастіоновъ массу песку. Трудно было открыть глаза. Около 12 часовъ я сѣлъ пообѣдать. Столовую составляли ворота прислоненные къ брустверу, Только что пообѣдалъ и взялся за бутылку краснаго вина, какъ услышалъ крикъ: „французы". Выбѣгаю, и вижу уже на Малаховомъ курганѣ, французское знамя. Сердце сжалось отъ боли; это былъ одинъ мигъ. Во 2-й бастіонъ французы тоже ворвались. Мы вскочили на брустверъ и открыли такой частый огонь, точно вооружены были скорострѣльными ружьями. Патроны были опять съ круглыми пулями. Чтобы усилить огонь, я на мою отвѣтственность присоединилъ къ себѣ роту поручика фонъ-Копшталя, которая бѣжала на лѣвый флангъ къ бухтѣ. Рядомъ съ нами стояло орудіе на высокомъ крѣпостномъ лафетѣ и за каждымъ выстрѣломъ падало. И смѣхъ и горе. Мимо насъ пробѣжали на выручку 2-го бастіона, предводимые храбрымъ генераломъ Сабашинскимъ, наши однобригадцы, Кременчугцы. Сильный ружейный огонь и дружный натискъ резерва, выбили французовъ. Къ нимъ на подмогу вынеслась легкая батарея и начала угощать насъ картечью, но нашъ ружейный огонь пересилилъ. Отъ батареи, только щепки полетѣли и она помчалась уже не строемъ а кто куда попало.

Мы прекратили пальбу, когда намъ начали махать платками, т. е. когда наши совершенно утвердились на 2-мъ бастіонѣ. Въ это время осколокъ съ рикошета ударилъ меня въ ногу ниже колѣна и содралъ кожу. Рѣдко кто вышелъ не помѣченнымъ. Французы не успѣвшіе отступить, остались у насъ въ плѣну. Такъ какъ Малаховъ курганъ командовалъ 2-мъ и 1-мъ бастіонами, то съ него и видно было всякое движеніе на нашихъ бастіонахъ. Занявъ лѣвый фасъ Корнилова бастіона (Малаховъ курганъ) французы разстрѣливали насъ до ночи. Никто изъ насъ не предполагалъ, что этимъ и кончится, потому мы и приказывали солдатамъ запасаться патронами, которые мѣшками подносили изъ погребовъ; солдаты насыпали ихъ въ полы. Мы предполагали и готовы были рѣзаться до безконечности. Раненыхъ и убитыхъ велѣно было оставить на тѣхъ же мѣстахъ, ихъ были навалены порядочныя кучки, что бы уносить ихъ нужно было на каждаго раненаго по 4 человѣка, разошелся бы и весь остальной гарнизонъ. Подъ вечеръ, мы перетаскали и нашихъ и французовъ, въ казематъ 1-го бастіона. Одного французскаго офицера била лихорадка, поручикъ Елинскій прикрылъ его своею офицерскою шинелью, такъ она тамъ и осталась. Незнаю, по чьему приказанію ратники начали уходить съ бастіона, командиръ дружины сказалъ мнѣ, что онъ отступаетъ на сѣверную сторону. Я тотчасъ доложилъ объ этомъ генералу Сабашинскому. Генералъ удивился, не отдавая такого приказанія, а потому и велѣлъ

мнѣ остановить дружину, но подумавъ немного сказалъ: "пусть уходятъ.„ И затѣмъ, отдалъ мнѣ слѣдующее приказаніе.

„Прошу васъ не говорить ни кому, мы оставляемъ Севастополь, распорядитесь тихонько, чтобы кухни ваши сейчасъ же убирались на сѣверную сторону. Гарнизонъ съ корабельной будетъ переправляться изъ Аполлоновой балки на параходахъ. Когда, ночью, приказано будетъ войскамъ уходить, вы останетесь съ 20-ю человѣками вашихъ солдатъ и съ прислугой при орудіяхъ. Изъ орудій и ружей поддерживайте пальбу, чтобы не дать замѣтить наше отступленіе. Когда войска переправятся, получите приказаніе отступить. Тогда прикажете заклепать орудія, соберете прислугу и отступите въ балку, тамъ васъ переправятъ." Итакъ Севастополь палъ. Наши труды, безпримѣрная, одиннадцати-мѣсячная, геройская защита, привели къ плачевному результату. Но совѣсть наша, людей маленькихъ, чиста, передъ Государемъ и отечествомъ. Все что отъ насъ зависило мы сдѣлали безупречно. Съ темнотою войска начали отступать и бастіонъ опустѣлъ. Распространилась грустная тишина. Орудія и пѣхотные изрѣдка пострѣливали. Матросы съ мѣшками пороху начали насыпать пороховыя дороги изъ погребовъ до бухты. Стоило попасть искрѣ на одну изъ дорогъ, и поминай какъ звали. Но Богъ хранилъ. Кажется около двухъ часовъ ночи, я получилъ приказаніе уходить. Собравъ команду я пошелъ на берегъ и засталъ еще много не переведеннаго войска. Трудно представить

себѣ, чтобы произошло еслибы хоть одна отчаянная рота французовъ бросилась на берегъ. Но у нихъ самихъ душа ушла въ пятки и они ждали, что вотъ-вотъ взлетятъ на воздухъ. Они не знали, что мы настолько гуманны и не приготовили имъ такого сюрприза. Въ потьмахъ я видѣлъ только одинъ пароходъ. Не видя возможности добраться до парохода, я повелъ солдатъ за ранцами на Павловскій мысокъ. Возвращаясь къ Аполоновой балкѣ я замѣтилъ подходящій баркасъ. Окликнувъ не будетъ ли перевозить и получивъ утвердительный отвѣтъ, я приказалъ баркасу не подходить близко къ берегу, боясь что на него бросится слишкомъ много народу. По поясъ въ водѣ я добрался съ моими недобитками солдатами до баркаса. Усѣвшись удобно повѣсилъ голову. Трудно описать то грустное настроеніе, которое тогда чувствовалось. На половинѣ бухты мечты мои были прерваны крикомъ: ваше благородіе, французъ бочонки пустилъ. Говорили, что французы во время осады посылали къ намъ какіе то бочонки наполненные порохомъ, но мнѣ не приходилось ихъ видѣть. Тутъ какъ то [illegible], вижу огненные клубы, но это взлетѣли уже пороховые погреба. Какъ огненныя змѣи поползли эти горящія [illegible] снизу вверхъ, [illegible] въ погребахъ и [illegible]. Громадные огненные снопы поднялись высоко и разразились страшнымъ грохотомъ. Бомбы и гранаты рвались въ воздухѣ [illegible] все кругомъ [illegible]. Одинъ осколокъ [illegible] [illegible] и [illegible] баркаса и [illegible] еще одного солдата. Судь-

ба вѣрно забыла его, но теперь спохватилась. Все, что могло еще горѣть въ Севастополѣ зажгли, а на бухтѣ медленно и величественно догорали два корабля. При темнотѣ ночи картина эта была замѣчательна. Что сталось съ раненными оставленными въ Севастополѣ? Бѣдняги очень роптали что ихъ покидаютъ. Добравшись до берега, и не зная гдѣ собирается полкъ я остановился на берегу, приказавъ нѣкоторымъ солдатамъ пройти по берегу къ пароходамъ и собирать, если окажутся, Алексопольцевъ. Самъ повалился на кучу колесныхъ ободьевъ и крѣпко заснулъ. Съ разсвѣтомъ унтеръ-офицеръ Маіоровъ разбудилъ меня. Первое, взглянулъ на Севастополь, родной весь въ дыму, и не нашъ. На берегу еще ранило какимъ то шальнымъ ядромъ моего солдатика Березка, который во время осады дразнилъ французовъ, выставляя на брустверъ красные флаги. Маіоровъ сказалъ что войска собираются за сѣвернымъ укрѣпленіемъ гдѣ я и нашелъ свой полкъ. Тотчасъ приказано было составить взводъ и отправляться въ сѣверное укрѣпленіе за знаменами.

Передъ вступленіемъ въ Севастополь мои пѣсенники пѣли про союзниковъ:

Къ Севастополю подкрались,
Они взять его старались,
А что взяли,—шишъ

Въ сѣверномъ укрѣпленіи встрѣтилъ меня начальникъ сѣверной стороны, нашъ бригадный командиръ словами: „а что, шишъ то взяли“.

27 числа нашего полка подполковникъ Булгаковъ,

послѣ раны, выписался изъ госпиталя. Желая отдохнуть съ дороги онъ рѣшился явиться на бастіонъ 28 числа послѣ обѣда. Онъ и деньщикъ проспали до вечера въ своей квартирѣ. Утромъ 28 числа подполковникъ Булгаковъ послалъ человѣка къ Павловскому мысу за продуктами, приказавъ приготовить обѣдъ, а самъ пошелъ прогуляться. Дошелъ до Малахова кургана. Страннымъ показалось ему, что никого, ни изъ офицеровъ ни изъ солдатъ не повстрѣчалось съ нимъ а на курганѣ какія то странныя фигуры. Ему и въ голову не приходило, что мы уже на сѣверной сторонѣ. Какого было удивленіе его и горячка, когда деньщикъ прибѣжалъ къ нему и сообщилъ, что Севастополь нами оставленъ. Французы ожидая взрывовъ, не рѣшались нѣсколько дней вступать въ Севастополь а потому мы посылали артельщиковъ забирать оставшіяся вещи. Офицерскія вещи такъ и остались въ домикахъ.

Переночевавъ за сѣвернымъ укрѣпленіемъ, рядомъ съ убитымъ поручикомъ Петровымъ, утромъ 29 числа выступили къ аулу Черкесъ-Кермень, въ резервъ греческой и бородинской позицій. Странное зрѣлище представлялъ разстрепанный полкъ, напоминая собою болѣе перевязочную команду. Рѣдкаго солдата можно было видѣть не перевязаннымъ. Проходя черезъ драгунскую позицію у деревни Зеленкой, драгуны не хотѣли даже вѣрить, что эта горсть людей есть 8-я дивизія. Что скажутъ защитники Малахова кургана, но намъ же близкимъ сосѣдямъ казалось, что курганъ взятъ слишкомъ скоро и безъ должнаго

сопротивленія. Что дѣлала сѣверная сторона, откуда видно было, что французы собираются? Послѣ взятія кургана, въ скоромъ времени, лѣвѣе, на куртинной батареи произошелъ взрывъ погреба и взлетѣлъ на воздухъ человѣкъ. Французы ринулись съ кургана, вѣроятно, думая, что весь курганъ взлѣтитъ на воздухъ. Мы видѣли это ясно. Если бы въ это время, кто нибудь двинулъ впередъ войска собравшіеся во второй линіи, можетъ быть курганъ остался бы за нами. Но всѣ генералы были убиты или переранены.

Простоявъ у аула Черкесъ-Кермень нѣсколько дней, насъ перевели за Албатское ущелье и расположили на горѣ у аула Кременчукъ. Внизу въ долинѣ располагался французскій отрядъ. Казаки подхватили въ плѣнъ одного африканскаго конно-егеря. На утро французы отступили, а мы спустились на ихъ позицію и стали у аула Фотъ-Сала. Потомъ двинулись еще впередъ къ аулу Яни-Сала и выставили аванпосты, впереди были казачьи разъѣзды; отрядомъ командовалъ генералъ-маіоръ Тетеревниковъ. Полкъ былъ всегда въ полной готовности и съ заряженными ружьями. Серьозныхъ дѣлъ не было. Ограничивались только передовыми перестрѣлками. Одинъ разъ французскій отрядъ началъ наступленіе, мы приготовились къ встрѣчѣ, но французы отступили. Здѣсь посѣтили насъ Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и привезли намъ самую дорогую награду: поклонъ и благодарность за нашу службу отъ Государя Императора.

На зиму насъ перевели на позицію у Черкесъ-Кермень, гдѣ расположились 3-й и 4-й батальоны со штабомъ, 2-й батальонъ на греческой позиціи а 1-й батальонъ на бородинской, отдѣливъ отъ себя 2 роты вправо по корнизу. Для укомплектованія полка, сюда прибыли къ намъ недобитки славнаго Волынскаго мушкетерскаго полка, заслужившаго громкую извѣстность во время осады, и весь Низовскій егерскій полкъ. Такимъ образомъ изъ 3 полковъ составился маленькій 3-хъ батальонный полкъ. По приходѣ въ Калужскую губернію, пополнился резервами. Обѣ послѣднія позиціи были на громадныхъ высотахъ. По окраинамъ устроили траншеи. На ночь на скатѣ горъ выставляли аванпосты а внизъ спускали секреты. Впрочемъ, на наши высоты не легко было взобраться. Жили въ землянкахъ. Жизнь шла однообразно но не скучно. Утромъ маленькое ученье, стрѣльба, собираніе камней, для пусканія въ наступающихъ. Послѣ обѣда и отдыха, пѣсни и пляски.

Послѣ заключенія мира, нашъ, французскій и англійскій лагери перемѣшались. Не было возможности собрать своихъ и выгнать иностранцевъ. Офицеры тоже поразъѣхались. Первыми явились на нашу позицію шотландцы въ парадной формѣ. Это были капитанъ Скоттъ, поручикъ Ваксонъ и докторъ. Наше хлѣбосольство уложило ихъ до утра. Солдатскія землянки тоже наполнились гостями. Угощались водкой подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ, чтобы не вышло потасовки. Въ одну изъ такихъ пирушекъ при-

бѣжалъ съ докладомъ, унтеръ-офицеръ Маіоровъ, что французъ отходитъ.

— Какъ отходитъ, спрашиваю я.

— Отходитъ отъ водки.

— Не хочетъ больше, что-ли?

— Кончается, ваше благородіе.

Бѣжимъ, и находимъ дѣйствительно умирающаго француза; на этотъ разъ наше хлѣбосольство пересолило. Любо было смотрѣть какъ наши закаленые герои были мягки, ухаживая за умирающимъ. Прибылъ докторъ, но помощь не имѣла успѣха. Дали знать во французскій лагерь. Явились ротный командиръ и фельдфебель умершаго. Вскрытіе сдѣлалъ нашъ докторъ; по медицинскому осмотру оказалось, да и ротный командиръ подтвердилъ, что умершій страдалъ разными хроническими болѣзнями. Сплели изъ прутьевъ гробъ и съ должною почестію похоронили бѣднягу далеко отъ своихъ. Отпѣвалъ нашъ священникъ. Солдаты цаловали покойника, что очень удивило и тронуло французовъ. Когда фельдфебель снялъ съ умершаго мундирную одежду, наши солдатики переглянулись: значитъ не выслужила срокъ: казна матушка. Ротный командиръ остался обѣдать и много поразсказалъ о воровствѣ французкаго интенданства. За защиту Севастополя я удостоился получить ордена: Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 2 степени, съ мечами. Слышно было, что многіе не получили того, къ чему были представлены. Носился у насъ слухъ, а потому и не утверждаю, что нужно было платить за награды

въ наградное отдѣленіе. Недавно мнѣ довелось слышать подтвержденіе этого слуха. Одно высокопоставленное лицо, находясь при главнокомандующемъ князѣ Горчаковѣ, по его порученію, обходилъ госпиталь. Раненый офицеръ заявилъ, что онъ представленъ былъ къ ордену Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и эта награда утверждена главнокомандующимъ; но наградное отдѣленіе требуетъ съ него 300 рублей, иначе не получитъ. По неимѣнію такой суммы, офицеръ и не получилъ ордена. Хорошо если бы кто нибудь разъяснилъ это темное дѣло.

Въ 1870 году, мнѣ довелось побывать въ Севастополѣ, этой дорогой, для каждаго севастопольца, святынѣ, и поклониться праху товарищей. Народъ мѣшками таскалъ еще пули и чугунъ. Въ 16 лѣтъ не могли выбрать то, что было выпущено въ насъ въ 11 мѣсяцевъ.

Валеріанъ Зарубаевъ.

15 іюля 1872 года.
Сергіевское.

Оглавленіе 2-го тома.

Стран.

I. Воспоминанія Севастопольца съ 1854 по 1856 г. . . . 3

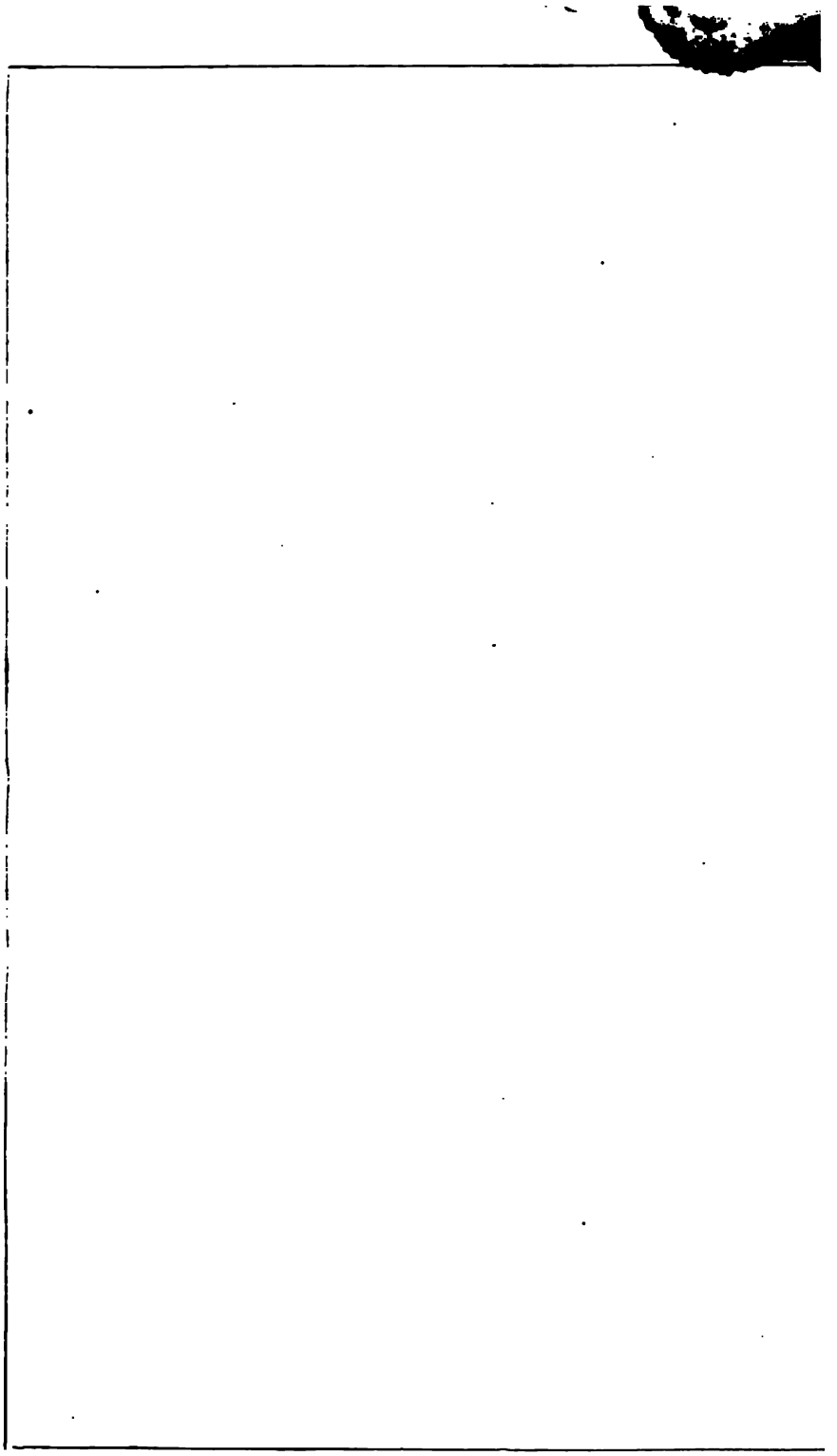
II. Воспоминанія О. фонъ-Драхенфельса. 45

III. Воспоминанія о Севастопольской оборонѣ Георгія Чаплинскаго 69

IV. Очерки изъ крымской войны (дневникъ очевидца). А. Розина. 195

V. Письма отставнаго флота капитанъ-лейтенанта Петра Ивановича Лесли. 293

VI. Воспоминанія о Севастополѣ бывшаго командира 1-й карабинерной роты. Александропольскаго Егерскаго полка Валеріана Зарубаева 433



Нѣкоторыя замѣчанія на неточности вкравшіяся въ статьи 1-го тома.

На стр. 27, въ воспоминаніяхъ Реймерса сказано что для потопленія корабля «Трехъ Святителей» было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ съ Николаевской батареи. Это совершенно невѣрно—выстрѣлы были произведены съ парохода «Громоносецъ».

На стр. 73, въ воспоминаніяхъ Горбунова сказано что капитанъ 1-го ранга Будищевъ убитъ въ день штурма 27 августа. Въ дѣйствительности онъ убитъ во время штурма 6-го іюня.

На стр. 74, приведена рѣчь будто бы сказанная главнокомандующимъ арестантамъ въ день бомбардированія 28 марта 1855 года. Арестанты были дѣйствительно выпущены и призваны къ защитѣ отечества, но не главнокомандующимъ, а генералъ-адъютантомъ Корниловымъ и не 28 марта, а въ въ день перваго бомбардированія 5 октября 1854 г.

На стр. 77, капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й ошибочно названъ адмираломъ.

Тоже самое и на стр. 87.

На стр. 94, сказано, что для потопленія корабля «Трехъ Святителей» были сдѣланы выстрѣлы съ парохода «Владиміръ». Это ошибка слѣдуетъ читать съ парохода «Громоносецъ».

На стр. 223, въ воспоминаніяхъ и разсужденіяхъ В. Стеценко полковникъ Хрущевъ названъ генераломъ. Это не вѣрно онъ былъ произведенъ гораздо позже, что видно на стр. 4 того же тома Сборника.

На стр. 262, въ статьѣ г. Стеценко генералъ баронъ Корфъ названъ начальникомъ Евпаторійскаго отряда. Это не вѣрно. Съ ноября 1854 года начальникомъ Евпаторійскаго отряда былъ генералъ-лейтенантъ Баронъ Врангель, а баронъ Корфъ съ своею кавалеріею находился въ его отрядѣ.

На стр. 283, сказано, что штурмъ Севастополя былъ 26 августа—слѣдуетъ читать 27 августа.

На стр. 403, полкъ графа Дибича названъ Забайкальскимъ—слѣдуетъ читать Забалканскимъ.

Н. Д.

Опечатки 1-го тома.

Стр.	строка сверху	напечатано	читай
69	17	Сиблеръ.	Саблеръ.
86	31	Панфилова.	Панфирова
138	9 18	Томаша.	Томаса.
238	16	вмассѣ.	въ массѣ.
265	29	Юрховскій.	Юрковскій
278	27	упоминаю.	упоминаю.
293	30	Гетенджикъ.	Геленджикъ
327	26	іюля.	іюня.
363	25	графъ Віельгорскій-Матюшкинъ	графъ Віельгорскій-Матюшкинъ.
390	5	Мартапау.	Мартинау.
392	18	по Федюшиной горѣ.	по Федюшиной горѣ.

Государственная Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.
ПАЛАТА.

Stanford University Libraries
3 6105 001 314 926

DK
215.7
S3
v.2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.